

Василий
ГОЛОВАЧЁВ

ГРАНДМАСТЕР РОССИЙСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Я ВАС
ПРЕДУПРЕДИЛ

Самое систематизированное собрание рассказов

Гиганты фантастики

Василий Головачев

Я вас предупредил

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Я вас предупредил / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2021 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-155272-5

Его именем названа звезда в созвездии Близнецов, а на земле творчество Василия Головачёва – это бесконечная вселенная с мирами и войнами, межпланетными путешествиями, мужественными людьми и твёрдой верой в правду и справедливость. Наряду с «классическими» рассказами прошлых лет в сборник включены новинки, такие как повесть «Пыль», за которую автор получил премию Русского космического общества, и рассказ «Перехват». Новая книга – самый полный сборник рассказов гранд-мастера российской фантастики, тираж изданных произведений которого превышает 25 миллионов экземпляров, а количество скачиваний электронных версий не поддаётся подсчёту. Автор называет эту книгу Самое Систематизированное Собрание Рассказов (СССР), потому что здесь и срез времён, и кладовая идей, и ностальгия по достижениям великой космической державы, и взгляд в будущее. Фантастически ясный и провидческий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155272-5

© Головачев В. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Начало	6
Марсианский корабль	7
Эволюция	11
Весьма средний палеолит	11
Средние века нашей эры	11
Средние годы двадцатого века	11
Середина двадцать шестого столетия	12
Ещё пару средних тысяч лет спустя	12
Сидоров и время	13
Сцена 1	13
Сцена 2	13
Сцена 3	14
Сцена 4	14
Сцена 5	15
Финальная сцена	15
Покупка	16
И наступила темнота...	18
Я вас предупредил	20
Ангел-хранитель	23
Земля. век 20-й	25
Беглец	26
Камертон	32
Мальчишка из 22-го	37
Двое в пустыне	42
Мера вещей	49
Операция «Терпение»	65
Волейбол-3000	69
Невыключенный	82
Неперемещённый	92
Переворот	103
Земля. Век 21-й	108
Приговорённые к свету	109
Край света	129
1	129
2	136
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Василий Головачев

Я вас предупредил

© Головачёв В. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Начало

Писать я начал ещё в школе, где-то с седьмого класса. Заметки и коротенькие рассказы регулярно появлялись в стенгазете Жуковской средней школы (Брянская область), хотя были далеки от совершенства и не претендовали на серьёзное воспроизведение. Один из рассказов я даже послал на конкурс в журнал «Техника – молодёжи» в 1962 году, но не получил ответа. Рассказ был написан от руки и никуда не попал.

Следующий этап творчества начался уже в 1967 году в Рязани, где я учился на факультете конструирования радиоаппаратуры Рязанского радиотехнического института. Сначала рассказы печатались в студенческой многотиражке, потом в газетах Рязани, а первый рассказ, ставший началом повести «Непредвиденные встречи» (и цикла «Хроники Реликта»), был напечатан аж в московской газете «Студенческий меридиан» в 1969 году под названием «Великан на косогоре».

Рассказ «Марсианский корабль» написан в Днепрпетровске в далёком 1978 году, отправлен в киевский журнал «Наука і суспільство» и пропал. Был найден аж через 30 лет! Я его слегка подкорректировал. Остальные рассказы – попытка найти свою тему и зачастую представляют собой литературную шутку.

– Василий Головачёв

Марсианский корабль

Этот рассказ написан ровно 30 лет назад. Он был послан в киевский журнал «Наука і суспільство», однако не опубликован. Спустя два месяца мне прислали какой-то выпуск журнала, и я попросту его не раскрывал, прочитав письмо с вежливым отказом. А так как рассказ я посылал написанным от руки (!), то посчитал, что он утерян. Каково же было моё изумление, когда я, расчищая книжные и журнальные завалы дома, раскрыл этот журнал и увидел свой рассказ! Вот так он и дошёл до сегодняшнего читателя. Не судите его строго, это один из первых моих опусов. Я его практически не правил, только заменил кое-какие названия на более современные (к примеру, марсоходы тогда назывались ПрОПоМами – Приборами оценки поверхности Марса). Приятной новостью оказалось то, что мне удалось предугадать открытие на Марсе целевых озёр. Замёрзших, разумеется.
– **Василий Головачёв**

Место для посадки выбрали с таким расчётом, чтобы автоматический марсианский вездеход «Спиди» подошёл сначала к небольшому кратеру Глаз Красавицы, на дне которого зонд обнаружил уцелевшее озеро, точнее, ледяной щит, а затем приблизился к расселине Гильотина, пересекающей плато Красных Дюна надвое.

21 июня 21-я экспедиция на Марс, в разработке которой участвовала 21 страна (такое совпадение посчитали мистическим и счастливым), в том числе и Россия, успешно завершилась посадкой модуля в расчётном районе плоскогорья Красных Дюна и активацией марсохода «Спиди».

Имя марсоход получил по буквам аббревиатуры английских слов, складывающихся в слово SPIDI, однако оно соответствовало и получившемуся понятию «быстрый». В принципе он и в самом деле мог двигаться гораздо быстрее прежних автоматических станций, достигая скорости в 20 километров в час.

Первые панорамы Марса в месте высадки «Спиди» передал уже спустя полчаса после высадки с платформы посадочного модуля, которая должна была навсегда остаться на планете. Затем, после тестирования всех систем, он начал плановый обзор местности, сориентировался и покатился к кратеру Глаз Красавицы.

Сенсаций от него не ждали. Вернее, не ждали каких-то сногшибательных открытий, способных поразить учёных. Уже были найдены и изучены ледяные озёра на северном полюсе Марса, определён состав льда, в котором не оказалось живых микроорганизмов вопреки ожиданиям, хотя следы органических веществ были. Однако вопрос, была ли жизнь на Красной планете в прошлом (в настоящем Марс явно был лишён жизни), оставался открытым. Учёным очень хотелось дознаться, так ли это, был ли Марс заселён и почему жизнь в таком случае погибла. Поэтому каждый из тех, кто наблюдал за путешествием «Спиди», мечтал первым увидеть... ну, всё равно что: окаменевшего марсианского мамонта, воробья, гусеницу, бактерию в конце концов, не говоря уже о следах иного плана – разумной деятельности, под которыми подразумевались уцелевшие болты и гайки либо пирамиды, скульптуры, аэродромы и тому подобные сооружения.

В Центре управления полётами НАСА, контролирующем марсианские корабли, заступила на дежурство смена Родерика Фоссомы, который принимал активное участие в создании «Спиди».

В российском ЦУПе в тот же момент заступила на дежурство смена Константина Вагина, который разрабатывал для «Спиди» систему реагирования на опасность при отсутствии сиг-

нала с Земли: система, получившая простое название «Ёж», должна была «свернуть» марсоход при наличии угрозы, защитить его специальными экранами, так как люди на Земле могли не успеть¹ сами послать команду «свернуться».

Конечно, российские специалисты не могли вмешаться в управление марсоходом, осуществляемое из ЦУПа НАСА, но имели возможность наблюдать за его перемещением и при необходимости консультировать американцев.

Первые 20 метров «Спиди» прополз за полчаса, непрерывно оглядываясь, останавливаясь и шевеля всеми «конечностями» для разминки. Затем сделал марш-бросок вверх по склону вала, окружавшего кратер Глаз Красавицы. Остановился на гребне, направил телекамеры вниз.

Наблюдатели – к этому моменту их набралось в обоих ЦУПах около сотни – затаили дыхание.

Они увидели неглубокую, всего в три сотни метров глубиной, воронку, в центре которой действительно располагалось удивительно круглое зеленоватое озеро диаметром около километра. Разумеется, изображение, передаваемое телекамерами марсохода на Землю, корректировалось по цветности и контрасту, однако, по уверениям специалистов-оптиков, цвет телевизионной картинки вполне соответствовал природному. Именно таким увидел бы астронавт пейзаж Марса.

Цвет стен кратера был оранжевым, вкрапления крупных и мелких камней казались коричневыми оспинами, а лёд на дне кратера отражал летнее небо Марса, зеленовато-лиловое, с полосами жемчужных облаков, редко встречающихся над другими районами планеты.

В американском ЦУПе раздались аплодисменты.

Российский ЦУП особой радости от показанного ландшафта не испытал. Зато именно его наблюдатели первыми заметили странную деталь на ледяном «глазу» кратера.

– Смотрите, чуть левее, ближе к берегу! – заговорил помощник Вагина. – Какая интересная штукавина!

– Вижу, – отозвался Вагин. – Мы можем увеличить изображение в индивидуальном порядке?

– Попробуем.

Изображение на отдельном мониторе стало меняться. Однако чёткости и контрастности операции на компьютере не добавили. Было видно, что объект, на который обратили внимание наблюдатели, действительно имеет некие осмысленные формы, но разглядеть его в деталях не удавалось, телекамеры марсохода смотрели в другую сторону.

– Давайте позвоним коллегам, – предложил помощник. – Ослепли они, что ли?

Вагин кивнул, так как и сам подумывал о том же.

Но американцы его опередили.

Телекамеры «Спиди» повернулись в нужном направлении, и заинтересовавший специалистов объект на льду стал виден лучше.

Все ахнули.

Ледяной торос на поверхности застывшего озера, располагавшийся всего в километре от марсохода, напоминал... земной парусник с полуопущенными прозрачно-беловатыми парусами! Казалось, он врос в лёд по ватерлинию миллионы лет назад, да так и остался как напоминание о давно исчезнувшей цивилизации.

Это было настолько невероятно и неожиданно, что по залу ЦУПа пронёсся единый вздох.

И только внимательный Вагин заметил, что размеры «корабля» намного меньше тех, какие имели реальные земные фрегаты и шхуны. Да и мачты у него были странные, неровные, как ветки дерева.

¹ Расстояние между Марсом и Землёй колеблется от 56 миллионов километров (в моменты наибольшего сближения) до 360 миллионов километров.

Весть об открытии между тем мгновенно распространилась по всему миру, и к экранам телевизоров прилипли даже те – передача велась на все материки Земли, – кто редко или совсем не смотрел новостные телепередачи. Возможно, американцы и засекретили бы своё открытие, будь они единоличными хозяевами марсохода, но в нынешние времена скрывать космические находки было трудно, да и опасно. Поэтому о находке марсианского корабля уже спустя несколько минут было доложено президенту США и председателю правительства России.

Первый попробовал было заикнуться о «государственной тайне», второй позвонил ему через минуту и поздравил с находкой. После чего марсоход резво побежал к лилово-зелено-белому «зрачку» озера в центре Глаза Красавицы.

И лишь ещё через несколько минут стало ясно, что размеры корабля не соответствуют тем ожиданиям, которые охватили людей.

Полтора метра – длина, полметра – ширина, метр – высота, вот и вся величина.

Даже если предположить, что на Марсе действительно миллионы лет назад существовала разумная жизнь, древние марсиане едва ли были совсем маленькими наподобие свифтовских лилипутов или ракообразных соотечественников Барленанна из романа Холла Клемента «Операция «Тяготение». Корабль скорее был игрушкой либо уменьшенной моделью парусника, некогда бороздившего моря Красной планеты.

Но и это предположение умерло, когда «Спиди» остановился в метре от ледяного поля и в ста метрах от корабля. Уже через минуту спектральный анализ показал, что материалом «модели» является обыкновенный лёд. С примесью пыли. И по залам ЦУПов прошелестел вздох разочарования. «Марсианский корабль» представлял собой всего лишь шутку природы, создающей иногда мёртвые формы «живее живых».

Американцы тоже это поняли.

После короткой остановки марсоход снова двинулся вперёд, намереваясь спуститься на лёд замёрзшего озера.

Среди российских специалистов наметилось оживление.

– Константин Максимович, – обратился к Вагину начальник экспертной группы, – надо связаться с коллегами в НАСА, попросить их не спешить. Температура воздуха в кратере всего минус девять градусов, температурная аномалия. Лёд рыхлый.

– Нехорошо, если застрянем, – согласился конструктор «Ежа». – Но вряд ли насовцы нас послушают. Я знаю Фоссома, он упрям как осёл. Как вы думаете, Василий Васильевич, что это такое?

– Эвфузия, – сказал учёный. – Фигура выветривания и вытаивания, получившаяся такой... гм, гм, экзотической. Просто ледяной торос сложной геометрии.

– Я тоже так думаю. А жаль!

– Жаль, – согласился начальник экспертов. – Я всегда мечтал встретить на Марсе...

– Аэлиту? – улыбнулся Вагин.

– Не Аэлиту, но следы цивилизации. Потому и окончил физтех, потом поступил в Роскомос. Меня настораживает другое.

– Что именно?

– Такие сложные фрактальные формы не возникают случайно. Может быть, это редукция того, что существовало на Марсе в прошлые времена?

– Жизни на Марсе нет, Василий Васильевич, да и не было. Будем реалистами.

– Помечтаем хотя бы.

Марсоход взобрался на ледяной бугор.

«Марсианский корабль» приблизился. Затаившие дыхание зрители жадно рассматривали творение природы, паразитально похожее на земной парусник. Отличия, конечно, были, но

не бросались в глаза. Торос из марсианского льда в самом деле казался изделием рук земных скульпторов, а не природным образованием.

Десять метров, ещё десять...

По ледяному полю побежала трещина.

Все ахнули.

Марсоход продолжал двигаться дальше (время, за которое радиоволны пересекали пространство между Марсом и Землёй, превышало шесть минут), трещина под его колёсами стала шире.

– Да что они там, ослепли, что ли?! – сжал кулаки начальник экспертной группы.

– «Ёж»! – вскочил помощник Вагина.

– Не поможет, – пробормотал Константин Максимович. – «Ёж» не включает двигатели на взлёт... которых нет. «Спиди» – не вертолёт и не ракета.

Трещина достигла «марсианского корабля», и он начал осыпаться, разламываться, разрушаться, пока полностью не провалился в продолжавшую змеиться до противоположного берега расселину.

– Ох! – горестно воскликнул помощник Вагина.

Марсоход закачался, повернул влево, занося передние ажурные колёса на штангах, но переползти на твёрдый край расселины не успел. Ширина трещины достигла метра, и «Спиди» провалился вниз, сворачиваясь, как земной ёж, по программе защиты.

Изображение на экранах мониторов померкло.

Снова по залу российского ЦУПа пронёсся вздох, отражавший чувства присутствующих, не сводящих глаз с экранов.

– Конец ле... – помощник прикусил язык и добавил, шепелявя: – Легенде, блин!

С минуту по экранам мела «пурга», что означало отсутствие сигнала с Марса.

Вагин закрыл глаза, глубоко раздосадованный и разочарованный: не тем, что марсоход потерпел катастрофу, а тем, что его «Ёж» не уберёт аппарат от гибели. И ещё было жаль мечты, на миг расправившей крылья при виде «марсианского корабля».

В зале раздался крик многих людей.

Вагин открыл глаза.

Экраны перестали «сыпать пургу», потемнели и затлели зеленовато-голубым свечением.

Марсоход включил прожектор, луч которого пронзил толщу льда.

И в этой толще, на глубине десяти метров, показалась какая-то застывшая, рябая от пузырьков воздуха и комочков грязи масса.

Прожектор чуть развернулся.

Люди увидели рёбра, чешуи, ажурные конструкции, шпилеобразный нос, мачты.

– Мама моя! – прошептал помощник Вагина.

Это был корабль!

Настоящий!

Не творение природы – творение марсиан, сбережённое льдом для тех, кто жаждал обнаружить на Марсе жизнь.

Днепропетровск, 1978 г.

Эволюция

Весьма средний палеолит

Бырр² созерцал переменную облачность и размышлял.

Размышлял он, к примеру, о том, что неплохо бы переехать в пещеру со всеми коммунальными удобствами, что ковры из меха ламы изрядно поизносились, что икра чёрная, равно как и белая, уже в рот не лезет без мамонтовки, что если ледниковый период продлится ещё пару тысячелетий, то мамонты вымрут и придётся избрать предметом охоты дичь помельче, может быть, даже крокодилов... и тут взгляд Бырра упал на дерево, в котором любой уважающий себя неандерталец узнал бы морозоустойчивый сорт яблони, и мысли Бырра привычно сменили маршрут, что довольно характерно для первобытного человека того времени.

«Яблоко хорошо после мамонтовки, – подумал Бырр. – Трезвеешь моментально, как от удара дубиной. Впрочем, если запечь его внутри мамонтового хобота, тоже ничего жариво...»

Недолго думая, древний джентльмен поднял с земли камень. После трёх-четырёх неудачных попыток он добыл-таки яблоко – будучи тоже первобытным, оно было зелёным и смертельно кислым – и тут же съел. Без мамонтовки. Эту изобретённую неизвестным неандертальцем жидкость он допил ещё вчера.

Средние века нашей эры

Старый Митрофан внимательно оглядел из-под козырька руки горизонт, ограниченный сараем, стойлом, домом, лошадью, двумя свиньями и яблоней, и намётанным взглядом зажиточного славянского фермера точно определил, что с юго-востока идёт антициклон.

«Опять придётся раньше времени яблоки убирать, – подумал Митрофан. – Ранние яблоки ценятся меньше, чем поздние, особенно промеж коллег, ну да пёс с ними, а то вовсе без урожая останешься!..»

Чертыхнувшись в душе, старый Митрофан рысью побежал к яблоне, по пути припомнив, что его распрекрасная хозяйюшка Аксинья умеет отменно запекать поросят с яблочной начинкой.

Тётушка Аксинья доила корову, когда со двора послышался шум падения и вслед за тем визг обиженной свиньи. «Жакели твою в купорос!» – подумала Аксинья привычно, выглянула из сарая и увидела мужа, стоящего на четвереньках под яблоней и почёсывающего заднюю часть тела. Опытным глазом определив причину шума, старуха сплюнула в сердцах:

– Лестницу возьми, старый пень! Вздумал лазать по деревьям, как белка! И корзину не забудь – не то яблоки побьёшь, жакели твою в купорос!

Митрофан, поохав, покорно взял лестницу, приставил к яблоне, прицепил на тощую шею корзину и полез вверх. Лестница, конечно, многое решала в данный исторический момент.

Средние годы двадцатого века

Сидоров прищурился на солнце – рабочий день, к великому сожалению, ещё не кончился – и, громко икнув, полез в кабину фруктоуборочного комбайна.

«Хороши нонче яблочки!» – подумал он почти трезво. – Золотой ранет... рашель... антоновка, туды её в качель!.. И-ик!»

² Перевод имени здесь не приводится ввиду полного его неприличия.

Затархтел мотор, вибратор упёрся в ствол яблони, и крупные жёлтые с багрянцем яблоки посыпались в приёмные сетки комбайна.

Сидоров нагнулся, взял из-под картуза яблоко, понюхал, прослезился и с хрустом откусил...

Середина двадцать шестого столетия

Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный лениво просматривал исторические хроники древних веков цивилизации Земли, как вдруг его поразил вид одного растения, плоды которого отозвались в наследственной памяти странно манящим вкусовым ощущением. Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный (в дальнейшем будем называть его для краткости ХМЫРЬ) тут же почувствовал желание – что характерно для землян того будущего времени – съесть такой же плод. Он протянул руку с одним-единственным пальцем, предназначенным для нажимания кнопок, тронул сенсор кибер-исполнителя желаний. Тотчас же в стенке его универсальной персональной жилой ячейки открылось отверстие, и в рот скатилось сочное, только что синтезированное яблоко.

Все двадцать два глаза ХМЫРЯ зажмурились от удовольствия, и он подумал, что древние земляне, именовавшие когда-то себя людьми, пусть и имели всего два глаза и лишние конечности, всё же умели чувствовать прекрасное желудком...

Ещё пару средних тысяч лет спустя

Где-то в сто пятьдесят первом блоке десятой зоны седьмого сектора пятого уровня третьей спирали Всегалактический единый Мозг-анализатор (ВЕДЬМА) внезапно ощутил незапланированную эмоцию, что в общем-то было характерно и для других Галактических Мозгов этого типа окружающего метагалактического пространства.

В течение коротких трёх тысяч лет, проанализировав эмоцию, ВЕДЬМА понял, что это одна из бесчисленного количества его звёздных клеток, называемая когда-то Солнцем, вспомнила что-то приятно-грустное из своей истории. Перестроив логические и чувственные цепи, ВЕДЬМА подключил начальный сигнал этой звезды-клетки к общему каналу и всем своим многотысячепарсековым телом ощутил мысль – нарушительницу покоя: эх, яблочка бы сейчас... да бокал мамонтовки... да чтоб ни о чём не думать...

1975 год

Сидоров и время *сценарий ненаучно-фантастического фильма*

Сцена 1

Отдалённое будущее.

На экране проявляется кабинет Сидорова, аскетически голый, как пустая могила. В кабинете сидит на полу Сидоров и тоскливо смотрит в трёхмерное пространство. На лице его – великая игра мысли, отчего искущённому зрителю становится ясно, что и в будущем Понедельник – день тяжёлый.

Вдруг в кабинете со взрывом петарды (или любым другим вплоть до атомного – лишь бы укладывался в смету) появляется абсолютно лысый – по последней моде – человек в синей поддёвке и атласных шароварах. Это шеф Сидорова по фамилии Иванов-Водкин.

– Хеллоудуюду, – гундосит он, застряв взглядом в потолке. – Задание на сегодняшний день у вас несложное, Петров: необходимо раз и навсегда покончить с вопросом – есть ли жизнь на Марсе.

– Сидоров я, – говорит Сидоров.

– Хрен редьки не слаще, – отвечает Иванов-Водкин и с этими словами исчезает, поддерживая тлеющие от телепортации шаровары. Камера крупным планом показывает потолок, в который упирался взгляд начальника: в этом месте наличествует оплавленная дырка.

Сидоров хладнокровно поминает мать, отца, бабушку и всех остальных родственников шефа тёплым словом и усилием мысли материализуется на Марсе. Как и шеф, он свободно владеет якобы телекинезом, но поскольку он моложе – телекинез у него совершеннее, без дыма и запахов серы.

Пока он материализуется, по экрану течёт время в форме жёлтых звёздочек. Появляется этикетка: «Коньяк армянский, московского разлива, без консервантов». Слышится задумчивая мелодия – это специально выписанный из-за границы певец и актёр Адриано Челентано исполняет под оркестр Поля Мориа «Дубинушку».

Сцена 2

Жизнь на Марсе как будто бы есть. Таково у Сидорова первое впечатление. Материализовался он прямо в толпе и теперь в своём модном скафандре выделяется, как судья на футбольном поле.

Побежала вдруг толпа, и Сидоров с ней. Прибежали, стали в очередь. Прошёл слух, что дают конфеты «Бычье молоко», однако с какой-то нагрузкой.

Двое пришельцев с очень дальних звёзд пытаются прорваться без очереди, маскируясь под инвалидов с Земли, в происходящее вмешиваются две старушки-марсианки, и пришельцы, теряя калоши и щупальца, отправляются к себе домой с последней космической скоростью. У Сидорова закрадываются в душу первые сомнения касательно жизни на Марсе.

В это время к очереди подходит марсианин с большой дороги. Увидев Сидорова, обилием блях и пуговиц напоминающего местных полицейских, он пугается и неожиданно для себя самого вежливо спрашивает, кто последний. Ему доходчиво объясняют, как этого последнего найти.

Когда Сидоров наконец подступает к прилавку, конфеты уже кончаются, зато остаётся «нагрузка»: это двухсотлетней давности подписка на журнал «Итоги».

Сцена 3

Сидоров на пляже.

Далеко за морем что-то сильно дымит. Выясняется, что это первая марсианская атомная электростанция, работающая на привозной солярке. Её построили на Марсе первые переселенцы с Земли, о чём писал ещё известный магацигл Алексей Толстой в своём отчёте «Аэлита».

Искупавшись, Сидоров выходит из воды зелёный, как крокодил Гена. В руках у него нечто вроде рыбьего скелета о двух головах – спереди и сзади.

– А ну, гад, брось обратно! – говорит вдруг «скелет» человеческим голосом на двух языках сразу – русском и матерном. – Чего пристал, лодырь? Селёдки не видал? Отпусти в воду, не то схохну, а тебя посодют за контрабанду!

– Ну, шельмы! – удивляется Сидоров. – Тут и селёдка разговаривает! Может, я тебя на Землю отвезу, в чистую воду пущу? Если найду, конечно.

– Я те отвезу, шутник! Чистая вода – яд для мене! У мене организма такая – в чистой воде жить не мoгeть!

– А желания ты, случайно, не выполняешь?

– Что я тебе – золотая рыбка, что ли? Отпусти, говорю!

Сидоров, потев от нахлынувших чувств, выпускает удивительную марсианскую селёдку в воду, языком пробует зелёный налёт на коже и безошибочно определяет: стрихнин!

Сцена 4

Вдруг обнаруживается, что у Сидорова неизвестные марсиане стянули скафандр.

Вот железо-кислород! – думает Сидоров, отправляясь почти в чём мать родила – в рубашке – в местное ателье. Нету тут жизни. Какая же это жизнь, ежели эти дураки не понимают, что скафандр продать нельзя, он одноразовый. Так и доложу!

В ателье он начинает примеривать новый скафандр, сшитый по марсианской моде задом наперёд. Мастер, похожий по большому счёту на разумного таракана с лицом «кавказской национальности», бегаёт вокруг него с медным тазом вместо зеркала. В зеркале этом отражается все, кроме Сидорова и скафандра.

– А тут у вас что? – невнятно спрашивает Сидоров, застряв головой в рукаве.

– А тут, хе-хе, дырка узковата, – находчиво отвечает мастер.

Снять приросший к коже скафандр оказывается невозможным. Так Сидоров и выходит перекошенный на улицу, мечтая убить режиссёра фильма. Рядом вдруг появляется из ничего выходец из ещё более отдалённого будущего, чем то, откуда сам Сидоров. Они знакомятся. Сидоров поражён – это его праправнук!

– Но у меня нет детей! – говорит он сильно волнительным голосом.

– Нету – так будут! – загадочно улыбается праправнук.

Интересно, от кого? – размышляет вконец озадаченный Сидоров. От Кати или от Фроси? Или, не дай бог, от Люси?!

Последняя мысль пугает его до заикания. Люся была дочерью шефа и походила на него как две капли воды.

– Чего тебе здесь надо? – грубо спрашивает он у праправнука по имени Гриша.

– Денег, – застенялся Гриша.

– Рубля хватит?

– Лучше помельче, баксами, марсиане живут бедно, где им разменять рубль...

К беседующим родственникам подходит небритый абориген с трёх головами и жестами пытается доказать, что он тоже праправнук Сидорова. Самозванец с позором вышвыривается в канализационное отверстие нуль-пространства.

Сцена 5

Пружинистой походкой брюнета (на самом деле он блондин в чёрных ботинках) Сидоров входит в кабинет шефа, в котором стоят суперстол и суперстул. Шеф на этом суперстуле выглядит как небритый кактус в горшке.

В стены кабинета рекомендуется вмонтировать взятые напрокат цветные телевизоры Днепропетровского радиозавода, что намного усилит фантастичность интерьера.

– Нету, понимаити ли, жизни на Марсе, – чётко докладывает Сидоров.

– Вы уверены? – говорит шеф по фамилии Иванов-Водкин, рассеянно жуя письменный оапорт Сидорова. – Прежде, чем доложить, ёксель-моксель, подумайте, у вас ещё есть – чем.

Сидоров крестится, вспоминает вдруг прощание с праправнуком Гришей, и скупая мужская слеза появляется у него в левом уголке правого глаза. Левый глаз у него искусственный, в него встроены видеочамера, фотоаппарат, пистолет-пулемет, зенитно-ракетный комплекс и ножичек для допросов «языков».

Шеф Иванов-Водкин не выдерживает слёз.

– Не реви, Сидоров, – говорит он, сморкаясь в соседнее измерение. – Через девять месяцев жизнь на Марсе появится, я твои способности знаю...

Финальная сцена

Рыдает режиссёр – от умиления.

Плачет автор – от предвкушения большущего гонорара.

Плачут зрители – потому что плакали их денежки.

А время всё идёт и идёт...

1976 год

Покупка

Константин шёл по рынку и ради смеха приценивался ко всему, что видел глаз. Удачно доведённая до логического конца операция с соседскими цветами – тихо нарвал, тихо продал – позволяла ему чувствовать себя хозяином положения до пятницы включительно, несмотря на побаливавшую голову, и сулила не только пиво, на что он рассчитывал вначале, но и заграничную жидкость под названием «Чивас Ригал», каковую сам Константин переводил как «Вшиный рыгал», не зная, что так называется закордонный самогон.

Подойдя к краю шеренги «кустарей», изготовлявших вручную всякую всячину от сапожных гвоздей до «исключительно надёжного» средства от тараканов, он заметил странную личность в непонятном одеянии, державшую в руках блестящую штуковину с рычагом. «Личность» была на вид худа и невзрачна, многодневная, но редкая, как и у самого Константина, щетина не могла скрыть под собой горную складчатость лица, громадные чёрные брови прятали в пропастях глазниц тёмные омуты глаз. «Леший! – решил про себя Константин. – Из лесу вылез. И не боится при народе-то...»

– Привет, дядя, – сказал Константин «лешему», удовлетворившись осмотром штуковины, потрогал рычаг пальцем. – И как же эта фиговина работает?

– Отвали, брандахлыст, – прогундосил «леший», окидывая Константина презрительным взглядом. – Твоих средств на пиво едва хватает, а тут – машина!

Константин от такого обращения слегка оторопел, но так как он не знал точного значения слова «брандахлыст», то ограничился коротким:

– Сам дурак! У меня, может, целый капитал – восемнадцать целковых под кепкой! На пять таких, с позволения сказать, машин хватит! Говори, как работает. Вдруг куплю?

– Инда другое дело, – изменился в тоне «леший». – А работает она проще пареной репы: дёрнул тут, и весь сказ. Бери, тебе за рупь отдам.

– Тю, прохвост! – обалдел Константин. – Ты же брехал – «средств не хватит»! Рукфеллер косоглазый!

– А чё с хорошего человека деньги драть, – совсем ласково прошлёпал губами «леший». – Бери, не пожалеешь, вещь в хозяйстве ой как нужная!

Константин хмыкнул, сдвинул кепку на затылок и с некоторым трудом подсчитал в уме предлагаемый убыток. Без рубля закусь выходила не ахти какая – если брать заморский «Рыгал», но на кильку хватало. «А, леший его задери! – уговорил он сам себя. – Возьму! Жену удивлю и соседу пузатому покажу – знай наших!»

– Держи, хрен старый, – достал он железный рубль и протянул продавцу. – На зуб спробуй, не золотой ли.

«Леший» рубль на зуб пробовать не стал и тут же сгинул, будто его и не было.

– Во даёт! – крикнул Константин, шибко почесал темя и с трудом выпрямился, держа на весу тяжёлую штуковину с рачагом. – Мать честная, да в ей же пудов пять! А на вид не больше пуда!

Кое-как доташив покупку до скверика, Константин опустил её на скамейку и вытер лицо кепкой.

– Ух и тяжёлая, зараза! Бросить, что ль? На кой ляд она мне сдалась?! Купил, называется, дурень лысый!

Он со злости хрюкнул штуковину кулаком и минут десять сидел рядом, отдыхал, курил и ругал себя самыми последними словами, которые почему-то всегда приходят на язык первыми. С одной стороны, железяка ему была абсолютно не нужна, и тащить её в деревню, трястись в автобусе, а потом ещё и пешком пилить три вёрсты было глупо, тем более что ничего путящего

из неё сделать было нельзя, кроме разве что подставки под самогонный аппарат. С другой стороны, Константину до слёз и спазм в желудке было жаль потраченного рубля.

«Эх, собака дохлая! – горько думал он, вспоминая странного продавца, – уговорил ведь, леший его задери! Что же это я у него купил? Даже не спросил, для чего тут палка пристроена... И старик чудной попался, за रुपь отдал... я бы ни в жисть не отдал!»

Константин с досады треснул штуковину ногой и вдруг заметил на её боку какую-то надпись. Нагнувшись, разобрал:

«МАДЭ ИН ПРИШЕЛЬЦЫ! МАШИНА ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ КОЕ-КАКИХ ЖЕЛАНИЙ. АГА!»

Охнув от неожиданности, Константин зажмурился, покрутил головой, снова посмотрел на покупку. Надпись не исчезла. Константин дважды прочитал её, шевеля губами, потом попытался вспомнить, как в книгах описываются способы избавления от галлюцинаций. Вспомнил, ткнул пальцем в глаз и чуть не заорал от боли. Подумал: во пишут, ядрёна штукатурка! Ослепнуть же можно!

Он перевернул штуковину на другой бок и обнаружил ещё одну табличку с такой же – по части грамоты – надписью:

«ЗАГАДСТВО ЖЕЛАНИЕ И ДВИНУТЬ РЫЧАГ ДО УПОР. ТУТ ЖЕ И ПОЛУЧАТЬ ЕСТЬ! АГА.»

– Так! – сказал Константин севшим голосом, по привычке добавил пару выражений на древнеславянском. – Дядя-то пришельцем был! Точно! Сын давеча книжку показывал – про таких индюков залётных... Может, ему на лекарства не хватало... или на горячее... вот он и продал фиговину... Желания, значит, выполняет...

Ему стало жарко, и он скинул рубаху, не обращая внимания на удивлённые взгляды прохожих.

– Тогда мы щас загадаем! Такое загадаем – тёща от зависти удавится!

Думал он, однако, долго, мучился. Перед мысленным взором появлялись то грузовая машина с прицепом, то четырёхкомнатная квартира в городе с мусоросборником и четырьмя туалетами, то ящик «Столичной», то цветной телевизор размером с сарай, то красавица соседка. Наконец, он остановил свой выбор на соседке.

А мужа ейного пузатого – на Колыму! – решил он и рванул рычаг.

Очнулся Константин почему-то на клумбе.

Была ночь. Где-то выла собака, напоминая пьяного заезжего гастролёра. Знакомо пахло дымом, свиарником, этилмеркаптаном и немного цветами. Где-то на околице деревни пели дурными голосами алибасовские «Весёлые ребята». Рядом в круге фонарного света топтались чьи-то сапоги. Как сквозь вату доносился голос ненавистного соседа:

– Живой, Костик?

«Неужели уже с Колымы вернулся? – вяло подумал Константин. – Эх, надо было дальше отправить, на Луну там, або на Марс!»

Он с трудом встал, пощупал гудевшую голову и обнаружил на затылке громадную пульсирующую болью шишку.

– Извини, Костик, – виновато сказал сосед, пряча за спину обрезок трубы. – Думал, воры за цветами лезут, не разглядел в темноте...

– Это все леший виноват... – тупо проговорил Константин, потрогал шишку и остро пожалел, что не успел хлебнуть пол-литра до того, как очнулся.

1989 год

И наступила темнота...

Он был очень красив – первый трансгалактический космолёт. Изящество и сила сочетались в нём удивительным образом, создавая впечатление гармонии и эстетического совершенства. Экипаж космолёта состоял всего из двух человек, потому что целью экспедиции была проверка вывода учёных-космологов о конечности космоса, иными словами – разведка «границ» Вселенной.

Выслушав напутствия взволнованных учёных, командир корабля Иванов произнёс: «Спасибо! До встречи!» – и скрылся в космолёте. Пилот Петров помахал остающимся рукой и молча последовал за ним.

В кабине Иванов ответил на все вопросы диспетчера Дальразведки, вопросительно посмотрел на товарища, и тот ободряюще кивнул. Иванов включил двигатель.

Первый трансгалактический космолёт стартовал в сторону галактического полюса, в неизвестность.

Выйдя за пределы Солнечной системы, космолёт сделал первый гиперсветовой прыжок за пределы Галактики, и космолётчики долго любовались великолепной спиралью Млечного Пути, занимавшей весь объём главного экрана. Второй прыжок вынес их за пределы местного скопления галактик, откуда родная Галактика выглядела уже слабеньким пятнышком света размером с человеческий зрачок.

– Не потеряться бы, – сказал молчавший со времени старта Петров, вечно занятый какими-то расчётами.

– А курсовые автоматы на что? – отвечивал Иванов, зная, что космолёт ведут автоматы по давно рассчитанной траектории и затеряться практически невозможно.

Однако Петров почему-то пожал плечами, и на лицо его упала тень сомнения...

Третий, и пятый, и двадцать пятый прыжки в режиме «звёздный кенгуру» ничего не меняли в окружающем их пространстве. После двадцать шестого прыжка космолётчики принялись за исследование окружающего мира и проверку систем корабля. Анализ пройденного пути показал, что космолёт пронзил около тринадцати миллиардов световых лет и прошёл вблизи квазизвездного источника, известного под названием Беглец-XX – догорающего со времени рождения Вселенной клочка праматерии.

Позади остался сверкающий редкими огнями знакомый космос, впереди людей ждала Её Величество Неизвестность...

Очнувшись от суточного небытия, Иванов пощупал тяжёлую после гипносна голову и встретил взгляд товарища, выражавший вопрос. Выключив защиту, он дал команду автомату, и экраны прозрели.

– Елки-палки! – угрюмо буркнул Петров.

Их со всех сторон окружала полная тьма! Ни одного лучика света, ни одной самой крохотной звёздочки! Ничего! Мрак!

– Тринадцатый день одно и то же... – пробормотал Иванов и нехотя включил бортовой исследовательский комплекс. Но и с помощью приборов не удалось определить, где находится космолёт. Казалось, весь корабль плотно упакован чёрной, непроницаемой для света материей. Автоматика тоже не могла дать рекомендаций, как выбираться из этого странного угольного мешка, в котором не существовало расстояний и линейных мер. Плотность энергетического потока со всех сторон стала ничтожно малой, сверхчувствительные датчики выбрасывали на табло почти одни нули.

Сутки исследователи ничего не предпринимали, думали. Потом Иванов снова включил двигатель.

– Будем прыгать, пока куда-нибудь не припрыгаем. Иного пути у нас нет.

Совершив сотый прыжок, отчаявшиеся космолётчики с угасающей надеждой обшаривали глазами черноту обзорных экранов, и вдруг Петров сбросил свою угрюмую флегматичность:

– Ущипни меня. Толя, я сплю!

Слева по носу космолёта появилась маленькая искорка. Она была почти не видна, далеко за пределами человеческого зрения, но, если свет от неё дошёл в эту область пространства, значит, впереди иная Вселенная?..

После пятого прыжка с момента обнаружения искры света Иванов остановил сверхсветовое движение космолёта.

Звезда увеличилась, но уж очень странной был её спектр, он не укладывался в рамки ни одной из теорий звёздного излучения.

Сначала Петров мрачно пошутил, что они попали в антимир, потом предположил, что это «белая дыра» – выход в иную Вселенную из той, откуда они вылетели.

Сделав ещё прыжок, они наконец увидели, что это такое.

Перед ними, ясно видимая в черноте космического пространства, висела исполинская горящая ровным оранжевым пламенем свеча.

– Сто тысяч километров! – пробормотал Петров, дикими глазами глядя на визирные метки экрана. – Глянь, Толя, длина пламени – сто тысяч километров! Представляешь?!

Иванов не представлял, он просто смотрел, открыв рот.

На свече застыли капли расплавленного стеарина, а её основание терялось во мраке. Она горела ровно, невозмутимо, бездымно, словно стояла на столе в подсвечнике, а не висела в космосе.

– Батюшки-светы! – ахнул Иванов. – Это куда же нас вынесло?!

Развить мысль он не успел. Откуда-то из мрака придвинулись к свече исполинские человеческие губы, дунули на пламя – и наступила полная темнота...

1985 год

Я вас предупредил

Эскадра чёрных «драконов» в количестве двадцати шести боевых единиц вторглась в Солнечную систему перпендикулярно плоскости эклиптики двадцать второго июня в четыре часа утра по времени Москвы.

Первым эскадру заметил патруль Пограничной службы, контролирующей окраины жилой зоны Системы, база которого располагалась над северным полюсом Солнца на расстоянии ста миллионов километров от него. Мгновенно определив, что за гости пожаловали во владения человечества, командир патруля Петер Пршибил доложил о случившемся на базу и повёл свою малочисленную – в четыре единицы – эскадрилью навстречу врагу. Входили в эскадрилью рейдер «Югославия» – флагман, бриг «Сербия», корвет «Словакия» и шлюп «Единая Корея».

Однако пока эскадрилья мчалась на перехват «драконов», чужаки успели разнести в пыль знаменитый телескоп «Хаббл-10», обсерваторию «Киевская» и физический ядерный центр «Европа», вынесенные подальше от человеческих поселений над плоскостью эклиптики. Бросившийся им наперерез пограничный эсминец «Палестина» был также уничтожен, успев лишь дать один залп из плазменных орудий, не принёсший успеха.

Затем чёрная эскадра разделилась: дюжина «драконов» – а корабли агрессивной цивилизации действительно напоминали по форме чудовищных драконов со сложенными крыльями, какими их описывали земные литераторы, – метнулась к Марсу, уже обжитому землянами, а остальные нацелились на Землю, прикрытую достаточно мощным космическим флотом.

– Атакуем первую группу! – принял решение Петер Пршибил, выводя свой отряд навстречу отделившимся пришельцам. – Включаем маскиры! Манёвр!

И корабли патруля, накрытые силовым полем, поглощающим практически любые виды излучений, словно растворились в космосе, исчезли, в то время как хищные «драконы» продолжали оставаться доступными средствам наблюдения землян. Почему они не маскировались, используя поляризационные свойства вакуума, осталось тайной. Впрочем, пограничников это в данный момент не интересовало. Патруль вышел на ударную позицию и дал залп из аннигиляторов, в первые же секунды боя уничтожив и повредив три головных «дракона».

Однако силы были слишком неравными. К тому же «драконы» почему-то легко находили спрятавшиеся за маскировочным полем земные корабли.

Ответный залп пришельцев развалил надвое шлюп «Единая Корея» и разрезал на три части рейдер «Югославия». Затем наступила очередь брига «Сербия», от которого осталась лишь головная часть обтекателя. Дальше всех сражался корвет «Словакия», успевший повредить ещё два «дракона». Но и он не выдержал очередной огненной атаки и превратился в яркую вспышку света.

К тому времени, когда к месту сражения прибыла марсианская эскадра Погранфлота, от патруля не осталось ничего, кроме мелких обломков и пыли.

Между тем разгорелось сражение и между основным ядром чужой эскадры и боевыми силами Земли. Чужаки успели нанести удар по международным энергостанциям и, по бесстрастным подсчётам компьютеров, погубили более двух тысяч человек, работающих в космосе...

Владимир Сергеевич Лукьянов-Васильченко перестал стучать по клавишам компьютера и с удовлетворением откинулся на спинку кресла, взирая на свой труд: он сочинял очередной роман из цикла «Завоеватели». Подумав, решил немного усилить эффект нападения вражеского космофлота на Землю и переправил цифру две тысячи – в смысле потерь человечества – на десять тысяч. Радостно потёр руки: сцена боя, описанная в романе, впечатляла.

– Теперь можно и водочки рюмашку пропустить, – сказал он сам себе, отправляясь на кухню.

Включил свет... и замер с открытым ртом, глядя на сидевших за столом мужчин.

Один из них был сед, величав и удивительно похож на известного актёра, сыгравшего в знаменитом сериале Штирлица. У него были прозрачно-серые глаза и тяжёлый подбородок.

Второй казался моложе, голубоглазый и абсолютно лысый, точнее – бритоголовый, но его прямые жёсткие губы говорили о большой воле и сильном характере.

– В-вы кто?! – опомнился Владимир Сергеевич. – К-как вы здесь оказались?!

Гости встали. Одеты оба были в блестящие комбинезоны наподобие лётных, пряжки ремней мигали разноцветными огнями.

– Писатель Владимир Сергеевич Лукьянов-Васильченко? – проговорил седой старик.

– По кличке На-Воху-Доносор? – добавил голубоглазый.

У Владимира Сергеевича отвисла челюсть: кличкой его наградили друзья, и знали её совсем немногие.

– Д-да... Откуда вы зна... Вы из КГБ?! То есть из ФСБ?

– Мы из будущего. Присядьте, есть разговор.

Ноги Владимира Сергеевича ослабли, и он буквально рухнул на подставленный стул. Сердце дало сбой.

Ему подали стакан воды.

Он залпом выпил. Голова слегка прояснилась.

– Надо следить за собой, – укоризненно покачал головой седой.

Владимир Сергеевич посмотрел на своё отражение в дверце кухонного шкафа, и ему на мгновение стало стыдно. Выглядел он хреново, лет на пятьдесят с гаком, хотя недавно ему стукнуло тридцать четыре года: толстый, обрюзгший, пузо на коленях, лицо в складках, неухоженные усы, да и не брился три дня...

– Я... начну... это... зарядкой... по утрам...

– К делу, – перебил его голубоглазый.

– Чего вы хотите? – вздрогнул писатель.

– Владимир Сергеевич, вы обвиняетесь в намеренной маргинализации будущего, описывая в своих произведениях сплошные войны и криминальные разборки! К сожалению, вы являетесь не просто писателем, а магическим оператором, и ваши тексты реализуются в будущем. Прекратите уничтожать вселенные!

Владимир Сергеевич обалдел.

– Вы че, мужики, серьёзно?!

– Более чем. Вы даже не представляете, насколько серьёзно.

– Бред! – засмеялся Владимир Сергеевич.

– Некоторых ваших коллег мы уже предупредили, – ровным голосом продолжал голубоглазый. – Двое из них прекратили футур-экспансию, ещё двоих пришлось нейтрализовать.

– К-как нейтрализовать?!

– Способов воздействия много, – спокойно ответил старик. – От психических до физических. К примеру, один небезызвестный вам писатель тяжело заболел...

– Б. К. Пушкив! – прошептал Владимир Сергеевич, бледнея. – В психушку положили...

– Есть и другие примеры.

– Саша Пупченко... свалился с крыши девятиэтажки... Не может быть! Он просто перепил...

– Итак, вы принимаете наше предложение?

Кухня закачалась перед глазами писателя.

– Бред! Вы издеваетесь... не имеете права...

– Мы вас предупредили. – Голос старика превратился в гулкий бас, лампочка под потолком кухни лопнула.

Владимир Сергеевич вздрогнул и потерял сознание.

Очнулся он утром.

Вскинулся, тараща глаза, вспоминая встречу с посланцами из будущего, огляделся.

Он лежал поперёк кровати прямо на одеяле. Часы показывали десять утра. Пора было вставать и садиться за компьютер.

– Мы вас предупредили... – передразнил Владимир Сергеевич пришельцев из сна. – Чушь собачья! Надо же, сны какие снятся после одной стопки водки! Ну, погодите, засланцы из будущего, я вам покажу маргинализацию!

Он сполз с кровати, подумал было о зарядке, потом махнул рукой: к черту, лень!

Кое-как умылся, позавтракал бутербродами с салом, сел за стол. С минуту соображал, о чём писать, и начал...

«Стая «драконов» нанесла удар по столицам европейских государств, в том числе и по Москве, прежде чем земному флоту удалось отогнать её в космос. Но потери среди мирного населения были ужасающи! Погибли миллионы людей. Были разрушены знаменитые памятники архитектуры, загорелся Кремль...»

Владимир Сергеевич поёжился, представляя себе эту картину, собрался было продолжать... и упал навзничь от сильного удара в грудь! Поднял глаза к потолку, не понимая, в чём дело, но вместо потолка увидел небо в серых и красных дымах, услышал грохот и рёв близких и далёких взрывов и понял, что лежит на асфальте улицы, а не на полу кабинета! Приподнялся на локтях, разглядывая жуткую картину разрушения.

Слева горел краснокирпичный дом, справа – какое-то суперсовременное здание из металла и стекла. Над зданием в небе шло сражение между гигантскими летательными аппаратами в виде жутких чёрных драконов и земными истребителями. Изредка молнии, которыми стреляли «драконы», устремлялись к земле, и тогда в небо ввинчивался очередной дымно-огненный смерч.

Мимо пробежала группа молодых людей в странных одеждах. За ними ковылял старик в зеркальном балахоне, держа под мышкой нечто вроде огнемёта.

– Постойте! – остановил его Владимир Сергеевич. – Скажите, где я?!

Старик бегло оглядел писателя, скривил губы.

– Ты что, паря, проснулся? Или память отшибло? Впрочем, неудивительно. А проснулся ты в Москве, аккуратно на Охотном Ряду, с чем тебя и поздравляю.

– Что... происходит?!

Старик втянул голову в плечи от близкого взрыва, заторопился прочь, оглянулся.

– Война идёт, паря! С пришельцами. Так что лучше бы тебе не просыпаться.

Глаза старика вспыхнули пронзительной синью, и Владимир Сергеевич, холодея, вспомнил слова одного из недавних гостей: «Мы тебя предупредили...»

Не оставалось сомнений: его нейтрализовали! Причём очень просто – послали в то будущее, которое он описал...

Над площадью раздался рыдающий вопль:

– Я больше не буду-у-у... Верните меня домой!..

Может быть, и в самом деле стоит писать о будущем только хорошо? С надеждой, верой и любовью?..

2004 год

Ангел-хранитель

Три приседания.

Два отжима от пола.

Три вялых рывка руками за голову, наклон.

Вот и вся зарядка.

Едва не упав на кафельный пол – зарядку он делал на кухне, – Хунхузов поплёлся в ванную. Мельком глянул на часы с кукушкой: 12 с копейками. День, естественно. Похоже, новогодняя ночь действительно закончилась. Как он до дома добрался? Вроде бы никто не подвозил... а голова раскалывается так, будто он выпил по меньшей мере ведро шампанского, а не те несчастные полторы бутылки... или, может, больше?

Хунхузов промахнулся мимо двери, вернул себя в вертикальное положение, покачал пальцем перед носом: шалишь, браток, мы контролируем ситуацию! Сколько же он выпил? Неужели больше? И с кем?..

– Ничего не помню, – прохрипел он пересохшими губами.

Залез под тёплую воду, потом включил холодную.

Б-р-р! Хорошо, мать честная! Отличный праздник – Новый год! Жаль, что обещанные чудеса не исполняются. Верочка-секретарша игриво обещала чего-то там хорошего... вспомнить бы... нет, не получается, а жаль. Верочка плохого не пожелает, у неё муж – боксёр...

Перед носом объявилась стена ванной в брызгах.

Чёрт, так и утонуть в ванне недолго!

Хунхузов вылез, пытаясь сформулировать мелькнувшую мысль. О чём это я, господи? А, да, Верочка с мужем... не то... О чём я мечтал-то, когда били куранты? Впрочем, сейчас попою пивка и позвоню друзьям. Праздник ещё не кончился.

Насухо вытерся. Полегчало.

Залез в холодильник. Пиво есть! «Варштайнер». Холодное. Как раз то, что нужно.

Щёлкнула пробка.

И в дверь позвонили.

Хунхузов прислушался с бутылкой у рта, надеясь, что ему послышалось. Но звонок прозвучал ещё раз.

Он поставил бутылку на край стола, плотнее запахнул халат, прошлёпал в тапках к двери.

– Кто там?

– Вам посылка, – послышался надтреснутый старушечий голос.

– К-какая посылка? – удивился он. – Откуда? Сегодня же выходной...

– Не хотите, не надо.

Хунхузов испугался, открыл дверь.

За дверью стояли две женщины: одна – старая, скукоженная, в невероятном зипуне, типичная Баба-яга, вторая – молодая красавица в изумительном новогоднем костюме. Если бы не отсутствие короны на роскошных волосах, её можно было бы назвать Снегурочкой.

– Здравьете, – сказал обомлевший Хунхузов.

– На, распишись, – недовольно проговорила старуха, протягивая белый листок бумаги.

На нём проступили клеточки какой-то квитанции и надпись: «Посылка. Игра «Угадай своё счастье».

– Ну? – не понял Хунхузов.

– Подписывай.

– Чего?

– Квитанцию.

– Зачем?

- Посылку тебе доставили? Доставили. Получи и распишись.
- А где посылка?
- Вот она. – Старуха подтолкнула «Снегурочку» в спину; та застенчиво улыбнулась. – Марфой зовут. Ну, берёшь аль нет?
- Хунхузов, млея, черкнул закорючку на квитанции.
- Благодарствую, – проворчала старуха. – Не забирай малую-то, она беречь тебя будет.
- От чего?
- От всего. Ангел это твой, хранитель. Ну, бывай.
- Нет, постой! – цапнул он старуху за рукав зипуна. – Ничего не понимаю! Кто послал мне эту... посылку? За что?
- Аль не помнишь?
- Не-е...
- Вчерась у друзей был, у Серёги с Толевичем?
- Б-был... вроде...
- Пить меньше надо, писатель! Они в игру начали играть: «Угадай своё счастье». Помнишь?
- П-помню... кажется...
- Вспомни, что ты сказал, когда очередь до тебя дошла?
- Ч-что?
- Старуха сурово поджала губы, кинула взгляд на Марфу:
- Следи за ним, милая моя, не давай много шампанского. Всё забудет, и тебя забудет, и себя.
- Хорошо, бабушка.
- Что я... сказал? – еле выговорил Хунхузов.
- Старуха открыла рот, но перед глазами Хунхузова вдруг всё поплыло, и очнулся он уже за столом. Поднял гудевшую голову.
- Вокруг веселились друзья, пели их жёны, какие-то незнакомые парни и девушки перебрасывались шутками. На часах было без пяти двенадцать.
- Крики стихли.
- Хунхузову подали бокал.
- Твоя очередь! Только быстрее, сейчас куранты ударят.
- Что... я... должен?
- Угадай своё счастье, угадай своё счастье! – дружно захлопали все в ладоши.
- Хунхузов огляделся, не понимая, чего от него хотят, и увидел скромно сидевшую в уголке девушку. Ту самую, «Снегурочку», Марфу. Оттолкнул руку Серёги, встал из-за стола, шагнул к ней.
- Вот... оно...
- Ура! – закричали все. – Целуйтесь! Новый год наступил!
- Хунхузов отбросил бокал с шампанским, протянул руки к Марфе... и снова очнулся.
- Это была другая компания. Намного тише. То есть та же, что и раньше, но и Серёга, и Толевич были лысыми, их жёны постарели на 37 лет, а рядом сидела Снегурочка. Марфа. Ей тоже было далеко за 50. Но она была всё так же прекрасна, как и в тот вечер, когда ему «прислали посылку». Ангела-хранителя.
- Она смотрела на него и улыбалась.
- Выпьем же за любовь!
- И за то, чтобы сказки сбывались...

Декабрь, 2007 год

Земля. век 20-Й

Эти рассказы были написаны в разные времена, однако все они касаются земных проблем и земных историй, интересующих всех без исключения читателей. Похоже, я был одним из первых авторов, заговоривших о попаданцах, так как рассказ «Мальчик из 22-го» (выдержал 7 переизданий) – о молодом парне нашего времени, провалившемся в 41-й год, написан в прошлом веке, в 1979 году. Поскольку я достаточно серьёзно играл в волейбол и стал мастером спорта (в 1975 году), тема спорта, в частности волейбола, волновала меня, и я написал несколько историй, героями которых стали волейболисты. О таком игроке был написан рассказ «Волейбол-3000» (я представил, какой будет эта замечательная интеллектуальная игра в 3000 году), где мне удалось «усовершенствовать» игру и предугадать изменение правил. Ну, и, конечно, не миновала меня и романтика (я вообще считаю себя последним романтиком социалистической эпохи), и я написал рассказы «Двое в пустыне», «Камертон» и другие, воспитывающие у читателей чистую тягу – не к сексу – к настоящей любви! Хотя наиболее ярко эта тема была поднята мной в более поздних произведениях.

– Василий Головачёв

Беглец

Вертолёт снизился до четырёхсот метров и, накренившись, пошёл по кругу.

– Видите жёлтое пятно? – прокричал пилот Березину. – Это и есть Драконья пустошь. Посередине – Клык Дракона.

Клык представлял собой совершенно гладкий каменный палец диаметром около полутора сотен метров и высотой чуть выше двухсот. Палец был окружён обширным песчаным оазисом, который с трёх сторон охватывала тайга, а с четвертой ограждали пологие, израненные фиолетово-бурыми тенями бока Салаирского горного кряжа.

– Давай вниз, – показал рукой Березин.

Пилот утопил штурвал, и вертолёт провалился вниз, взревев мотором у самой вершины скалы.

С двухсотметровой высоты Драконья пустошь выглядела бесконечной пустыней, ровной и гладкой на удивление. Ни камня, ни кустика Березин на ней не заметил, несмотря на свой двенадцатикратный бинокль. Негреющий желток солнца над горизонтом и белесый пустой небосвод довершали картину мёртвого спокойствия, царившего в природе.

Счётчик Гейгера и дублирующий дозиметр Березин включил ещё в воздухе, но они молчали – повышенной радиации над Драконьей пустошью не оказалось. Но что-то же было, раз его, эксперта Центра по изучению быстропеременных явлений природы при Академии наук России, послали сюда в командировку при полном отсутствии финансирования.

– Ты, случайно, не знаток местных легенд? – спросил Березин, подходя к краю площадки.

– Вообще-то не знаток, но слышал одну... Местные алтайцы говорят – дурная здесь земля. Зверь вокруг пустоши не живёт, люди тоже почему-то не селятся. По преданию, в этих краях обосновался дракон, дыханием своим иссушающий сердца и уносящий людей в ад...

– Поэтично... и загадочно. Радиоактивности нет, обычный фон, а это очень странно, если учесть одно обстоятельство: два дня назад...

Два дня назад в районе Салаира разразилась магнитная буря с центром в зоне Драконьей пустоши, а спутники отметили здесь ещё и источник радиации. Березин вылетел к Салаирскому кряжу сразу же, как только в Центр пришла телеграмма, но выходит, пока он собирался, источник радиации исчез, а буря стихла. Чудеса...

– Очень странно... – повторил Березин задумчиво.

Пилот выглянул из кабины. На лице его, хмуром от природы, отразилось вдруг беспокойство.

– Ничего не чувствуешь? Мне почему-то хочется смотаться отсюда, и побыстрей.

От этих слов Березину стало не по себе, пришло ощущение неуютности, дискомфорта, и ему внезапно показалось, что в спину ему пристально смотрит кто-то чужой и страшный...

Впечатление было таким острым и реальным, что он невольно попятился к вертолёту, озираясь и чувствуя, как потеют ладони. На многие десятки километров вокруг не было ни единой души, кроме них двоих, но ощущение взгляда не исчезало, усиливалось и наконец стало непереносимым.

– А, ч-чёрт, поехали!

Березин ретировался под сомнительную защиту вертолёта, влез в кабину и захлопнул дверцу.

– Что, и тебя проняло? – пробормотал пилот.

Вертолёт взмыл в воздух, мелькнули под ним и ушли вниз отвесные бока скалы, сменились желто-оранжевой, ровной, как стол, поверхностью песков. Клык Дракона отделился...

– Давай сядем поближе к нему, на песок, – предложил Березин, всё ещё глядя на таинственную скалу, странный каприз природы, воздвигшей идеальный обелиск в центре песчаного массива. Уж не работа ли это человеческих рук? Но кто, когда сделал это и, главное, зачем?

Пилот отрицательно качнул головой:

– На песок нельзя.

Спустя несколько минут вертолёт завис над узенькой полоской земли возле стены леса и спружинил на полозья.

Только теперь Березин обратил внимание на то, что лес, начинавшийся всего в сотне шагов, был какой-то странный – сплошной сухостой. Корявые стволы переплелись безлиственными ветвями, создавая мёртвую серую полосу вдоль песчаного пляжа насколько хватало глаз. Живой зелёный лес начинался за этой полосой не сразу, а как бы по мере отдаления от пустоши, вытягивающей из него всю воду.

Березин с недоумением разглядывал колючую поросль высохшего кедрового стланика, подумал: не пролетала ли здесь когда-нибудь стая саранчи? – но пилот окликнул его, и он поспешил на зов.

– Смотри. – Пилот подобрал камень, забросил на недалёкую песчаную гладь. Камень упал и исчез из глаз, словно нырнул не в песок, а в воду. – Зыбун.

– Что?! – удивился Березин. – Зыбучие пески? То-то я смотрю, песок слишком гладкий – ни барханов, ни ряби... Зыбун! На все два десятка километров?

– Факт. Когда начинается ветер, песок аж течёт, сам видел, я над этими местами пять лет без малого летаю. Ну что, будем брать пробы?

– Непременно будем. А завтра заберём помощника, перевезём палатку и все необходимые вещи, и я начну коковать тут одну целую неделю. Не забудь забрать.

Березин энергично принялся за работу.

А через полчаса, когда он взял необходимые пробы грунта, сделал замеры и собрался отнести приборы к вертолёту, горизонт вдали над центром мерцающей золотом песчаной плещи вспыхнул вдруг лиловым пламенем, песчаная равнина встала дыбом, и спустя несколько секунд жаркий ревущий вихрь обрушился на лес.

Воздушная волна отбросила Березина неглубоко в заросли колючего кустарника. Пока он выбирался, царапая тело острыми сучьями, рёв ослаб, как бы отдалился. Теперь он напоминал шум водопада, слышимого с недалёкого расстояния.

– Жив? – окликнул Березин пилота.

– Очень может быть, что и нет, – мрачно отозвался тот, невидимый из-за плотной жёлтой пелены пыли.

Березин пробрался на голос, зажимая нос платком, обошёл смутно видимую тушу вертолёта и сел рядом.

– Что это было?.. Ох и запах, чуешь?

– Ещё бы! – Пилот закашлялся. – Вертолёт вот повалило, винт помяло, придётся теперь попотеть, пока поставим на полозья да винт починим. А рвануло как раз в районе Клыка, недаром меня тянуло выбраться оттуда.

– Метеорит? Или испытания баллистической?

– Почему испытания? У наших «вояк», случается, и сами ракеты летают. – Пилот снова закашлялся, прикрывая рот ладонью. – К чему гадать? Подождём, пока осядет пыль, поставим вертолёт и слетаем туда. Ты эксперт, тебе и карты в руки.

Жёлтая мгла рассеялась настолько, что стали видны лес, пустыня и зеленоватое небо. В той стороне, где прогремел неожиданный взрыв, всё ещё гроыхало и в небо ввинчивался чёрный с синим столб дыма, подсвеченный снизу оранжевым. Дым с глухим ворчанием распухал в плотное облако, расплзавшееся, в свою очередь, по пустыне.

– Чему там гореть? – пробормотал пилот, глядя на тучу из-под козырька ладони. – Ведь пески одни... и куда-то подевался этот чёртов Драконий Клык...

Березин постоял рядом, напрягая зрение, потом вспомнил о бинокле, кинулся было в кабину и неожиданно заметил невысоко над песком летящее по воздуху чёрное пятно. Оно медленно плыло сквозь марево, заметно снижаясь на ходу, и было в его очертаниях что-то необычное, притягивающее взор.

Не сговариваясь, они бросились к тому месту, где должно было приземлиться пятно, и, ещё не добежав, Березин решил, что это... человек, одетый в чёрный комбинезон.

Плыл он в очень неестественной позе метрах в трёх от земли, словно ничего не весил, и пролетел бы мимо, если бы пилот, отломивший на бегу длинный сук, не остановил неуклонное скольжение незнакомца. Тело человека медленно обернулось вокруг конца ветки и вдруг тяжело рухнуло на землю, будто оборвав те невидимые нити, которые поддерживали его в воздухе.

Березин осторожно обошёл тело, нагнулся, всматриваясь в лицо незнакомца, и едва не отшатнулся. Лицо упавшего, несомненно, принадлежало не человеку. Намётанный взгляд эксперта отметил и безупречные овалы глаз, открытых, но тёмных, без зрачков и проблеска мысли, и прямой, едва выступавший нос, и слишком маленький рот, и чрезвычайно густые брови... Похож на человека, но не больше, чем кукла или робот. Впрочем, откуда здесь, в районе Салаира, роботы?

– Чудной какой-то, – буркнул пилот, встречая взгляд Березина. – Кукла, что ли?

И тут с глаз незнакомца исчезла тёмная пелена. Они стали прозрачными, наполнились жёлтым «электрическим» сиянием. Незнакомец неуловимо быстро изменил позу, точно перевернулся из положения «сидя» в положение «лёжа», некоторое время не сводил своих чудных глаз с облака пыли и дыма на горизонте, потом непонятная гримаса исказила его правильное лицо и низкий, чуть ли не уходящий в инфразвук голос медленно произнёс:

– Кажется, это была последняя ошибка...

В этом голосе было столько вполне человеческой горечи, что Березин проглотил вертевшиеся на языке вопросы и молча стоял рядом, мучаясь от сознания своей беспомощности и непонимания ситуации. Выручил пилот.

– Кто вы? – спросил он хрипло.

Незнакомец повернул голову, оглядел обоих равнодушно, но голос снова выдал его душевные муки, потому что в нём звучали непередаваемая тоска и боль:

– Можете называть меня Последним. Я землянин, но предыдущий. Весёленькая ситуация, не правда ли?

– Ситуация, конечно, ого... – обрёл дар речи Березин. – Но на человека вы... как бы это сказать... не очень-то...

Незнакомец с проблеском интереса оглядел Березина, пилота и внезапно улыбнулся. Во всяком случае, гримасу его можно было оценить как улыбку.

– Представляю, как я выгляжу. Я же сказал, что я человек, землянин – и только. И я действительно Последний...

Прилетевший из пустыни словно погас, неожиданно лёг, вернее, перетёк в лежачее положение и продолжал уже лёжа, значительно тише:

– Кроме того, я беглец.

Березин посмотрел на растерявшегося пилота, лихорадочно соображая, что делать дальше. Обстановка складывалась неординарная, даже исключительная, и хотя он и был подготовлен к неожиданностям – год работы экспертом в Центре приучил его ко всему, – такого поворота событий не ожидал.

– Что предлагаешь делать? – быстро спросил он, отводя пилота в сторону и понижая голос.

– Его бы надо в столицу, – робко предложил пилот. – Может, успеем спасти...

– Не успеете, – сказал сзади Последний, обладавший отменным слухом. – Время моей жизни истекает, я успею лишь ответить на ваши вопросы и объяснить, кто я такой. Если вы этого хотите. Остальное уже не имеет значения.

Березин слушал Последнего с неопределённым чувством – нечто среднее между иронией, изумлением и скепсисом. Поверить до конца в происходящее он не мог, не мог и решить, как относиться к пришельцу. Хотя пришельцем Последний не был.

По словам его, двести миллионов лет назад на Земле существовала цивилизация, по какой-то причине (по какой – Последний уточнить не захотел) исчезнувшая в веках. Лишь немногие, в том числе и он сам, успели бежать в будущее от неизвестного катаклизма, найдя миллионы лет спустя новую цивилизацию, современную, молодую, горячую и... небезопасную.

– Да, небезопасную, – повторил Последний. – К сожалению, у нас не было выбора. Вы, люди, – диэнерги! Вы излучаете сразу два вида энергии: разрушения и созидания! Вам неведомо, что источниками энергии являются ваши эмоции: энергии разрушения – зло и ненависть, созидания – доброта и гуманизм. Источник один – эмоции, но виды излучений разнятся так же, как ваши машины для разрушения отличаются от машин для созидания, строительства. Вы даже не подозреваете, что обладаете исполинской силой, способной творить вселенные! И тратите эту силу поистине с безумной щедростью, но главное – абсолютно бесполезно, даже не замечая её существования. Кроме редких случайных проявлений – телепатии, например, ясновидения, телекинеза... Взамен над чувствами начинает преобладать трезвый расчёт, и появляются на свет атомные бомбы, напалм и генераторы смерти...

Беглец из прошлого замолчал.

– Почему же наша цивилизация такая плохая? – спросил задетый Березин, когда молчание затянулось. – Только из-за совершенствования орудий истребления?

– В последнее время наши... назовём их приборами... стали фиксировать нарастающую волну бессмысленных трат энергий разрушения, а мы достаточно опытные, чтобы понимать, к чему это может привести.

– К чему же?

– Вы становитесь равнодушными... к природе, к себе... к разуму вообще. Равнодушие – худшее из бед! Природа не терпит пустоты, и, не встречая сопротивления, гипертрофически растёт безликая энергия равнодушия, которую слишком просто обратить в энергию разрушения... к чему пришли и мы за двести миллионов лет до вашего рождения. Моим коллегам-беглецам повезло больше, многие из них прошли инверсию времени благополучно, выбрав другие отрезки вашей истории. Я же ошибся, ошибся дважды... – Голос Последнего понизился до шёпота. – Уже само бегство было ошибкой, трагической ошибкой, исправить которую я уже не могу.

– А взрыв? – не удержался пилот, не в пример Березину слушавший с жадным интересом и поверивший пришельцу сразу и безоговорочно.

– Инерция была слишком велика, когда я захотел остановиться, – прошептал едва слышно Последний, – и инвертор времени захлебнулся.

Через четверть часа им удалось поставить вертолёт на полозья, и пилот снял переборку за сиденьями, куда они с превеликим трудом поместили Последнего: тело неожиданного беглеца из прошлого оказалось необычно тяжёлым. Он не сопротивлялся, только сказал:

– Напрасно вы возитесь со мной, помочь мне не в силах ни один современный врач. Я не гуманоид, как вы считаете, хотя и похож на людей. Видимый мой облик, все эти «руки», «ноги», «голова» – порождение вашей фантазии, как и мой «русский» язык. Вы слышите не речь, а мысль! Вы, должно быть, и видите меня по-разному...

Березин не удивился, только кивнул, его уже трудно было чем-нибудь удивить, к тому же беспокоила одна идея.

– Излучение зла, – сказал он, кое-как усаживаясь рядом с Последним на пассажирское сиденье, – это, наверное, условность?

– Разумеется, термин относителен, – отозвался Последний. – Градации энергии эмоций вообще условны. Излучение имеет спектр, и каждая эмоция имеет свою полосу. Но какая ирония судьбы – вы, величайшие из творцов во Вселенной, не знаете своей огромной творческой силы!

– Да уж, силой бог нас не обидел! – пробормотал Березин, перед мысленным взором которого промелькнули картины человеческой деятельности. Подумал: одновременно это и страшная сила! Если, конечно, всё это не розыгрыш или шутка гипнотизёра... и не бред больного. Хотя на больного этот чёрный малый не похож. Знал бы он, сколько ещё у человека злобы и ненависти, равнодушия и зависти, властолюбия и презрения! Может быть, и права эволюция, что не раскрыла нам сразу всего нашего могущества – наделали бы дел! Прежде надо научиться жить по справедливости и излучать в одном диапазоне – доброты и отзывчивости. Почему же к нам бегут из бездны прошлого? Что за парадокс? Неужели там жизнь хуже? Или они сами оказались бессильными перед своим собственным могуществом?

– А что это означает – энергии зла или доброты? – спросил Березин. – Можно ли ими управлять, дозировать?

Последний повозился в своём импровизированном кресле, помолчал с минуту.

Фыркал мотор, пилот, не вмешивающийся в беседу, несколько раз выскакивал из кабины и возился наверху. Наконец он запустил двигатель, и кабина задрожала от вибрации ротора.

Наконец раздался невыразительный голос (мысль!) беглеца:

– Пожалуй, я рискну дать вам знание вашей собственной радиации доброты, хуже от этого никому не станет, тем более мне. Но предупреждаю: знание это вы сможете использовать только для себя и не во вред другим. Любое иное применение станет фатальным.

Глаза Последнего налились жёлтым сиянием, у Березина внезапно закружилась голова, и он судорожно ухватился руками за какую-то перекладину впереди. И в это время тело беглеца из прошлого стало распухать и распадаться чёрным дымом. Дым заполнил кабину, перехватил дыхание.

Березин ударил ногой в дверцу и вывалился из кабины на землю, задыхаясь от кашля и нахлынувшей слабости. Отползая на четвереньках от вертолётки, из которой, как из кратера вулкана, валил дым, он увидел по другую сторону отчаянно ругавшегося пилота, проворно отбегающего к пескам.

Двигатель вертолётки продолжал работать, лопасти вращались и прибавали струи дыма к земле. Глаза начали слезиться, кашель выворачивал внутренности наизнанку, голова гудела, и Березин, судорожно загребая землю руками, отползал от вертолётки всё дальше и дальше, понимая, что Последний умер...

– И тут я потерял сознание окончательно. – Березин облизнул сухие губы и замолчал.

– Да-а, – пробурчал Богаев, избегая смотреть на пострадавшего. – Очень интересно... и очень правдоподобно. Однако вынужден тебя огорчить – всё это тебе привиделось. Или почувствовалось, показалось, померещилось – выбирай любую формулировку.

– Расспросите пилота, он подтвердит.

– Пилот до сих пор не найден. – Богаев нахмурился, встал со стула, поправил сползающий с плеч халат и подошёл к окну палаты. – Когда взорвался этот проклятый газовый мешок, вертолёт ваш, очевидно, перевернуло, и двигатель быстро загорелся. А пилот свалился в зыбун. Его ещё ищут, но и так понятно.

– Какой газовый мешок? – прошептал Березин. – Почему загорелся вертолёт? Не может быть!

– К сожалению, может. Тебя подобрала спасатели в глубине сухого леса, ты ещё легко отделался. Скажи спасибо, что МЧС сработало оперативно и по звонку из Бийска – там зарегистрировали взрыв – послало спасателей.

– Значит, на Салаире взорвался газовый мешок?..

– Подземные пустоты, заполненные газом. Наверное, раньше запросто просачивался в районе Драконьей пустоши понемногу, а когда мешок взорвался, волна газа окатила всё вокруг пустоши на десятки километров. Отсюда и твои красочные галлюцинации – надыхался. «Излучение зла»... надо же придумать!

Березин посмотрел на свои забинтованные руки. Галлюцинации?! Ничего этого не было на самом деле?! Не было странного беглеца из страшно далёкой эпохи, не было их разговора?.. И вдруг Березин вспомнил: «Я дам вам знание своей собственной радиации доброты»... Неужели и это – галлюцинации?..

– Разбинтуйте мне руки, – попросил Березин тихо.

– Зачем? – удивился Богаев, оборачиваясь.

– Разбинтуйте, пожалуйста.

– Ты с ума сошёл! – Богаев с тревогой посмотрел в глаза Березину. – Зачем это тебе? Врач меня из окна выбросит, когда увидит! Несмотря на то, что ты мой подчинённый.

– Авань не выбросит, вы быстро.

Богаев помедлил, пожал плечами и стал неумело разбинтовывать руки пострадавшего, пропахшие антисептикой, в жёлтых пятнах ушибов, с узором царапин и ссадин.

– Ну и что дальше?

Березин тоже смотрел на свои руки, лицо его осунулось вдруг, стало строже и суровей.

А затем Богаев увидел, как руки эксперта посветлели, порезы, царапины и ушибы на них исчезли, словно с кожи смыли краску.

Березин без сил откинулся на подушку, полежал немного, отдыхая и весело глядя на побледневшего начальника. Потом неожиданно подмигнул ему и медленно воспарил над кроватью...

1978 год

Камертон

Солнце зашло. Весь западный склон небосвода заняла медленно надвигающаяся фиолетовая пелена облаков. Ветер уже давно затянул свой пронзительный вокал. Резко похолодало.

Прохожих на мосту через Днепр в этот предвечерний час не было, но Ивонину это обстоятельство лишь доставляло удовольствие: он любил с работы и на работу ходить один, настраиваясь на рабочий или «отдыхательский» режим в одиночестве. К тому же впереди была встреча с Ингой, и он шёл и улыбался.

День закончился удачно: начальник отдела не тревожил, предоставив Ивонину право самостоятельно решить проблему компоновки спецконструкции, главный специалист отдела сделал пару глубокомысленных замечаний и тоже «умыл руки», таким образом, Ивонин в спокойной обстановке нашёл решение, и теперь предстояло расчётами доказать его осуществимость. Ну а за это Ивонин не тревожился, теоретически он был подкован неплохо, как отметил с долей иронии начальник на оперативке, намекая на почти никакой опыт Ивонина как молодого специалиста.

Окончательно стемнело. Сине-фиолетовая стена туч придавила город обречённостью непогоды. Ветер усилился, хотя дождя ещё не было; на мосту он свирепствовал вовсю, не опасаясь заблудиться на проспектах и улицах, в тупиках и двориках.

Ивонин поднял воротник плаща, прибавил шагу. Проводив взглядом переполненный троллейбус, он уловил сочувственный взгляд пожилой женщины и усмехнулся в душе: настроение, несмотря на непогоду, не ухудшалось. Для поэтической души Ивонина, как и для природы, плохой погоды не существовало.

На середине двухкилометрового пролёта он вдруг почувствовал – не увидел или услышал, именно почувствовал, – что кто-то прячется в нише моста, на площадке, делавшей изгиб над опорой. Почему прячется? Потому что без причины никто сидеть у перил моста не станет, значит, прячется... или упал.

– Кто здесь? – негромко спросил Ивонин, останавливаясь.

Фонарь в этом месте только что погас, сгустив темноту. Страх Ивонин не ощущал, первый разряд по боксу неплохо гарантировал личную безопасность, но смутное беспокойство всё же заставило его пристальнее взглянуться во мрак.

– Кто здесь? – повторил он громче. И вдруг ему показалось, что он... падает в бездонный колодец, зыбкие стены которого сложены из страха, боли, тоски и одиночества, – бесконечный колодец, пронизывающий Вселенную человеческих трагедий. Станным образом он увидел, как неведомо где оползень уничтожает несколько зданий на окраине какого-то города, – и получил укол пронзительной боли в сердце; увидел, как волна цунами, подхватив стоящие в бухте корабли, понесла их на берег и разбила о скалы, – обруч жаркой боли сжал голову; увидел, как падает с обрыва в реку поезд с горящим тепловозом; потом промелькнули видения автобуса, несущегося в пропасть; заливаемый водой посёлок; снежный буран, ломающий домики экспедиции; падающая со ступеней на полигоне ракета; полицейские, разгоняющие демонстрацию, танк, стреляющий по белым трубам близкого города, и тысяча других событий, каждое из которых затрагивало какой-нибудь нерв и превращало тело в сплошной распухающий ноющий нервный ком...

И вдруг всё исчезло. Ивонин ощутил себя на мосту, ветер яростно бросал в лицо пригоршни неизвестно когда начавшегося ливня.

Одиноким автобус обдал парящим рассеянным светом окон, и тут Ивонин увидел в углу ниши скорчившуюся фигуру. С минуту он приходил в себя, ни о чём не думая, даже не пытаясь дознаться, кто прячется в нише. Удар реакции от страшной цепи галлюцинаций был довольно сильным, лишь проезжавшая мимо колонна грузовиков привела его в чувство.

Как нарочно, ртутный фонарь над ним в это время вспыхнул, напомнив астрономический термин «пульсар». Ивонин наконец смог разглядеть, кто перед ним. Это был худой, нескладный пожилой мужчина, на лице которого выделялись лихорадочно поблёскивающие глаза и яркие, словно искусанные, губы. Одет он был в чёрную кожаную куртку, чрезвычайно потёртую на сгибах, серые бесформенные брюки, натянувшиеся на острых коленях, и тяжёлые армейские ботинки с проржавевшими насквозь пряжками. Шею незнакомца укутывал лиловый шарф, тем не менее он дрожал так, что это было заметно даже на расстоянии.

Ивонин встретил его взгляд и ахнул: столько в этом взгляде было неистовой боли, тоски и отрешённости...

– Сердце? – подскочил к незнакомцу Ивонин, нагнувшись. – Давайте помогу.

– Двадцать тысяч... – прошептал незнакомец невразумительно. – Восемь баллов... за три минуты...

Ивонин беспомощно оглянулся. В обе стороны мост был пуст, струи дождя превратили его в зыбкий хребет какого-то доисторического чудовища. Только сумасшедший мог решиться идти через мост пешком в такую погоду.

«У него бред, – подумал Ивонин, – и, как назло, ни одной машины. А может, всё это чудится? Мне, а не ему?»

– Сейчас, – продолжал шептать обладатель кожаной куртки. – Сейчас пройдёт... не волнуйтесь. – Болезненная улыбка исказила его губы, глаза постепенно обрели смысл, прояснились, боль стала покидать их. – Не надо искать машину, – продолжал он уже более внятно. – Ни один врач не в силах помочь мне, уж поверьте, Игорь.

– Откуда вы меня знаете? – хмуро удивился Ивонин.

Незнакомец сделал неопределённый жест. Улыбка его исчезла. Он ухватился за перила, медленно разогнулся и оказался на голову выше Ивонина. Со смешанным чувством жалости и недоумения тот отвёл глаза от нелепого костюма незнакомца, потом снова посмотрел на его лицо. Страшно было видеть, как крупная дрожь колотит его тело, не затрагивая головы.

– Наденьте мой плащ, – решился молодой человек. – И пойдёмте отсюда, а то промокнете окончательно. Я вас провожу.

– Не стоит. – Незнакомец отвёл руку Ивонина и сморщился. Глаза его снова остекленели на минуту, так что Ивонин почувствовал раздражение и смутное недовольство собой. «Псих какой-то, – подумал он, вытирая лицо ладонью, – или наркоман... а я пристал со своей благотворительностью...»

– Так помочь вам? – почти грубо сказал он, хотя тут же смягчил тон. – Далеко идти?

Незнакомца стало корчить, судорога исказила лицо до неузнаваемости, оно стало страшным, как у эпилептика.

– О чёрт! – Ивонин обхватил согнувшееся, бившееся крупной дрожью тело, не зная, что предпринять, беспомощно оглянулся. По мосту промчался жёлтый «Москвич», но водитель не заметил их возни, а может, не захотел остановиться. Инженер чувствовал в этот момент себя так глупо, что первой его мыслью было плюнуть и уйти. Но тут незнакомец снова забормотал:

– Ещё волна... и ещё семь тысяч... Иранское нагорье... три города полностью... не держите меня, не держите... мне легче.

Ивонин отпустил странного больного, тот с усилием разогнулся. Лицо у него стало серым, как бетон моста.

– Идите, – выдохнул он сквозь стиснутые зубы. – Я знаю, вы спешите, Игорь, идите, я сейчас справлюсь с приступом сам.

Инженер, наверное, выглядел довольно обескураженно, потому что незнакомец снова усмехнулся через силу.

– Зовите меня Михаилом, – сказал он. – Я не псих и не наркоман, и болезнь моя не входит в арсенал излечивающихся. Ни одна клиника мира не способна вылечить того, на ком отража-

ется любое явление природы, чья нервная система способна ощущать зарождение циклона в Тихом океане и лесной пожар в джунглях Мадагаскара, вспышку на Солнце и падение вулканической бомбы... к сожалению, не только вулканической.

Мучительная гримаса перекосила губы Михаила, он с заметным усилием преодолел свой новый приступ. Что он почувствовал сейчас, какое событие? Ивонин понял, что принял слова Михаила за правду, и разозлился. Но тот вдруг улыбнулся и проговорил:

– Только что в Джайлаусском ущелье произошёл обвал, есть жертвы... Вы не верите, я вижу, но не обижаюсь, привык. В современную эпоху мне никто не верит. А я в самом деле реагирую на всё, что происходит в мире, просто крупные явления природы, сопровождающиеся большим количеством жертв, «забивают» основной фон мелких событий. Иногда бывает так больно, что хочется покончить с собой, иногда организм «сочувствует» мне, и я теряю сознание... Если хотите проверить, засекуте время: только что на набережной грузовик наехал на тумбу и опрокинулся. А на проспекте Гагарина ветер повалил фургон на трамвайные рельсы и трамвай врезался в него и загорелся. Завтра всё это появится в газетах.

– Но это же страшно! – воскликнул Ивонин. – Это удивительно и страшно, если только это правда!

– Правда. – Улыбка у Михаила получилась совсем «человеческая», горькая и задумчивая. – Я ношу это в себе почти всю жизнь.

– И никто не знает этих ваших способностей?

– И сейчас никто, вернее, только вы. Раньше знали Кампанелла, Гострид, Абу-ль-Вефа, Соломон... Нас было трое, но наши товарищи не выдержали пытки жизнью, и теперь я совсем один, один вот уже около двух веков.

Ивонин недоверчиво посмотрел на голову Михаила без единого седого волоска. В глазах нового знакомого искрилась усмешка, он иногда во время разговора уходил куда-то в лабиринты своих чувств, в свою сверххранимую душу, которую пронизывали не видимые никем силовые линии бурлящей вокруг жизни. И каждое сотрясение отражалось на нём вспышкой боли! Как же он выдерживает?!

– Не знаю, – тихо и печально отозвался Михаил, хотя Ивонин и не задал вопроса вслух. – Для меня этот век самый жестокий, потому что во время войн я умираю тысячи раз... и воскресаю вновь. Не знаю зачем, но природа заложила в меня бессмертие. Может быть, скомпенсировав тем самым смертность остальных?.. Вы снова не верите. А я помню сожжённые Карфаген и Геркуланум, гибель Помпеи и Содом и Гоморру, провал尼亚гары – там сейчас знаменитый Ниагарский водопад, и сражения Второй мировой войны, Хатынь и Саласпилс, Хиросиму и Нагасаки, Вьетнам и Гренаду... Я помню вспышку сверхновой в тысяча пятьсот шестом году и пожар Москвы в тысяча восемьсот двенадцатом, гибель Атлантиды и землетрясение в Чили в тысяча двести девяностом... Очень редко встречаются те, кто выслушивает меня до конца, ещё реже – кто верит. Да я и в самом деле привык к недоверию. Просто становится легче, когда есть с кем поделиться, тогда я отдыхаю.

– А вы не пробовали бороться? – невольно увлёкся Ивонин.

– Пробовал не однажды. В шестнадцатом веке я стал ради этого алхимиком, в девятнадцатом – фармацевтом.

– А к врачам не обращались?

– Я уже говорил, врачи не помогут, хотя я, конечно же, обращался к ним за помощью. Никто не верит, зато тут же заносят меня в списки сумасшедших. Штамп мышления... Только великие умы верили мне, но и они помочь не сумели. Саварина как-то предположил, что помочь мне может лишь мой двойник по психонатуре, тот, кто умеет сопереживать, принять на себя груз боли... Я встречал людей, с которыми мне становилось легче, вот как с вами, но чтобы полностью убрать экстрасенсорность, как теперь говорят...

– Подождите, – остановил его Ивонин, у которого голова кругом пошла от обилия сведений и разыгравшейся фантазии. – А вы не пробовали убедить компетентные органы... в... ну, чтобы в районы бедствий вовремя успела помощь? Скажем, произошла где-то катастрофа, и вы тут же сообщаете о ней, чтобы спасатели...

Михаил поморщился.

– Пробовал и такую глупость, но... – Он безнадежно махнул рукой. – Давно... теперь смирился. Да и всем не можешь.

– Ну не знаю... – не согласился Ивонин. Что-то в нём погасло. Жалость к собеседнику и интерес к разговору. «Что это я? – подумал он, вслушиваясь в гортанный голос Михаила. – Поверил? Конечно, в нём есть что-то заслуживающее доверия... и в то же время отталкивающее... вроде снисходительных интонаций и блеска превосходства в глазах. А может, так оно и есть – превосходство мудрости? Сколько же ему лет, если он помнит гибель Атлантиды? Тут он перехватил явно, не надо было всовывать мне Атлантиду. Шарлатан он, вот кто, увлёкся собственным красноречием, чтобы взамен что-нибудь попросить... И я уши развесил, лопух...»

– И вы как все, – с горьким смешком прервал свою речь Михаил. – Шарлатан... Оливер Лодж назвал меня «камертоном событий». И лет мне ровно двадцать три тысячи сто пять.

«Пророк! – хмыкнул про себя Ивонин. – Михаил – пророк... «ангел», так сказать... «камертон событий»... Обалдеть можно! Интересно, откуда он сбежал?»

Ивонин с сожалением посмотрел на часы, окончательно уверовав в свою гипотезу о сбежавшем больном.

– Извините, мне пора идти. Интересно было познакомиться. Так я ничем не могу вам помочь?

– Вы уже помогли, – пробормотал Михаил, щеку его дёрнул нервный тик. – Прощайте...

Он шагнул из ниши и растаял в шелестящей дождём темноте. Издалека, словно из-под моста, донёсся голос:

– Спасибо за участие!

И всё стихло, остался лишь шелест осеннего дождя, одевшего в блестящую под светом фонарей кольчугу асфальт тротуара.

Ивонин потоптался на месте, зачем-то заглянул через перила под мост, никого и ничего не увидел, выругался в душе и побрёл на светлое зарево огня вдоль набережной, которое сулило сухое тепло и отдых. Его вдруг начала колотить дрожь, как и странного собеседника на мосту, и, словно отзвук жуткого колодца, в голове засела заноза боли. «Заболел! – с долей удивления подумал он. – Простудился и заболел, вот и всё. Отсюда и сегодняшние приключения, встреча с «камертоном событий»... Бред собачий! По словам мамы, я всегда был излишне впечатлительной натурой, вот и нафантазировал...»

На встречу с Ингой он опоздал...

Ночь провёл плохо.

Боль не отпускала, пульсирующая, скачущая, колющая боль.

Ивонин снова и снова вспоминал незнакомца на мосту, снова и снова анализировал его слова, поведение и утром вдруг с пугающей ясностью понял – он не просто простудился, а заразился от Михаила! Тот существовал наяву, а не в горячечном бреду сна.

«Подходящая психонатура, – горько думалось Ивонину. – Неужели всё это мне не придалось? Не сон, не бред, не галлюцинация? Что же делать? Если у «камертонного» вируса большой инкубационный период, то, может быть, я успею посоветоваться с... с кем? Кто мне поверит?»

Приступ боли, зародившийся где-то в области сердца, свалил его на пол, и он отчётливо увидел стену урагана, поднявшую в воздух деревянные дома какого-то посёлка...

«Так! – сказал сам себе Ивонин, лёжа на полу и пытаясь унять боль мысленным усилием. – Человек слаб... Человек слаб, если у него нет друзей и он остался один... Но у меня-

то они есть! Инга! Ребята в институте... они поверят. Правда, придётся разговаривать с ними на расстоянии, чтобы и они не заразились, и мы поборемся! В первую очередь надо будет научиться определять географические координаты районов бедствий, но с этим я справлюсь, по географии когда-то пятёрки были. Михаилу было труднее, у него не оказалось никого, кто хотя бы просто посочувствовал ему. Вот в чём его беда – отсутствие друзей! Вот в чём его трагедия! Плохо, что он опустил руки, отделил себя от всех, «закуклился» в себе самом... бес- смертный эгоист! Попробую отыскать его, вместе с нами ему будет легче...»

Ивонин привстал, но жёсткий приступ боли затуманил сознание – где-то далеко падал в океан горящий пассажирский самолёт.

Ивонин, упорно цепляясь за стол, встал, пошатываясь пошёл к телефону.

– Ничего! – выговорил он в три приёма, кусая губы. – Мы ещё посмотрим, кто кого! Я тоже – стихия!

1982 год

Мальчишка из 22-го

Пушку привезли под вечер, когда старшина Агабаб Джавахишвили забеспокоился и собрался послать Курченко к комбату справиться – оставаться ли им на высоте или возвращаться в расположение батареи.

Новенькое стомиллиметровое орудие с трудом уместилось в естественном каменном окопчике, и пришлось сдать его назад, за нагромождение известняковых глыб, испятнанных сухим мхом.

Чёрная от грязи и копоти тридцатьчетверка, разворачиваясь, задела пушкой скалу, и пожилой, промасленный до костей танкист зло и неслышно заорал что-то в люк.

– Нервничает, – философски заметил Антон Осинин, передвинув автомат на грудь, чтобы удобнее было лежать. – А чего, спрашивается, нервничать? Пешком не топать, как нашему брату.

– Мели, Емеля... – Коренастый, заросший до бровей Сандро Куцов потянулся всем телом и встал. – Нашёл кому завидовать. Ты везде себе укрытие найдёшь, а он сидит, как в консервной банке, и лупят по нему все, кому не лень... Пошли поможем ему, разлётся тут.

Осинин лениво повернул голову и посмотрел на суетившийся у пушки расчёт лейтенанта Белова. Самого лейтенанта ещё не было, и командовал расчётом старшина Джавахишвили, которого никто никогда не называл по фамилии, даже комбат. Агабаб да Агабаб, в крайнем случае старшина Агабаб. А исполнилось старшине всего девятнадцать лет.

– Да-а-а, – пробормотал Осинин, – ежели такая дура по танку плюнет... Эй, дядя Сандро, а пулемёт?

– Никуда не денется, не отставай.

До позднего вечера они устанавливали и маскировали пушку, выбирали позицию для пулемётчиков и рыли окопы. Лейтенант пришёл, когда совсем стемнело. Был он не то чтобы юн, но достаточно молод, хотя до войны успел жениться и окончить институт, а за глаза его звали Профессором. Но то была не насмешка, а дань его знаниям, не раз приводившим в удивление бывалых солдат.

Он быстро оглядел усталых бойцов, освещённых пламенем костра, кивнул «вольно», похвалил за работу и отозвал в сторонку старшину.

Докладом Агабаба Белов остался доволен, насколько это было возможно в его положении. Пушку установили так, что вход и выход из ложины, похожей на ущелье, виден был как на ладони. Кроме того, слева и справа вставали крутобокие каменистые холмы, заросшие сосняком, а впереди склон был завален глыбами известняка. Танки подойти близко не смогут, а против пехоты у них имелись «станкач» и лучшие пулемётчики полка. Правда, смущало одно обстоятельство: вся батарея занимала позицию в пяти километрах отсюда, на берегу речки Ключевой, а они поставлены здесь были только на страх и риск комбата, узнавшего от разведчиков, что через расположение его батареи немцы наметили танковую атаку. Сведения эти впоследствии как будто не подтвердились, но комбат представил, что будет с батареей, если внезапно пойдут танки, и решил подготовить артзасаду в наиболее выгодном для атаки фашистов месте обороны. Белов знал об этом всё, и тем не менее его не покидала тревога.

Агабаб понял его несколько прямолинейно. Сверкнув рысьим глазом, он стал перечислять достоинства позиции, нарочно усиливая свой природный грузинский акцент: он знал, что лейтенанту нравится его «русская» речь.

Издали они походили друг на друга, как братья: тонкие, гибкие, перетянутые в талии ремнями до скрипа, – но насколько Агабаб был смугл и черноволос, настолько лейтенант светился соломенно-белой головой, как одуванчик в поле.

– Ну вот что, – сказал он, прищурясь, внимательно выслушав доводы старшины. – Ты за упокой раньше времени не пой, не к тому я тебе всё рассказал, понял?

– Так точно, – виновато ответил Агабаб, вытягиваясь. – Нервничаю я, а? Может, сделать ложную позицию, для самолётов?

– Вот и займись. – Белов присел на снарядный ящик и достал планшет.

Агабаб постоял немного рядом и отошёл.

– Курченко, Помозков, Осинин, срубите сухую сосну, очистите от сучьев и сделайте ложную позицию на соседнем холме.

– Темно уже... – начал было Осинин, но осёкся, встретив тяжёлый взгляд Куцова.

– Сержант, как позиция? – спросил Белов, искоса поглядывая на него.

– Да так, ничего, – неопределённо ответил Куцов, докуривая папиросу.

Под утро почти не спавший Белов спустился к пулемётчикам и намётанным взглядом окинул и умело вырытый окоп, и ход сообщения, оценил и правильность выбора сектора обстрела. Хозяйская обстоятельность сержанта, спавшего чутко, вполуха, была ему по душе.

Куцову недавно исполнилось пятьдесят. В полку его звали просто – дядя Сандро, молодые бойцы слушались беспрекословно. Славился он не только медвежьей силой, но и неожиданной для его громоздкого тела реакцией и ловкостью. Говорили, что в прошлом он не то знаменитый охотник, не то не менее знаменитый борец. Но главное, конечно, было не в этом: от него исходила та спокойная внутренняя сила и уверенность, которая подчиняет даже таких острых на язык и одновременно ленивых людей, как Антон Осинин.

– Не спишь, дядя Сандро? – тихо спросил Белов, закуривая, и, опустившись на корточки, протянул вторую папиросу Куцову.

Тот взял папиросу короткими толстыми пальцами, размял и высунул голову из окопа.

– Гудят, гады, на левом крыле гудят... А нас не скоро снимут отсюда, лейтенант? Похоже, отдыхать сюда прислали... неизвестно за какие заслуги.

Белов докурив папиросу и вдавил окурочек в землю.

– Боюсь, отдыхать не придётся, старшина, – сказал он, выпрямился и вернулся к орудию.

– Слухай, дядя Сандро, – раздался из окопа голос проснувшегося Осинина. – На фига надо было такую здоровенную пушку в засаду ставить? У ней же скорострельность – что у меня чих. Два раза выстрелит – и кранты, засекут.

Куцов помолчал, глядя, как загораются лёгким золотом верхушки сосен на дальних холмах.

– Готовь гранаты, парень. Может быть, и нам придётся поиграть с танками в кошки-мышки.

– А мы так не договаривались, – протянул обескураженно Осинин.

В пять утра расчёт был готов к стрельбе.

Белов прищурился на Помозкова, который вдруг затрясся в нервном ознобе, подмигнул ему:

– Тебя можно использовать вместо вибратора в лабораторных опытах, Толя.

– Не дрейфь, Помозок. – Курченко шлёпнул подносчика по спине широкой ладонью. – Открой-ка лучше ящик с бронебойными.

– Туман не помешает? – пробормотал Агабаб, протирая окуляры дальномера.

Белов хотел ответить, но не успел.

Совсем рядом вдруг прозвучал треск, словно рухнуло дерево. А потом из-за кустов к пушке вышел юноша, почти мальчик, в новенькой гимнастёрке с погонами сержанта и в зала-танных на коленях галифе.

Оглянувшись, Осинин издал сиплый возглас и вскинул автомат. Куцов резко пригнул ствол вниз: человек без оружия.

Несколько мгновений солдаты и юный незнакомец стояли, взглядываясь друг в друга. Потом лейтенант вышел из-за щита пушки и отрывисто спросил:

– Кто такой? Как сюда попал?

Лицо сержанта побледнело, странным прерывающимся голосом он медленно прогово-рил:

– Я отстал от своих... разрешите... остаться с вами?

– А где оружие? – всё так же резко спросил Белов.

Незнакомец на секунду замешкался, стал вдруг краснеть.

– У меня нет... оружия.

– Как это нет?! Бросил?!

– У меня... не было. – Незнакомец опустил голову, у него горели уши.

– Во даёт! – сказал Осинин и покосился на Куцова. – Говорит вроде по-русски, а акцент фрицевский. Может быть, это фашист переодетый? Разведчик? Ну-ка, руки вверх, Ганс, или как там тебя!

– Я не разведчик, – не оборачиваясь в его сторону, сказал странный сержант. – Меня зовут Дан.

Белов хмыкнул. Поведение юноши казалось лишённым элементарного правдоподобия. Кто он? Немецкий разведчик? Не похоже. Стал бы разведчик краснеть и молотить чепуху... Пар-нишка, случайно переодетый в форму сержанта? Убежал от мамы на войну? Тоже не очень похоже...

– Курченко, обыщи его, – велел Белов, наблюдая за действиями незнакомца. Тот вздёрнул голову, но обыскать дал себя безропотно.

Курченко покачал головой:

– Гол как сокол. В карманах ничего.

– Так, – усмехнулся лейтенант. – Приключений захотелось? Сколько тебе лет?

Дан смутился, снова краснея, мучительно, до слез.

– Восемнадцать...

– Что-то мало верится. Придётся доставить тебя... – Белов не договорил.

– Танк! – крикнул Куцов из своего укрытия.

В дальнем конце ложины показалась тупорылая пятнистая машина и с рёвом покати-лась вперёд.

– Ложись! – рявкнул лейтенант. – Помозков, возьми его под своё командование, пусть подаёт снаряды. Бронебойным – заряжай!.. Да, как твоя фамилия, мальй? Уж больно знакомая физия у тебя...

– Белов моя фамилия, – отозвался новоявленный помощник, неумело отползая за ящики со снарядами.

– Не нравится мне всё это... – пробормотал Куцов и положил на бруствер тяжёлые руки.

– Мне тоже, – протянул Осинин, думая о своём. – Что, у него на морде написано, что он свой? Сомневаюсь я. А лейтенант ему сразу поверил, видал? Он, конечно, учёный и всё такое прочее... а ну как ошибся? Возьмёт этот приبلудный да подаст сигнал фрицам...

– Помолчи, – буркнул Куцов. – И без твоего нытья на душе муторно...

Первый «тигр» был разведкой. Он остановился, поворочал башней, выискивая цели на гребнях холмов, никого не обнаружил и тихонько пополз дальше, останавливаясь через каждые полсотни метров.

– Нервничают фрицы, – усмехнулся Белов, поглядывая на однофамильца и всё больше убеждаясь, что не нюхал пороха этот парень. – Чуют свою смерть.

Старшина сделал глотательное движение и расстегнул ворот гимнастёрки. Поймав взгляд лейтенанта, криво улыбнулся:

– Понимаешь, всегда перед боем горло пересыхает.

– Ты мне каждый раз говоришь об этом, – засмеялся Белов. – Ничего, сейчас твой мандраж как рукой снимет. «Тигра» пока не трогай, пойдут колонной – ударим сначала по хвосту, а этот никуда не денется.

Агабаб кивнул и припал к окуляру.

«Тигр» разведки прошёл в конец лощины, поворочал башней и остановился. До него было всего метров сто, и стоял он боком, так что у старшины даже руки похолодели от желания дёрнуть за спуск.

– Хорош зверинец! – прошептал Белов, считая начавшие выползать из-за холма танки. – Тут тебе и «тигры», и «пантеры», и «фердинанды»... Хорошую атаку наметили фашисты... Сначала замыкающего, Агабаб, потом эту сумасшедшую зверюгу впереди.

Старшина пошевелил лопатками и выстрелил.

Первым же выстрелом они с ходу проломили борт «пантере», замыкающей колонну. Следующими тремя подожгли злополучного «тигра» в авангарде и вторую самоходку. Остальные круто развернулись и стали расползаться по лощине, отплёвываясь огнём и дымом.

– Беглым – огонь! – Лейтенант махнул рукой и бросился к подносчику, который вдруг схватился за голову и упал. – Давай снаряд, пацан.

– Кажется, и наша очередь пришла, – спокойно заметил Сандро Куцов, глядя на замелькавшие на склоне соседнего холма зелёные мундиры.

Осколками близкого разрыва убило Курченко и ранило Агабаба. Белов, отброшенный взрывной волной на разбитые в щепу снарядные ящики, с трудом поднялся и поковылял к пушке.

– Снаряды! Огонь, старшина!

– Не могу, руку перебило! – простонал Агабаб. – Где же обещанная подмога, командир? Что они, не слышат?..

– Ползи к реке, доберись до комбата...

– А ты?

– Пока живы пулемётчики, жив и я. – Лейтенант оглядел панораму боя, и яростно-ликующая усмешка искривила его измазанное землёй, пороховой гарью и кровью лицо.

В лощине горело девять танков, но в дыму ползали ещё столько же, и все стреляли сюда, и только удачно выбранная позиция не позволяла им расправиться с пушкой сразу.

– Уходи, старшина, а я ещё задержусь. Забери с собой однофамильца. Эй, Дан Белов, за старшиной, живо!

– Не пойду! – прокричал испачканный чьей-то кровью и пятнами гари молодой сержант, добавил торопливо: – Пошли вместе, дед.

Лейтенант не расслышал последней фразы, он почувствовал толчок в спину и снова упал. Показалось, что он плывёт в невесомости. Боли не было, только спине стало горячо, словно заалела гимнастёрка. Склонилось над ним лицо странного парнишки, кого-то смутно напоминавшего, но у Белова уже не осталось сил вспоминать кого.

– Ты ещё... здесь? – прошептал он, пытаясь подняться. – Жив? Помоги встать... ноги не слушаются... но у нас ещё есть снаряды... Где Агабаб?

- Убит.
- Пулемётчики?
- Убиты.

Сердце отозвалось болью. Дан усадил его, испачкав руки в крови. Мальчишка словно повзрослел за минуту, сказал строго и просто:

- Я пришёл за тобой, дед. Я не однофамилец, я твой правнук. Нас ждут там, пошли.
- Бред! – Белов сильно закашлялся кровавой пеной. – Откуда же ты свалился... такой?
- Не бред, Александр Иванович. У меня слишком мало времени на объяснения. А чтобы ты поверил...

Дан распахнул гимнастёрку, под ней оказался сверкающий живым ртутным огнём костюм, обтягивающий тело, тяжёлый на вид ремень с выпуклой пряжкой, в центре которой горели цифры: 1943.

- Это аппаратура перемещения во времени, настроена на возвращение двоих.

Рядом ударила автоматная очередь, Дан заторопился:

– Мы обнаружили в архивах твои работы, дед, о квантах времени и принципе обмена причинности. Идеи эти верны, ты обогнал эпоху на два столетия, и ты очень нужен там, где я живу, в двадцать втором веке. Ты... ты гений, дед!

Белов не двигался целую минуту, полузакрыв глаза.

– А почему ты решил прийти именно сейчас? Зачем нужно так рисковать? Тебя же могут убить...

– Я просил, чтобы послали именно меня. «Завтра» для тебя... не будет. Прошу тебя, поторопись.

Белов снова задумался на бесконечно долгую минуту, пытаясь представить тот самый век, век грядущий, в котором живёт его правнук; он поверил ему сразу.

Дан выглянул из-за пушки. Танки не стреляли, по склону холма двигалась редкая цепочка зелёных фигур. Пулемёт Куцова молчал.

Потом Белов зашевелился и медленно, напрягаясь, встал. Дан подставил ему плечо, но лейтенант покачал головой.

– Возвращайся один, правнук. Человечество без меня как-нибудь обойдётся – там, у вас, но не обойдётся здесь. У долга нет альтернативы, как и у совести. Я не имею права... уходить. Ты поймёшь меня потом... К тому же у нас ещё есть снаряды. Пока я жив, они не пройдут! Прощай...

- Это твоё окончательное решение? – высоким звенящим голосом спросил Дан.

Лейтенант не ответил, нагибаясь к прицелу и стараясь не упасть. Он держался только потому, что рядом был мальчишка из двадцать второго века, который был обязан уйти живым, потому что не должны гибнуть дети, тем более дети будущего, ради спасения одного человека, кем бы он ни был!

- Уходи же!

– Я остаюсь. – Голос Дана дрогнул. – У нас ещё есть снаряды, дед.

Они успели выстрелить. И ещё раз. И ещё...

1999 год

Двое в пустыне

Космической троллейбус задержался: впереди стояла жёлтая машина ремонтников, и двое угрюмых парней в спецовках не торопясь что-то подстукивали наверху в стыках проводов. Через минуту тронулись, а я вдруг перестал воспринимать действительность. Знакомое чувство повторения виденного охватило меня. Такое бывало и раньше: вдруг ни с того ни с сего начинает казаться, что тебе знакома та ситуация, которую ты только что пережил. Так и сейчас: всё во мне напряглось, воспоминание рождается мучительно долго и безнадежно – такое уже было... такое или почти такое... но где и когда?

Едва осознавая себя, я сошёл на следующей остановке, и тут это произошло...

Удар тишины! Встряска всего организма от чего-то непонятного, неподвижного и тем не менее яростно динамичного... Словно вихрь промчался надо мной и внутри меня, очистил от шелухи мыслей и чувств, и вот я уже стою онемевший, растерянный, в странном мире, где разлиты покой, тишина и неподвижность...

Нет-нет, я находился всё там же: остановка «Проспект Героев», справа – стена десятиэтажного дома почти километровой длины, прозванного в быту «Китайской стеной», слева – высотный серый дом из сплошного унылого бетона, рядом почта, гастроном... Всё то же и совсем не то! Ни людей, ни звуков их торопливой жизни! Застыли коробки троллейбусов и автобусов, пустые, как скорлупа съеденных орехов, совершенно обезлюдели тротуары, бульвары, подъезды, дороги. Ни одного пешехода, ни одной живой души! И над всем этим мёртвым спокойствием разлит странный розовый небосвод, струящийся ровный, без теней, свет на опустевший жилой массив...

Первым инстинктивным движением моим был шаг назад, в салон троллейбуса, но скрип и шорох пустой, накренившейся под моей тяжестью машины не отрезвил меня, а наоборот, заставил сделать ещё несколько нелепых движений: я выпрыгнул обратно, зажмурил глаза, надавил до боли на глазные яблоки, открыл и увидел тот же знакомый и одновременно чужой до жути пейзаж и закричал:

– Лю-ю-ди-и!..

– ...Уди-уди-уди-ди-и... – ответило долгое эхо.

И снова молчание, ни стука, ни гула моторов, ни шелеста шагов...

Как всегда, я просыпаюсь уже после того, как полностью постигаю всю глубину своего одиночества. Оно бьёт по нервам так сильно, что я просыпаюсь в страхе и долго не могу прийти в себя, смотрю на смутно белеющий во тьме потолок и успокаиваю сердце по методу раджа-йоги. Потом, качая головой, произношу мысленно сакраментальную фразу: «Приснится же чепуха, господи! О толкователи снов, где вы?»

Однако с некоторых пор я перестал быть уверенным в том, что это чепуха. Сон мой – с опустевшим городом – донимает меня уже вторую неделю аккуратно через день. И если первые мои реакции на сон были ещё более или менее положительными: любопытство не позволяло заниматься глубоким самоанализом, то в конце второй недели я стал досматривать сон с ужасом, не делая попыток рассмотреть подробности, как раньше, не умея отстраняться от тоски, страха и жуткого ощущения ирреальности происходящего, засасывающего в бездну небытия. Ребята на работе, врачи-исследователи, как и я сам, посоветовали обратиться к психиатру, благо, что в институте их пруд пруди и все знакомы. И я согласился, хотя как врач-невропатолог всегда был высокого мнения о своей нервной системе – был уверен, что друзья не отправят меня на Игрень – известное в нашем городе место, где расположена психолечебница.

Я было совсем уже собрался на консультацию к психиатрам, их лаборатория находилась рядом, за стеной, как начальство в лице заведующего лабораторией нервных заболеваний Пан-

телеева послало меня в командировку, и я решил понаблюдать за собой в иной обстановке: кто знает, может быть, от перемены местожительства исчезнут и мои сны?

Командировки, честно говоря, я не люблю, и если и терплю их, так это лишь за новые, неизвестные мне ранее и потому полные таинственного смысла и романтики дороги – след юношеского увлечения романтической литературой и туризмом...

Ехать нужно было в Кмиенск, во Всесоюзную лабораторию иглоукалывания и электропунктуры, куда я ездил до этого случая всего два раза, причём оба раза на автобусах – восемь часов качки и тряски, чем не тренажёр для космонавтов? На сей раз автобус отпадал: он отправлялся на следующий день в семь утра, а мне нужно было в тот же день в девять утра быть в лаборатории. Пришлось ехать по железной дороге, вечером, с пересадкой в Черницах, чему я даже обрадовался, забыв ироническое напутствие Пантелеева, который почему-то всегда разговаривал со мной, как со студентом, а не научным сотрудником с полугодовым стажем.

Как я оказался на вокзале – не помню, увлёкся, наверное, самоанализом, помогающим иногда коротать время в общественном транспорте. В кассе мне ещё раз объяснили, что ехать надо с пересадкой: до Черниц на электричке, а дальше на любом проходящем до Кмиенска. Меня это вполне устраивало, и я приготовился к трём удовольствиям, доступным каждому командированному: созерцанию пейзажей за окном вагона, чтению книг или журналов, до которых дома просто не доходят руки, и случайным встречам.

Что касается встреч, то тут судьба уготовила мне именно то, чего я тщетно ждал последние два года. При посадке в электричку на перроне мелькнуло удивительно знакомое красивое девичье лицо. Я стремительно кинулся назад из вагона, по инерции оценил достоинства фигуры удалявшейся девушки, и тут меня как громом поразило – это была Алёна. Девушка, с которой нас когда-то связывало нечто большее, чем знакомство. Лишь внезапный, неизвестно чем вызванный отъезд её из города помешал мне предложить ей руку и сердце, и с тех пор я ждал встречи, исчерпав все возможности отыскать её за пределами города. В одно мгновение регулятор моей жизни крутнулся с ускорением, исчезли спокойствие и уверенность, философское отношение к жизни, порядок в душе и здравый смысл.

Я успел заметить, что Алёна садится в ту же электричку, и поблагодарил судьбу, не ведая, что приготовил мне Его величество случай в лице Пантелеева.

Я мчался по вагонам так, словно гнался за собственной тенью. А заметив Алёну в предпоследнем вагоне, остановился наконец и перевёл дыхание.

«Остынь, ненормальный! – сказал во мне скептик оптимисту. – Прошло два года, тебе и ей уже по двадцать шесть, и если ты за это время не сумел найти пару, то ей-то необязательно ждать так долго. Будь уверен, у неё уже двое детей и лысый муж!»

«Почему лысый? – возмутился оптимист. – При чём тут лысый муж? Подойди к ней, дурак, это же Алёна!»

«Ну да, как же, подойди, – насмешливо проговорил скептик. – Подойди давай. И что ты ей скажешь? “Привет, Алёнушка? Как живёшь? Как дети? Здоров ли лысый муж, холера его задави?!”

Ну да, ты искал её, искал год, два, а потом? Потом смирился, успокоился. А если она не приехала сама, не дала о себе знать, значит, незачем было приезжать и писать. Ты забыт, давно и прочно, и не стоит напоминать ей о собственном существовании, приятного тут мало. Сиди спокойно, парень, твой шанс упущен два года назад, не стоит ворошить прошлое, любить можно только в настоящем...»

И я, совсем тихий и трезвый, сел неслышно на последнее сиденье вагона, чтобы не терять из виду её милое лицо с чёлкой, со слегка оттопыренной в раздумье нижней губой, и смотрел, смотрел, всё больше приходя к мысли, что она совершенно не изменилась. Или это шутки

памяти? Но нет, она и раньше носила такую причёску... и не красила губы... Я успел отвернуться, когда она подняла голову.

Нет, я никогда не был робким, но в данный момент, несмотря на мучительное желание прижаться щекой к её нежной, хранящей теплоту моих и, может быть, чужих поцелуев щеке, обнять её, зарыться лицом в разлив каштановых волос, я лишь судорожно сжимал в окаменевших руках «дипломат», мял душу в болезненный ком и всем телом чувствовал её недоступную близость, рождённую пропастью времени и неизвестности.

А потом она встала и вышла через вторую дверь. Ноги сами вынесли меня в проход, но в голове пискнула задавленная эмоциями здравая мысль: «А командировка?» – и я смирился.

Наверное, я представлял собой довольно жалкое зрелище, потому что вошедший в вагон пожилой дядя внезапно предложил мне закурить. Я посмотрел сквозь него, и он куда-то испарился вместе с сигаретами и брюшком. Двери электрички захлопнулись, и я понял, что упустил этот последний шанс обрести ту, первую и единственную, о которой не устают писать поэты, а двадцатилетние мужики вроде меня вспоминают не раз и не два, но лишь в тех случаях, когда потеря бьёт по сердцу до боли, до крови, до короткой, но звериной тоски...

Не помню, как я снова очутился на сиденье в вагоне. Мыслей не было, в голове царил фон серой, шемящей грусти, который пронзали чьи-то выкрики: «Кретин! Растяпа! Шляпа!» – и кое-что похлеще. Лишь сосредоточившись, понял, что оптимист во мне вопит победившему скептику, и приказал им обоим прекратить. Справиться с собой в момент эмоционального кризиса невероятно трудно, это я знаю как профессионал, но и тут я оказался на высоте, подтвердив собственное мнение о своей нервной системе. Горько усмехнувшись, я подумал, что могло бы случиться, если бы она – нервная система – была у меня ни к чёрту? О своих снах я в этот момент забыл начисто.

За окном бежала зубчатая кромка леса, пылал ало-розовый, вполнеба, закат, а я смотрел на всё это великолепие природы и видел только лицо Алёны, милое, уходящее, уплывающее, тонущее в розовом сиянии...

Через час, когда я более или менее успокоился, оказалось, что в вагоне, кроме меня, никого нет. Все вышли, и никто больше почему-то не входил. Правда, я и до этого не помнил, были ли в нём пассажиры. Впрочем, были. Я пожал плечами, устраиваясь поудобнее у окна, потом смутная мысль заставила меня посмотреть на часы. Шёл двенадцатый час ночи! По всем, даже самым пессимистическим подсчётам, Черницы я уже проехал! Но ведь... но Черницы – конечная?!

Я бросился к дверям.

Электричка продолжала свой стремительный бег сквозь ночь, словно во всём мире не существовало ничего, кроме звящего гула рельс и перестука вагонных колёс! Во всем мире только электричка и я! И ничего больше! Странное совпадение двухнедельных снов и реальности... Впрочем, почему я так уверен в реальности происходящего? А если это просто новый сон?!

Я выбежал в соседний вагон – пусто! Следующий – пусто, и дальше – никого, пусто, никого! И тогда я прислонился к косяку двери и засмеялся. Но смеялся недолго: смысл происходящего наконец дошёл до меня во всей своей трагической нелепости. Я опомнился, сердце сжала холодная лапа тревоги. Дошёл до двери тамбура, выглянул в окно. Там уже не было той зыбкой черноты, которая радовала меня час назад. Вместо мрака какой-то розовый отсвет ложился на мелькающие по сторонам кусты, деревья, на распаханное поле, на изгибы реки. Там, куда безудержно мчалась пустая электричка, разгорался странный – в двенадцать ночи! – розовый день.

Через несколько минут стало совсем светло, небо приобрело чистый розовый цвет, ни одно облачко не портило его безукоризненной чаши. Электропоезд проехал лес, вырвался на край долины, и в долине я увидел город. Город как город – многоэтажные дома, улицы в пау-

тине проводов, скверы, заводские трубы, но я сразу понял – это город из моих прежних снов, пустой город! И ждёт он меня. И снова, как в тех снах, предчувствие грядущего одиночества погнало меня по вагонам в поисках хотя бы одной живой души.

В кабине машинистов никого не оказалось, а добежать до хвоста поезда я не успел. Электричка замедлила бег, колёса дробно простучали по стрелкам, приблизился двухэтажный, отражающий всеми стёклами чистый пламень неба вокзал. Двери открылись с шипением, я сошёл.

Как и ожидалось, вокзал не встретил меня обычным шумом людской толпы, свистом тепловозов и вздохами громкоговорителей. У меня было такое ощущение, будто я с разбегу треснулся лбом о стену и оглох. Эхо моих шагов было единственным шумом, нарушившим покой вокзала. Впрочем... я замер... я услышал шаги, торопливые шаги одинокого человека. Метнулся обратно на перрон и увидел её, Алёну. Удивлённое, слегка растерянное лицо, в глазах недоумение.

– Виктор, ты?

– Нет, – сказал я хрипло, отыскав сердце где-то в желудке. – То есть я. Ну здравствуй, Алёна.

Она ещё не поняла, что мы одни на вокзале, одни в городе, а может быть, и на Земле. Это понял пока лишь я один. И ещё я понял, что мои недавние странные сны были только подготовкой к реальному событию и событие это наконец произошло. Она же была занята встречей, остальное для неё отодвинулось на второй план... так, во всяком случае, я расшифровал её взгляд. Надолго ли? Но возликовать мне помешала тишина.

– Ты так неожиданно уехал...

– Я?!

Она усмехнулась:

– Не я же. А я ждала, что напишешь... долго...

Я вдруг засмеялся против воли и тут же умолк. Оказывается, вопреки действительности, уехала не она, уехал я! Шутка? Или всё это звенья цепи, приведшей нас сюда, в пустой город? И называется всё это – умопомешательство? Моё?!

– Алёна, – сказал я проникновенно. – Я не мог прийти раньше (а что ещё можно сказать в данной ситуации? Выяснить отношения – кто из нас уезжал на самом деле – глупо). Но, как видишь, я всё же нашёл тебя (и это неправда, но кому-то из нас надо же взять её на себя). Пошли?

– Куда? – спросила она доверчиво – это одно из главных её достоинств, – протягивая руку.

Действительно, куда, подумал я, но вслух сказал:

– В город из сказки. В город, где мы будем только вдвоём.

Я вывел её на привокзальную площадь, заполненную тишиной, как талой водой. Я делал вид, что пустой город сказочно красив и таинственен, что всё идёт по плану (чьему только, хотел бы я знать?), что впереди нас ждёт море счастья и жизнь, полная радостных событий, а в сердце заползал удав тревоги, всё громче звучал в душе голос стихийного протеста против этого затеянного неизвестно кем и неизвестно для чего безжалостного эксперимента, которому я уже придумал название: «Двое в пустыне», ибо что такое город, как не технологическая пустыня? Кстати, худшая из пустынь. И разве одиночество не есть пытка, даже если ты вдвоём с любимым человеком, который к тому же ещё не понял всей трагедии случившегося?

Я все говорил и говорил, захлёбываясь красноречием, чтобы отвлечь её от дум, от размышлений, уберечь от того страха, который охватил меня с утроенной по сравнению с «сонными» страхами силой. Там я был одинок сам, один на один с собой, здесь мы были одиноки оба, помимо нашей воли, помимо нашего желания, и я уже страдал её будущим страданием, которое вскоре поглотит все – и первую заинтересованность положением, и необычность встречи, и ощущение новизны. Я ведь знал, что не смогу заменить ей всех: друзей, подруг,

товарищей по работе и просто людей, почти четыре миллиарда людей Земли, тех, о ком не имеешь ни малейшего представления, пока тебя с кровью не оторвут от них и не бросят в пустыне... Робинзон Крузо смог прожить двадцать восемь лет в одиночестве только потому, что у него была надежда на возвращение к людям. У меня такой надежды не было, таков был замысел тех, кто посадил нас с Алёной в клетку пустого города. Почему я знал об этом? Знал, и точка. Словно родился с этим знанием.

– Здесь всё наше, понимаешь? – говорил я. – Считай, что нам преподнесли такой свадебный подарок – пустой город и вообще весь мир. Не возражаешь? Здесь мы будем только вдвоём, никто нам не помешает, не бросит укоризненного взгляда, ты не представляешь, как здорово быть вдвоём! Ты и я, город и небо.

– Не дурачься, Виктор, – сказала она вдруг. Глаза её расширились, недоумение плеснуло в них тяжёлой волной. Пока лишь недоумение. – Что случилось, Виктор? Почему здесь никого нет? Тишина... как странно... Ты не шутишь? Мы действительно в пустом городе? Где мы?

– В пустыне! – воскликнул я тогда с отчаянием, уже ни на что не надеясь. Перед моим мысленным взором пронесли картины нашей будущей жизни. Одни в пустом городе... сначала любопытство, попытки приспособиться к жизни в бетонном раю, потом скука, жизнь воспоминаниями... Что мы можем – одни? Чего мы стоим – только двое? Человек – существо общественное, кому же понадобилось убеждаться в противном? Пришельцам, коими забиты сборники фантастики? Соседям из «параллельного пространства»? Ну а если мы выдержим экзамен на одиночество? Что тогда? Ведь люди не раз доказывали, что способны на невероятное, казалось бы, терпение, не раз проявляли невероятную выдержку, силу воли. Что, если сможем и мы? Я же ещё не проиграл такого варианта, не был готов, что же произойдёт в этом случае?

Я остановился. Что-то происходило во мне помимо воли, прояснялось, словно проявлялась фотоплёнка и на ней проступали заснятые ранее кадры. Словно кто-то неведомый – не разобрать, друг или враг – оставил во мне след, таинственные письма, которые стали вдруг мне понятными.

По-видимому, то же самое происходило и с Алёной.

– Как... Адам и Ева? – с запинкой произнесла она. – Ты это хотел сказать, Виктор? Мы с тобой – Адам и Ева новой цивилизации? Отвели нам свободное пространство – живите, дышите, любите, рожайте детей, а мы посмотрим. Так?

– Алёнка! – крикнул я с болью и ненавистью к тем, кто всё это затеял. – Я-то тут при чём? Мы ведь действительно одни! Ты и я! И я тоже не знаю – почему. Веришь?

Эхо подхватило мой голос, понесло по улицам и переулкам пустого города и вернулось уже нечеловеческим смехом, перебранкой чужих голосов, ползучим шёпотом.

– Верните нас! – крикнул я снова, обращаясь к невидимым экспериментаторам, наблюдавшим за нами, я верил, что они существуют. – Верните хотя бы её! – Я подтолкнул Алёну вперёд.

– Что ты делаешь? – гневно воскликнула девушка и схватила меня за руку. – Только вместе! Слышишь? – Это она мне. – Слышите? – Невидимым наблюдателям.

Она была так красива в этот момент, что я готов был на все – на бой с неясным, но всемогущим врагом, на пытку – на смерть, наконец! – лишь бы она была рядом со мной. Потерять её в этот миг означало для меня покончить счёты с жизнью. И всё же – пусть мы будем вдвоём – и со всеми, такой я сформулировал девиз, потому что только вдвоём мы не будем счастливы наверняка.

– Алёна... – позвал я шёпотом, протягивая к ней руки...

...Полумрак, белый потолок, тихое тиканье часов на буфете и шаги над головой. И сердце, занимающее полгруды...

Я приподнял гудящую голову над подушкой, бессмысленным взглядом окинул комнату.
– Алёна... – машинально позвал я и осёкся. – О боги!

Так это снова был сон? Сон, и больше ничего? До жути реальный, реальный до дрожи в руках, но всё-таки сон? Но как же Алёна? И командировка в Кмиенск?..

Я встал, прошлёпал босиком до кухни, по пути посмотрел на часы – четыре утра, – напился воды, словно только что действительно вернулся из путешествия по пустыне, где едва не умер от жажды, и, сказав вслух: «С ума можно сойти!» – рухнул на кровать. Но до утра так и не уснул. Сон выбил меня из колеи окончательно. Я пытался найти хоть какую-нибудь логическую нить в посетивших меня сновидениях, но ассоциации вводили меня то в глухой ночной лес, то в пески, то в палату умалишённых, где я отвечал на вопросы лечащего врача, моего однокашника, путаясь в самых элементарных вещах, так что в конце концов меня стала колотить дрожь, и я прямо с утра решил пойти к психиатру. Откладывать визит не имело смысла, тем более что командировка мне действительно предстояла.

У двери нашей лаборатории я встретил двоих врачей-практикантов, Сашу Круглова и Сашу Монахова, их интерн-сектор находился рядом с нашим отделением, за стеной.

– Привет интерн-шизикам, – шутливо приветствовал я их, останавливаясь, решив соблюдать хотя бы внешнюю бодрость при полном отсутствии внутренней. – Что это у вас вид похоронный?

– Кузя сдох, – угрюмо сказал Монахов, отличавшийся редким лаконизмом речи.

– Ах ты, несчастье какое! – посочувствовал я. Кузей звали нашего институтского кота. – Вероятно, от нехватки подруг.

– Нет, – сказал Саша Круглов, обладавший редким даром принимать шутки всерьёз. – Понимаешь, мы испытываем... с шефом, конечно, новый генератор психополя, сначала на крысах пробовали, а потом на... В общем, Кузя взял и сдох.

– Не рассчитали дозировку излучения, – небрежно сказал я. – Вот и сдох ваш несчастный Кузя, царство ему небесное, хороший был кот. Экспериментаторы! А какова программа?

– Психомотив одиночества, – буркнул малообщительный Монахов.

– Пси... мотив чего? – тупо переспросил я.

– Одиночества, – терпеливо повторил Круглов. – Программа включает гипноиндукционное вступление, то есть подавление воли перцепиента, и волновую передачу, внушающую явление пассионарной психоизоляции и прорыв подсознания во сне.

– Ну конечно, – сказал я, шалея. – Одиночество... аккуратно через день.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно посмотрел на меня Монахов. – Валька растрепалась?

Валькой была новенькая лаборантка в их секторе, часто забегавшая к нам.

– Ага... то есть нет. – Я постепенно отошёл. – Стена, понимаешь ли, тонкая, вот в чём дело, друг ты мой ситный. Психомотив одиночества. – Я вдруг захохотал с облегчением. – Основатели цивилизации Виктор-Адам, Алёна-Ева... пришельцы... ха-ха-ха... Параллельное измерение! Паршивцы!

Я хохотал до коликов в животе, а оба Александра тревожно рассматривали меня, явно вспоминая классификацию шизоидов и решая, к какому классу сумасшедших отнести меня.

– На крысах? – спросил я слабым голосом, изнемогая. – Гениально! Молодцы практиканты! Психомотив одиночества проверять на крысах и кошках – это гениальная мысль! Кто автор?

– Шур, – помолчав, сказал Монахов, – чего это его так развеселило? – Он снова оценивающе посмотрел на меня. – Не понял я его намёков на тонкую стенку.

– Эх вы, юмористы. – Я вздохнул. – Дело в том, что вы чуть было не отправили меня по пути кота Кузи. Так-то, экспериментаторы! Генератор ваш стоит небось у самой стены, справа от входа?

- Стоит, – подтвердил Круглов. – Ну и что?
- Ну вот, а с другой стороны стены – моё рабочее место!

Через час я стал знаменитостью института номер один.

Меня замучили расспросами девушки, выясняя в основном, кто такая Алёна, постоянно донимали ехидными репликами друзья. А потом начальство в лице Пантелеева и директора института послало меня под неусыпным надзором в командировку в Киев вместе с результатами анализов и записями на плёнке моих ответов на все существующие психотесты. В Киевском институте экспериментальной медицины меня ждали академики-психиатры с новейшей медицинской и вычислительной техникой.

В поезде я помог какой-то девушке внести в купе чемодан, а когда случайно вскинул на неё взгляд – даже не удивился, просто не поверил: это была Алёна.

Мы стояли, оба одинаково потрясённые, и молчали. А я вспомнил сон с пустым городом и пожалел, что кругом полным-полно пассажиров, что мы не в пустыне, вдвоём, только она и я.

1979 год

Мера вещей

Цикл «УАСС»

Шлюп медленно дрейфовал в струе кристаллического аммиака, выброшенного совсем недавно из глубин атмосферы Юпитера. Под ним образовалась сияющая, клочковатая, жёлто-оранжевая бездна, в которой угадывались колоссальные провалы, нагромождения облачных масс и кипение атмосферных течений. С высоты в сорок тысяч километров Юпитер не был ни полосатым, ни пятнистым – невероятный по размерам кипящий котёл, в котором то и дело взлетали вверх ослепительно-жёлтые султаны аммиака, оранжевые протуберанцы гелия и серебристые волокна водорода; котёл, поражающий воображение и заставляющий человека жадно вглядываться в его пучины, испытывая суеверный страх и не менее суеверный восторг, и с особенной остротой воспринимать масштабы космических явлений, одним из которых был Юпитер – вторая неродившаяся звезда Солнечной системы.

Шлюп положило на бок, и Пановский очнулся. Последовал мысленный приказ, летающая лаборатория поползла вверх, на более безопасную орбиту, сопровождаемая перламутровым ручьём «тихого» электрического разряда, на зигзаге которого вполне уместилась бы земная Луна.

– Спокоен старик сегодня, – сказал Изотов, отрываясь от окуляров перископа. – Радиус Ю-поля в два раза короче, чем вчера, мы даже не дошли до верхней гелиопаузы. Риснём?

Пановский отрицательно качнул головой.

– Пора возвращаться. Мы и так проболтались без малого пять часов, ловушки заполнены до отказа, записей хватит на неделю детального анализа.

Изотов хмыкнул, исподлобья взглянул на товарища, занимающего в данный момент кресло пилота. Пановскому шёл сорок второй год, был он высок, жилист, смугл от вакуум-загара. Он начал работать над гигантской планетой двенадцать лет назад, когда закладывались первые Ю-станции на спутниках Юпитера, естественно, это был один из самых опытных Ю-физиков, знавший все внешние повадки исполина, участвовавший в трёх экспедициях глубинного зондирования его атмосферы.

– Жаль, – пробормотал Изотов, думая о своём.

– Чего жаль? – не понял Пановский, поправляя на голове эмкан – бесконтактный шлем мыслеуправления. Шлюп продолжал ввинчиваться в гаснущее зарево разреженной водородной атмосферы Юпитера, направляясь к Амальтее, на которой располагалась Ю-станция «Корона-2».

– Жаль, говорю, что не удалось видеть КУ-объект. Вчера ребятам повезло больше.

Пановский поймал в визирные метки пульсирующий радиоогонек маяка станции, переключил управление на автоматику и повернулся к напарнику.

Изотов появился на Ю-станции недавно. Был он молод, настойчив, самолюбив и не успел ещё растерять надежд открыть на Юпитере «древнюю цивилизацию», существование которой ставилось под сомнение, то вспыхивало ненадолго сенсацией в научных и околонуучных кругах Солнечной системы.

– КУ-объект – фикция, – убеждённо сказал Пановский, продолжая исподтишка изучать лицо молодого Ю-инженера. – Я летаю над Юпитером двенадцать лет и ни разу не видел ничего подобного.

– Значит, тебе просто не повезло. Ведь многие видели. Сабиров, например, Вульф, Генри Лисов...

– И никто из них не привёз ни одной голографии.

Изотов вздохнул. Что правда, то правда: никто из учёных – будь то зелёные новички вроде него или опытные «зубры» – не смог запечатлеть КУ-объект на плёнку и доставить снимки на базу. На голограммах проявлялись лишь обычные облачные структуры верхней газовой оболочки Юпитера и ничего похожего на КУ-объект.

– Не вешай носа, – добродушно усмехнулся Пановский, видя, что напарник расстроен. – Повезёт в другой раз, не со мной, видимо, я и в самом деле неудачник.

– Сотый, Сотый, – раздался в рубке знакомый голос диспетчера станции. – Срочно отвечайте, остался ли аппарат-резерв?

– Да, – коротко отозвался Пановский, бегло проглядев записи бортового компьютера. – Три ленты в видеокассете, дюжина кристаллов в приёмнике «Омеги». В чём же дело?

– Немедленно возвращайтесь к южной тропической зоне, координаты... – Диспетчер продиктовал координаты. – Генри только что на главном оптическом наблюдал рождающийся КУ-объект! Вы ближе всех в этом районе...

Диспетчер ещё не договорил, а Пановский уже успел перехватить управление автомата и бросить модуль в разворот.

– Что я говорил! – воскликнул Изотов, скорее изумлённый, чем обрадованный поворотом событий.

Пановский не ответил, не веря в миражи и тем не менее признаваясь в душе, что вера в чудо не угасла в нём и по сей день.

Шлюп вышел точно по координатам над большой облачной спиралью. В непосредственной близости от короны Юпитера голоса диспетчера уже не было слышно, сложная система радиационных поясов планеты полностью забивала эфир помехами. Пановский осторожно повёл шлюп к Южному полюсу, опасаясь приближаться к внутреннему кометно-метеоритному кольцу, возле которого плотность метеоритного вещества достигла критических величин. И тут они действительно увидели загадочный КУ-объект.

Из жёлто-коричневой мути аммиачно-водородных облаков высунулся ослепительно-белый «цветок» на тонком стебле: по форме КУ-объект напоминал земную гвоздику. Стебель «гвоздики» продолжал расти, она увеличивалась в размерах, и наконец стало ясно, что это вполне реальное явление, отнюдь не галлюцинация и не радиолокационный призрак.

Пановский включил аппаратуру видеосъёмки и дистанционного анализа, покосился на товарища:

– Ну и везёт тебе, юноша! Честно говоря, я и сейчас не верю в его существование. Загипнотизировал ты меня своими фантазиями, да и Ю-поле, наверное, действует, потенциал уже давно выше нормы.

– «Если на клетке слона прочтёшь надпись «Буйвол», не верь глазам своим», – процитировал Козьму Пруткова Изотов. – Ю-поле тут ни при чём. Кстати, почему эту штуку назвали КУ-объектом?

– Первым его увидел и описал полгода назад Костя Уткин, неисправимый фантазёр и выдумщик, отсюда и сокращение... Он пропал без вести после третьей встречи со своим открытием. Во всяком случае, сообщил по радио, что идёт на сближение...

Изотов повернул голову, мгновение смотрел в серые непроницаемые глаза Пановского, словно пытаясь прочесть его мысли, потом расслабился и пожал плечами:

– Случайность, которая подстерегает каждого из нас. Посмотри на анализаторы: материал КУ-объекта – безобидное облако ледяных кристаллов. Разве что магнитное поле великовато для обычного облака... Давай подойдём поближе.

Пановский красноречиво постукал пальцем по лбу.

Шлюп проходил уже под краем «гвоздики», достигшей размеров земного Мадагаскара, и в этот момент что-то произошло.

Пановскому показалось, что КУ-объект взорвался! Шлюп вздрогнул, оборвалось пение приборов в рубке, ослепли экраны, наступила глубокая тишина. И в этой тишине раздался Голос! Глубокий, нечеловеческий Голос-вскрик – не звук – сенсорный импульс, ударивший по нервам. Он пронизал оболочку шлюпа, прошёл сквозь все его защитные экраны и сквозь тела людей и умчался в космос, в неизмеримую даль – бестелесная молния, сгусток мысли неведомого исполина. Это было последнее, о чём подумал Пановский. Хлынувшая в мозг тьма погасила сознание...

Зал связи Ю-станции «Корона-2» тонул в тусклом серо-жёлтом сиянии юпитерианского серпа: станция проходила над ночной стороной планеты. Гул переговоров отражался от стен зала, смешивался с гудками и тихими свистами аппаратуры и возвращался таинственным шепчущим эхом. Четыре виома отражали четыре таких же, как и этот, зала с группами людей у пультов.

В зал вошёл высокий бледный человек с узким жёстким лицом. На рукаве его куртки алел шеврон научного директора станции. У главного пульта расступились люди.

– Какие новости? – спросил, почти не разжимая губ, директор.

– Второй КУ-объект мы прозевали, – сказал смуглый до черноты Генри Лисов. – Вернее, не знали, где ждать. Третий успели захватить в начале образования. А потом – как отрезало, никаких следов. Видимо, существуют какие-то периоды активности КУ-объектов, когда они появляются довольно часто. За последние четыре дня – четыре появления! Но какова длительность периода – ещё предстоит рассчитать, не хватает статистики.

– Самое интересное, что третий КУ-объект ничего не излучал, как первые два, – сказал седобородый Сабиров. – Но приборы обнаружили слабое волновое эхо в пространстве сразу после его выхода, я имею в виду приборы станции СПАС.

– Вы полагаете, что это был...

– Приёмник, вернее, приёмная антенна, если пользоваться земной терминологией. А первые два были передающими антеннами. После выхода их в эфир станция пространственного слежения за орбитами Урана и Плутона, а также станции СПАС этого сектора поймали «след» импульсов, направленных в сторону шарового звёздного скопления омега Кентавра. Час назад расчётная группа закончила анализ импульсов. По оценкам машин – это одномоментные передачи огромных массивов информации.

– Итак, КУ-объекты суть аппараты юпитериан, – медленно проговорил Зимин. – Цивилизация на Юпитере – не миф! Вы хоть представляете себе важность сего фактора?!

Сабиров переглянулся с Генри Лисовым, но директор станции не ждал ответа.

– Три года мы возимся с легендой о цивилизации на Юпитере, полгода – с легендой о КУ-объектах, не подозревая, что они существуют реально... Кстати, почему их невозможно голографировать?

Генри Лисов помялся.

– Гипотез много, но дельной ни одной... Считается, что все дело в Ю-излучении, сбивающем настройку приборов, в результате чего человеческий глаз видит КУ-объект не там, где он есть на самом деле. Ни на одной из последних голограмм КУ-объектов нет! Визуально наблюдаемы, особенно вблизи, но запечатлеть не удаётся, хоть плачь.

– Интересная загадка. Что ж, мы на пороге величайших открытий за всю историю космоплавания. Что?

Сабиров откашлялся.

– У меня иное мнение. Уже сто лет человечество изучает Юпитер, из них более полувека – активно, с помощью зондов и обитаемых станций. Множество экспедиций в атмосферу и на дно, тысячи потерянных зондов, гибель исследователей... Едва ли юпитериане не замечают нас, по-моему, это невозможно, но тогда их молчание говорит об одном – об отсутствии

интереса с их стороны к нам. О каком контакте может идти речь? А если они нас просто не замечают, значит, отличаются по всем параметрам жизнедеятельности. Да и неудивительно: я до сих пор не могу представить, как на этом газожидкостном шаре могла возникнуть жизнь! А уж разумная жизнь... – Сабилов махнул рукой.

– Да здравствует скептицизм! – улыбнулся нежнолицый Вульф. – Так, Баграт? Но факты – упрямая вещь. Вот насчёт контакта я с тобой согласен.

– Вопросы ко мне есть? – спросил Зимин, переждав шум. – Прежде всего у заместителей. Я отбываю на Землю на неопределённый срок.

– Есть, – сказал Сабилов. – Что с ребятами?

– Для них встреча с КУ-объектом в момент излучения закончилась печально. По мнению экспертов, модуль попал в краевую зону излучённого импульса. У обоих шок, общий паралич... Их отправили в медцентр на Курилах. Ещё вопросы?

Вопросов больше не было.

– Тогда прошу всех вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей. Помните, что на нас ложится большая ответственность. Как бы ни был контакт с цивилизацией Юпитера далёк, начинать его придётся нам.

Зимин не спеша подошёл к главному обзорному виому станции вплотную и с минуту смотрел молча на слабеющее дымное свечение юпитерианского серпа, пока от него не осталась лишь тонкая бледная полоска. И тогда стало заметно тусклое багровое мерцание в толще ночной атмосферы планеты – отблески небывалых по величине гроз, а может быть, и результат титанической работы её обитателей.

– Вы напрасно не придаёте этому значения, – сказал Старченко. – Это по-настоящему сенсационное открытие!

Наумов молча разглядывал переносицу заместителя, удивляясь его горячности и недалёковидности, а может быть, нежеланию вникнуть в суть дела. Сенсация... Неужели для него это лишь сенсация? Что это – максимализм молодости или неопытность? Или ещё хуже – равнодушие? Но ведь для тех двоих...

Он перевёл взгляд на молочно-белые губы реаниматоров, скрывающих в своём чреве учёных с Юпитера, пострадавших от неизвестного излучения. Вот уже месяц, как крупнейшие учёные Земли: невропатологи, нейрохирурги, нейрофизиологи, психологи, лингвисты, специалисты в области биоэнергетики и физики излучений – пытаются спасти этих людей, но всё, что удалось пока сделать, – это предотвратить коллапс и паралич нервной системы космонавтов. Тела их с помощью специальных устройств жили, а мозг, поражённый чудовищной дозой излучения, не хотел просыпаться.

Гипотеза Наумова, высказанная им на консилиуме, породила сенсацию среди медиков, именно о ней и рассуждал Старченко. Гипотеза состояла в том, что передача юпитериан, предназначенная для неизвестного людям абонента в шаровом звёздном скоплении омега Кентавра... была воспринята космонавтами на всех уровнях сознания и подсознания! Мозг учёных «захлебнулся» ливнем чужеродной информации, сфера сознания оказалась переполненной, а основная информация осела в глубинах неосознанной психики и привела к параличу двигательных центров, что не позволяло освободить память пострадавших обычными путями и почти не оставляло надежды на их излечение.

– Сенсация, – повторил Наумов глухо. – Это прежде всего боль и горе родных и близких... вот что это такое.

Он был молод, главный врач Симуширского медцентра нервных заболеваний. Небольшого роста, хрупкий, нервный, он не был красивым, лицо слегка портили угрюмая складка губ и неожиданно нежный «девичий» подбородок, но, когда он улыбался, а случалось такое нечасто, становилось понятно, за что его любят пациенты и персонал клиники.

– И всё же, по сути дела, у нас в руках клад с тайнами Юпитера, – упорствовал Старченко. – Представь, какие знания мы получим, расшифровав «записанную» в их головах информацию!

– Не знаю. – Наумов отвернулся и подошёл к пульту медицинского комплекса. Автоматы продолжали следить за состоянием пациентов, и красно-жёлтая гамма на панели пульта указывала на то, что пострадавшие находятся на грани жизни и смерти.

На панели замерцал синий огонёк, на трёхметровые кубы реаниматоров опустились плоские многосегментные зеркала следящих систем. Одновременно ожил виом над пультом, и взорам врачей предстали тела космонавтов, поддерживаемые невидимыми силовыми сетками. К рукам и ногам лежащих придвинулись белые шланги с присосами, на панели зажглась надпись: «Питание».

Головы космонавтов скрылись в сложных ажурных конструкциях энцефаловизоров, но Наумову показалось, будто он видит страдальческие гримасы на белых как мел лицах, и ему стало зябко и неуютно.

Тихий звон видеовызова заставил Старченко замолчать и подойти к дальней стене зала, за перегородку технических систем. Через минуту он вернулся.

– Снова эта женщина, Изотова. Просит пропустить к вам. Я сказал, что сейчас время процедур и ты занят.

– Впусти. – Наумов нахмурил тонкие чёрные брови. – Это не просто женщина, это его жена.

– Жена! – хмыкнул Старченко. – Да они давно не... – Врач наткнулся на холодный взгляд главного и поспешил скрыться за перегородкой. Белобрысый, высокий, широкоплечий, шумный, он являл собой полную противоположность Наумову, и тот иногда удивлялся в глубине души, как это они проработали вместе уже два года. В этот день Старченко был Наумову неприятен. Может быть, из-за того, что в его рассуждениях было рациональное зерно и Наумову не хотелось в этом признаться?..

Наумов вырастил из стены пару кресел и сел, продолжая наблюдать, как сменяются аппараты над телами людей.

Отчего же пришло острое чувство сострадания? Разве мало прошло перед ним пациентов? Разве мало он повидал смертей? В тех случаях его не однажды охватывали отчаяние и гнев – медицина слишком часто оказывалась бессильной, и люди умирали, несмотря на все ухищрения её многосотлетнего опыта. Люди научились побеждать болезни, прежде считавшиеся неизлечимыми, выращивать новые органы тела взамен утративших жизнеспособность, но мозг – мозг оказался слишком хрупким и сложным, и даже самые тонкие и точные методы его лечения подчас не давали желаемого результата. Мозг во многом продолжал оставаться тайной, открытие новых его возможностей происходило медленно, и люди продолжали умирать, если он оказывался повреждённым, продолжали умирать, если ошибалась природа, продолжали умирать на операционных столах «под ножами» хирургов в результате их неосторожности или незнания...

Из-за перегородки шагнула в зал молодая женщина, высокая, гибкая, с лицом строгим, насторожённым, на котором выделялись твёрдые, властные губы. Взгляд её синих глаз сказал Наумову, что он имеет дело с натурой сильной и целеустремлённой.

Такая, пожалуй, не станет ни плакать, ни жаловаться, подумал он с мрачным удовлетворением.

– Здравствуйте, Валентин.

Голос у неё был глубокого баритонального оттенка, который обычно называют грудным, такой же красивый и уверенный, как и весь её облик.

– Здравствуйте, Лидия, – ответил Наумов, вставая навстречу. – Предупреждаю: нового ничего.

Изотова посмотрела в виом, губы её дрогнули, раскрылись.

– Он?

– Слева, – кивнул Наумов.

Лидия едва заметно усмехнулась. Наумов понял: кому, как не ей, знать, с какой стороны лежит её муж.

Они сели. Лидия ещё с минуту смотрела на виом, потом повернулась к главному врачу медцентра:

– Я знаю, вы один из самых лучших нейрохирургов Системы... – Наумов сделал протестующий жест, но Лидия не обратила на это внимания. – Не надо меня успокаивать, ответьте прямо: есть надежда? Есть ли надежда, что Серёжа будет жить?

Наумов с трудом выдержал прямой выпад синего взгляда.

– Прежде чем ответить, разрешите задать, в свою очередь, несколько вопросов. Как давно вы... не живёте с Сергеем?

Она удивилась, прикусила губу.

– Неужели это необходимо для лечения?

– Да, – твёрдо ответил он.

– Я не живу с Сергеем почти два года.

– И вы...

– Я люблю его.

Сказано это было просто и естественно, Наумов не мог не поверить, но любовь – и полтора года друг без друга?..

– В чём причина ссоры?

– Он спортсмен.

Заметив удивление в глазах Наумова, она заторопилась:

– Он спортсмен во всём: в работе, в увлечении... в жизни вообще. Он ни в чём не хотел быть вторым, и в семье тоже. Правда, сейчас мне кажется, что он был прав.

– Понятно. И вы не встречались с ним... потом?

– Встречались. Потом он ушёл к Юпитеру искать утраченную мужскую гордость. – В голосе женщины прозвучала горечь. – Он сильный человек, но... ещё мальчик... Послушайте, ну это же не важно, в конце концов! Мы были нужны друг другу, независимо от... и я люблю его, разве этого мало? И хочу знать, он будет жить? Именно таким, каким я его знаю?

Наумов невольно посмотрел на виом, но тот уже погас: программа процедур закончилась.

– Знаете, Лида, положение осложнилось. Изотов и Пановский попали не под простой лучевой удар, а под удар информационный. Ну, вы, наверное, слышали об открытии цивилизации на Юпитере. Так вот, юпитериане послали в космос мощный импульс, содержащий некую закодированную информацию, и, оказавшись на пути луча, космонавты «поймали» импульс на себя, в результате чего информация «записалась» у них в мозгу почти на всех уровнях памяти. Мозг теперь заблокирован чужеродной информацией, и разблокировать его мы... в общем, пока не в состоянии.

– Но ведь вылечивается же синдром «денежного мешка» – болезнь мозга от переизбытка информации.

– Это абсолютно другой случай, так сказать, «космический синдром», шок от переизбытка сверхинформации, причём закодированной неизвестным образом. И тут есть ещё одна сложность... – Наумов помолчал, обдумывая, как бы смягчить объяснение, но не придумал. – Сложность в том, что мы ещё не разобрались, какие центры и уровни памяти «забиты» ненужным знанием. Может случиться, что в результате операции сотрутся те виды памяти, которые заведуют механизмом памяти наследственной, то есть сотрётся «я» Сергея Изотова, это страшнее смерти.

– Что может быть страшнее смерти? – покачала головой Лидия. – Только сама смерть...

«Она права, – подумал Наумов. – Но что я могу сказать ей в ответ?» Кто-то заметил: «Если не знаешь, что сказать, говори правду». Иногда жестокость – единственное выражение доброты.

– Извините, что я так сразу... Всё может закончиться хорошо. Мы будем бороться, это я вам обещаю.

– Спасибо. – Лидия встала, вызывающе-виноватым взглядом отвечая на взгляд Наумова. Юбка при движении распахнулась, открыв красивые стройные ноги. – Я верю, что вы спасёте его.

Попрощалась и ушла.

«Его»!.. Эгоизм в самом чистом виде! О товарище мужа она даже не вспомнила, всё заслонил любимый... Самый слепой из эгоизмов – эгоизм любви! Чёрт возьми, мне-то от этого не легче! Лгать другим мы разучились, зато продолжаем лгать себе, испытывая при этом величайшее наслаждение. Как врач, специалист, я не верю в их исцеление, но как человек надеюсь. А многое ли сделаешь, имея надежду и не имея уверенности? Обещание бороться за их жизни – не гарантия успеха...»

– Нас вызывает Петербург, – подошёл Старченко. – Экспертный отдел академии.

Наумов кивнул, задумавшись. Красные огни индикаторов на пульте казались ему шипами, вонзающимися в незащищённое тело.

Южный циклон принёс на Симушир туман и тёплый дождь, продолжавшийся с перерывами три часа.

Наумов соединился с бюро погоды Южно-Сахалинска, и ему объяснили, что циклон пропущен на материк по глобальным соображениям Тихоокеанского центра изменения погоды.

– Потерпите ещё часа три, – виновато сказал диспетчер, юный до неприличия. – Мы понимаем: медцентр и всё такое прочее, но...

– Это не прочее, – сдерживаясь, перебил его Наумов. – Это здоровье пациентов, в медцентре их тысяча двести тридцать, и всякое изменение погоды в зоне Симушира несёт им дополнительную, и причём отрицательную, нервную нагрузку! Понимаете?

Диспетчер покраснел, не зная, что ответить.

Наумов понимал, что тот не виноват, но оставлять это дело без внимания не хотел.

– Предупредили бы. Мы бы спланировали микроклимат. Дайте телекс главного синоптика, я поговорю с ним.

После разговора с главным конструктором погоды главврач несколько минут прохаживался по кабинету, поглядывая сквозь прозрачную стену на плотное покрывало тумана, скрывшее под собой бухту Броутона в виде полумесяца, пролив Дианы, сопки на северной оконечности острова. Лишь строгий конус вулкана Прево плавал над туманом, словно в невесомости, подчёркивая тишину и покой.

Симуширский центр нервных заболеваний представлял собой комплекс ажурных ветвящихся башен, собранных из отдельных блоков лечебных и процедурных палат. Он был построен десять лет назад на гребне кальдеры бывшего вулкана Уратман, образовавшего бухту Броутона, когда люди научились не только предсказывать землетрясения и вулканические извержения, но и управлять ими. С тех пор Симушир, имеющий на языке айнов ещё одно название – Шаншири, что значит «гремящая, содрогающаяся земля», перестал будить Курилы эхом вулканических взрывов и превратился в заповедную зону медцентра.

Каждая палата клиники смотрела стенами на четыре стороны света и купалась в чистом морском воздухе. Кабинет главного врача венчал одну из башен и ничем не отличался от других блоков, кроме внутреннего инженерно-медицинского обеспечения.

Наумов вспомнил лицо диспетчера погоды и поморщился. Чувство неудовлетворённости не проходило, однако рабочий день только начинался, и в причинах хандры разобраться было некогда. Он сел за стол и вызвал по видеоселектору заведующих отделениями...

В четырнадцать часов дня кабинет быстро заполнился светилами медицины Земли и представителями Академии наук, причём «живых» людей было от силы пять-шесть человек, большинство присутствовали через виомы, хотя по внешнему виду невозможно было отличить «призрак» от реального человека.

Несколько минут ушло на знакомство, потом Старченко стоя сообщил всем о состоянии космонавтов. Глядя на его уверенное красивое лицо, Наумов подумал, что знает своего заместителя совсем плохо, только с внешней стороны. Странное дело: работают бок о бок полтора года, а друзьями не стали, правда, и врагами тоже... Откуда эта молчаливая договорённость не переступать рамки служебных отношений? Не потому ли, что оба представляют разные полюса характеров?..

Первым вопрос задал академик Зимин, научный директор Ю-станции «Корона-2», непосредственный руководитель пострадавших от излучения учёных. К удивлению Наумова, Зимин прибыл на Землю и явился в медцентр материально, а не визуально, и этот не совсем обычный поступок имел для главврача некий тревожный смысл.

Внешность Зимин имел впечатляющую: узкое лицо, сухое, с морщинами на лбу, похожими на шрамы, тонкие губы, выдающийся массивный подбородок, прямой нос и круглые цепкие глаза – лицо человека, наделённого недюжинной силой воли, знающего, чего он добивается. Он был высок, худощав, жилист, силён. Наумов невольно сравнил широкую ладонь учёного со своей и вздохнул.

– Подтверждено ли предположение о «перезаписи» информации излучённого с Юпитера импульса в мозг больных?

– К сожалению, да, – после некоторого колебания сказал Наумов.

– И как велик информационный запас?

– В мегабайтах? – спросил вдруг с иронией Старченко. – Или вам нужен наглядный пример?

Не ожидавший подобного выпада от заместителя Наумов с любопытством посмотрел на Старченко. Парень явно рассердился.

– Мозг человека способен вместить все знания, накопленные опытом цивилизации, – продолжал молодой врач. – А у космонавтов заблокированы чуть ли не все уровни памяти, сознание и подсознание, так что запас чужой информации, «забившей» даже инстинкты, огромен!

Среди общего оживления Зимин остался бесстрастным и холодным, изучая Старченко, будто выбирал место для удара.

– Существует ли возможность «считывания» этой информации?

Старченко замялся и оглянулся на главного. Он помнил спор и помнил отношение Наумова к своим выводам.

Этого следовало ожидать, подумал Наумов. Было бы странно, если бы кто-нибудь не задал этого вопроса. Что ему ответить? Изложить свою точку зрения? Которой нет...

– Теоретически существует, – ответил он. – Но на практике последние пятьдесят лет никто с этим не сталкивался, потому что случай этот особого рода. – Наумов помолчал. – Существует так называемый метод психоинтеллектуальной генерации, основанный на перекачке криптогнозы, то есть информации, осевшей в глубинах неосознанной психики, из сферы подсознания в сферу сознания. Но, во-первых, этот метод применялся всего один раз и нет доказательств, что он себя оправдал, а во-вторых, может оказаться, что мы сотрём психоматрицу субъекта, что для моих пациентов равносильно смерти.

– Я понимаю. – Зимин пожал плечами. – Но поймите и вы: открыта цивилизация на Юпитере! Чужой разум! Это событие неизмеримо великого значения для всей науки Земли, для всего человечества. И появилась возможность узнать об этой цивилизации очень и очень многое, если верить вашим же словам. Представляете, что может в результате приобрести человек? Мы с вами?

– Ну, хорошо, предположим, мы «перепишем» всю информацию, – вмешался академик Чернышов. – Но сможем ли прочитать её, расшифровать? Код записи может оказаться таким сложным, что расшифровать её не удастся – вспомните роман Лема «Голос неба», – что тогда? Люди-то попали под луч случайно, информация предназначалась не нам.

Наумов благодарно посмотрел на старика.

Зимин усмехнулся, но глаза остались холодными и недобрыми. Наумов ощущал его взгляд физически, как укол шпaги, и невольно напрягал мышцы живота. Он не знал, что ответить Зимину, доводы учёного не были абстракцией, они отзывались на его собственные мысли, были созвучны им. Не из-за этого ли хандра в душе? Предчувствие беды? Профессиональная этика врача запрещала колебаться, но, оказывается, он даже как врач не ощущал своей правоты. Не в этом ли причина раздвоенности и глухой досады?

– Кроме всего прочего, – продолжал Наумов, – существует врачебная этика (Давай, борись с собой, доказывай, что слова твои – сама истина, что только человеколюбие движет тобою, в то время как Зиминим... а что Зимин? Он ведь тоже, наверное, не для себя старается? Единственное, от чего воротит, что он прикрывается выгодой для человечества. Банально и неоправданно, хотя и выгодно...) и принципы человеческой морали. Кто возьмёт на себя ответственность за убийство людей даже во имя блага для всего человечества? И кто, в конце концов, разрешит нам сделать это? Родственники пострадавших? Их любимые и любящие? Да и не в них дело, поймите, мы не должны ставить на весы жизнь людей и самый ценный из материальных выигрышей – знание.

Наумов видел, что убеждает прежде всего самого себя, и, понимая это, не мог не чувствовать, что фальшивит, и эта фальшь, казалось ему, видна и остальным.

– Я не спорю, – негромко сказал Зимин. – Но в истории человечества известны примеры, когда рисковали жизнью во имя гораздо менее значимых целей.

– Да, но люди шли на это сами, – так же тихо сказал Чернышов. – И в этом их преимущество перед нами. За них никто не решал, не распоряжался судьбами. По-моему, прав Валентин, мы не должны решать вопросы жизни и смерти в отсутствие рискующих жизнью.

– Это тавтология. – В голосе Зимина зазвенел металл. – Пациенты не могут сказать за себя ни слова де-факто. Зачем эти выпендренные слова?

– Коллеги, – вмешался Старченко, – мы отвлеклись от основной проблемы – как лечить больных. Давайте оставим в стороне моральные проблемы и правовые вопросы дела и вернёмся к медицине.

– Правильно, – поддержал врача один из биофизиков. – Мы собрались, чтобы обсудить метод лечения, проблема чисто медицинская, не стоит привлекать для её решения морально-этический кодекс.

Зимин хотел что-то добавить, но передумал.

Разговор перешёл в русло медицины. Наумов больше не вмешивался в обсуждение предлагаемых методов лечения, хотя здесь присутствовали многие авторитеты в области изучения человеческого мозга. Он только командовал техникой кабинета, показывал палаты, записи, документы, аппаратуру центра, а в голове раздавалось: «Не всё ещё закончено в споре, не все аргументы исчерпаны. Зимин не остановится перед хрупкой, по его мнению, преградой этики, и, к сожалению, он не одинок в своём мнении. Но самое страшное – я не чувствую себя его противником. К тому же в любом случае способ лечения космонавтов небезопасен, и это плохо.

Это отвратительно, это главное, на что сделает упор сам Зимин и иже с ним, выйдя в высокие инстанции... А где найти контраргумент, я не знаю...»

В том, что Зимин обратится в арбитраж более высокого ранга, в Академию медицины, а может быть, и в Высший координационный совет Земли, Наумов не сомневался. Он хорошо понял ход мыслей учёного и доминанту его характера: добиваться конечного результата любыми средствами.

– Предстоит тяжёлое объяснение в медсовете Академии, – сказал Чернышов, когда совещание закончилось и кабинет опустел. – Но я с вами, Валентин, можете располагать моим голосом.

– Вы не со мной, – пробормотал Наумов, – вы с ними. – Он мотнул головой в сторону включённого виома, показывающего реаниматоры.

– А я понимаю Зимина, – сказал Старченко, выключая аппаратуру. – Юпитер изучается более века, и сколько там погибло исследователей – не счесть. И вдруг появляется возможность за несколько минут раскрыть суть юпитерианской цивилизации!

– Я его тоже понимаю, – с горечью сказал Наумов и вспомнил лицо Лидии Изотовой. – Скачок вперёд, к новым достижениям, к новым вершинам знаний, к великим открытиям... Почему бы нет? Но если бы при этом не надо было перешагивать через такую «малость», как две жизни.

В холле Управления аварийно-спасательной службы Наумов несколько минут разбирался в указателях, нашёл нужный лифт и вскоре стоял перед дверью в отдел безопасности космических исследований. Дверь открылась, он вошёл.

В кабинете начальника отдела находились двое: сам Молчанов, невысокий, худой, спокойный, с серыми внимательными глазами, и академик Зимин. Присутствие учёного неприятно поразило Наумова, однако он сделал вид, что ему всё безразлично, и сел.

– Ну, я, наверное, больше не нужен, – сказал Зимин, вставая. – Всего доброго.

Во взгляде академика Наумов прочёл странное сожаление, и в душе снова шевельнулся дремлющий удав тревоги. Однако взгляд Молчанова он выдержал, ждал, с чего начнёт начальник отдела.

Тот щёлкнул ногтем по сенсору видеоселектора и сказал «призраку» оперативного дежурного:

– Сима, я буду занят ещё пятнадцать минут, все вопросы переключи пока на Ромашина. – После этих слов начальник отдела обратил не улыбочивое своё лицо к гостю.

Они были знакомы давно, года три, по совместному увлечению спортом – прыжками с трамплина на лыжах, тем не менее с минуту присматривались друг к другу, словно встречаясь впервые.

– Ну что там, Валя? – спросил наконец Молчанов. – Что будем делать?

– А что надо делать? – удивился Наумов. – Если ты в курсе проблемы, повторяться я не буду.

– В общих чертах. – Молчанов бросил взгляд на дверь, за которой скрылся Зимин. – Что и говорить, открытие цивилизации на Юпитере – открытие века! Общечеловеческий стресс! Хотя ждали контакта давно и вроде бы привыкли к ожиданию. У меня и без того проблем хватало, а теперь и вовсе вздохнуть некогда.

Наумов иронически усмехнулся. Молчанов посмотрел на него оценивающе.

– Что, жалоба не по адресу? Ты прав, у кого из нас не хватает забот. А что, Валя, Изотов и Пановский действительно восприняли информацию юпитериан? – внезапно спросил он.

– В том-то и проблема! Чтобы вылечить их, надо «стереть» чужую информацию, иного выхода попросту нет. Не существует.

– Понимаю, не горячись. Ну а если, «стирая», одновременно записывать эту информацию в память машины?

– «Стирать» и «стирать и записывать» – суть два разных метода, причём последний увеличивает вероятность смертельного исхода. Мы рискуем убить людей!

– Как убить?

– Можем стереть человеческое «я», личность, что для пострадавших равносильно смертному приговору.

«Повторю в третий раз, – тоскливо подумал Наумов. – Последний ли? Каждому надо доказывать, каждого убеждать... в том числе и себя самого. Когда же настанет время мысленного сопереживания, сострадания, сочувствия? Когда не надо будет убеждать собеседника, ибо он и без слов почувствует твою растерянность и тоску?»

– Зимин говорил, что и обычное «стирание» может дать отрицательный результат.

– Может! – разозлился Наумов. – И всё же риск на порядок меньше.

– Риск всё равно остаётся. – Молчанов предупредительно поднял руку. – погоди, не спеши доказывать обратное, побереги доказательства и красноречие для ВКС.

Наумов недоверчиво посмотрел в глаза начальника отдела.

– Так серьёзно?

Молчанов почесал горбинку носа, утвердительно кивнул.

– Понимаешь, Валя, после открытия цивилизации на Юпитере над ним уже погибли двое исследователей... кроме твоих пациентов.

Наумов побледнел.

– Так что проблема несколько серьёзней, чем ты себе представляешь. Открытие взбудоражило всю систему Ю-станций, учёные грезят контактом. Дальнейшее изучение планеты повлечёт новые жертвы... и, возможно, та информация, которой обладают твои пациенты помимо своей воли, спасёт не одну жизнь. Я понимаю. – Молчанов встал и прошёлся по кабинету, остановился у окна. – Этико-моральная сторона любого действия ни для кого из нас не является отвлечённым понятием, но она не должна становиться самоцелью.

– Но я отвечаю за их жизнь. – Наумов тоже встал и подошёл к окну. – Я врач и обязан думать о своих пациентах.

– А я обязан думать о живых, – тихо сказал Молчанов. – И здоровых.

В душе Наумова копились пустота, и холод, и странное ощущение вины. «За что? Перед кем? Будто и решения своего не менял, и аргументы не все исчерпал... но вот уверен ли в решении? Нет же, не уверен, иначе откуда взялись тоска и мука? Как это получается у Зимина: жизнь одних за счёт жизни других?! Молчанов, по всему видно, тоже близок к его позиции... но не эгоизм же ими руководит, не холодный расчёт – самые благие намерения... Стоп-стоп! Вспомни: «Дорога в ад вымощена благими намерениями!» Господи, какой ценой иногда приходится расплачиваться за очевидное, самое простое и верное на первый взгляд решение! Кто способен оценить, что дороже: человеческая жизнь или знания, добытые ценой жизни? Нет, не так, страшнее: убить, чтобы спасти! Так? На войне когда-то тоже убивали врага, чтобы спасти друга... И это не то... при чём тут враг? Кто враг? Обстоятельства? Или я сам себе враг?»

Наумов взмок от усилий вылезти из болота рассуждений, в которое влез, пытаясь оправдать сразу двоих: себя и воображаемого оппонента, и вытер мокрый лоб ладонью.

– А ты как думал? – покосился на него Молчанов, словно зная, что творится в душе товарища. – Подчас принять решение труднее, чем его выполнить, и уж гораздо труднее, чем пожертвовать собой, поверь.

Наумов вдруг снова, уже в который раз, вспомнил Лидию Изотову. Она верила в него. И друзья и родственники учёных, кто бы ни приходил, тоже верили в него. А он? В кого верит он сам? В себя?

– На кого из начальства мне выйти в Совет?

Молчанов вернулся к столу, тронул сенсор координатора.

– К Банглину, наверное. Только не пори горячку, на твоём лице написано всё, о чём ты думаешь. Таких, как Зимин, много, и в Совете они тоже найдутся. Он тут много наговорил, и я почти согласился с ним, но ты учти – кое в чём он прав! И рискованные полёты к Юпитеру – это о-го-го какой аргумент! Ты не был над Юпитером? Много потерял, и наверстать будет трудно.

– А ты не встречался с близкими моих пациентов, – пробормотал Наумов. – У тебя не было такого, чтобы от твоего решения зависела жизнь человека?

Молчанов застыл, потом медленно разогнулся, упираясь кулаками в стол, и на мгновение утратил самоконтроль: лицо его стало несчастным и старым.

Наумов пожалел о сказанном, извинился, пробормотал слова прощания и направился к двери.

Юпитер кипел, увеличиваясь в размерах. Вот он закрыл собой боковые экраны, затем кормовые, рубку заполнил ровный глухой шум – фон радиопомех. Все предметы окрасились в чистый жёлтый цвет, настолько интенсивным было свечение верхней разреженной атмосферы планеты.

Бам-м-м!

Шлюп содрогнулся, под ним загудело и загрохотало, в носовом экране выпятился из сияющей клочковатой бездны странный золотой волдырь, распустился кружевным зонтом и медленно пополз в высоту, рассыпаясь на белые волокна толщиной с горный хребет. Одно из волокон настигло убегающий модуль, изображение в носовом экране покрылось чёрной сеткой трещин.

«Падаю! – раздался слабый, искажённый помехами голос. – Не могу... Прощайте!»

Экран погас. Наумов закрыл глаза и остался недвижим.

– Это их последняя передача, – донёсся словно издали голос Старченко. – Погибли все трое: Сабиров, Вульф и Горский. Показывать второй фильм?

Наумов отрицательно покачал головой.

– Не стоит. Оставь записи, может быть, я посмотрю их позже.

Старченко выключил проектор, потоптавшись, ушёл. Наумов посмотрел на часы: девятый час вечера. Одиннадцатый по среднесолнечному, перевёл он в уме. Где у них консультативный отдел? Кажется, в Петербурге, а там уже утро.

Он соединился с Центральным справочным бюро ВКС и через него с консультативным отделом Совета. Узнал телекс Банглина и с ходу хотел позвонить ему, однако ещё с полчаса сидел в кабинете, постепенно заполнявшемся сумерками, и смотрел сквозь прозрачную стену на далёкий чёрный конус пика Прево, врезанный в вишнёвый тускнеющий закат.

Над далёким Юпитером, в тщетных попытках постичь его суть, тайны бытия и молчаливое пренебрежение к роду человеческому, к попыткам контакта с обрётёнными братьями по Солнцу, продолжали гибнуть люди, первоклассные исследователи и сильные натуры. Зов тайны – сквозь боль собственных ошибок, сквозь ад мучительных сомнений в собственной правоте, сквозь слепую веру в совершенство разума и сквозь собственное несовершенство – вперёд! И только сам человек способен оценить поражение, делающее его человечней.

Юпитер – лишь тысячная доля проблем, волнующих человечество, какой же ценой платит оно за прогресс в целом, если одна проблема требует гибели многих?! И как сделать так, чтобы не платить человеческими жизнями ради решения любых, самых грандиозных задач? Или совершенно не существует иной меры вещей?..

На пульте слабо пискнул вызов. Наумов повернул голову, но не двинулся с места. Сигнал повторился. Это звонила жена.

– Я тебя заждалась, Валентин, – с упреком сказала она. – Уже девять!

– Извини, Энн, – пробормотал Наумов. – Я скоро приду, только закончу один не очень приятный разговор.

– Ты плохо выглядишь. Что-нибудь случилось?

– Ничего, наверное, эффект освещения, у нас тут сумерки.

– Нет, случилось, я же вижу. Это из-за твоих новых подопечных Пановкина и Изотова?

– Пановского, – поправил он машинально. – Понимаешь, Энн... их надо срочно оперировать, а я... боюсь.

Она внимательно присмотрелась к нему и сказала решительно:

– Приходи скорей, слышишь? Обсудим все твои проблемы вдвоём.

Биом угас. Снова сумерки завладели кабинетом. Где-то в невидимых зарослях под зданием лечебного корпуса прокричала птица: не сплю, не сплю, не сплю... Оранжевая полоса на западе становилась тоньше и тусклее, в фиолетово-синем небе засияла белая чёточка – капсула гидрометеоконтроля.

Наумов встал, прошёлся, разминая ноги, и вдруг подумал: «А не трушу ли я на самом деле? И все мои переживания не что иное, как самый обыкновенный страх ответственности?»

Он стоял долго, уставившись на далёкую звезду, потом очнулся и без дальнейших колебаний вызвал комиссию по этике.

Руслан Банглин был очень и очень стар, где-то под сто сорок лет. Морщинистое тёмное лицо с озёрами холодных, прозрачных, будто заполненных льдом, глаз. Волос на длинной, огурцом, голове почти нет, шея скрывается под глухим воротником свитера. Он не удивился, увидев перед собой заведующего Симуширским медцентром.

– Слушаю вас, – сказал он хрипло, с едва слышным присвистом.

Протез гортани, подумал Наумов отрешённо. По долгу службы он имел встречи с председателем комиссии морали и этики, и каждый раз у него складывалось впечатление, будто он беспокоит этого страшно занятого властного человека по пустякам.

– Я, собственно, к вам по такому вопросу... – начал Наумов, не зная, как сформулировать этот свой проклятый вопрос.

– Пановский, Изотов, – подсказал Банглин.

Наумов не удивился: вездесущий Зимин успел побывать и здесь.

– Возникла проблема...

– Выбор метода оперирования, так?

– Дело в том, что нейрохирургическое вмешательство в мозг почти всегда чревато последствиями. Даже микролазерное и тонкое магнитное сканирование ведёт к разрушению соседствующих с оперируемым участков мозга, и хотя в нормальной жизни, как правило, это не сказывается, однако природа зачем-то сконструировала запас клеток, который мы уничтожаем ничтоже сумняшеся. А что теряет человек в результате операции, не знает никто. В случае с космонавтами изложенный мной тезис звучит так: при «перезаписи» информации с мозга в машину вероятность гибели увеличивается по сравнению с методом простого «стирания». Я сделал расчёт, по которому вероятности неблагоприятного исхода относятся как два к трём.

– Вектор ошибки?

– В «красной зоне». – Наумов невольно покраснел, но не опустил глаз. – Но зона сама по себе не определяет исхода операции из-за недостаточного...

Банглин кивком прервал его речь.

– Полно, Валентин, эмоции тут ни при чём. Вы сами понимаете, риск остаётся, а соотношение два к трём не слишком выразительно. Расскажите-ка лучше, как относятся к операции друзья и родственники пострадавших.

Наумов еле удержался, чтобы не пожать плечами. Он устал и был зол на себя за слабости. Мысль, что он попросту трусил перед операцией и пытается теперь переложить ответ-

ственность на чужие плечи, не покидала его, а звонок Банглину вообще стал казаться жестом отчаяния, какого он вообще в себе пока не ощущал.

– Пановский холост, – медленно начал он. – Отец его в дальней звёздной и вернётся не скоро. Мать... ну что мать, она как и все матери, сын ей нужен живой и здоровый. Она согласна на любую операцию, которая спасёт сына. У Изотова отец и мать, две сестры... жена. Ситуация примерно та же. О жене и говорить не приходится, я уже разговаривать спокойно с ней не могу, так и кажется, что во всём виноват.

Банглин чуть заметно улыбнулся:

– Ясно. Охарактеризуйте каждого, в двух словах.

Наумов озадаченно пощипал подбородок.

– До этого случая я их не знал, сужу только с чужих слов.

– Этого достаточно.

– Тогда... Пановский. Ему сорок один год. Ю-физик. Начиная работать над Юпитером в числе первых исследователей на стационарных комплексах. Три экспедиции глубинного зондирования планеты, последняя едва не закончилась трагически, их вытащили в момент падения. Спокоен, малоразговорчив, необщителен, но всегда готов помочь товарищу... Извините за путаную речь, я волнуюсь, а последняя характеристика универсальная для всех космонавтов. Вот, пожалуй, всё, что я о нём знаю.

Изотов молод, он почти мой ровесник, по специальности – инженер-молеетроник. Хороший спортсмен – мастер спорта по горным лыжам («Он спортсмен во всём, – вспомнил врач, – в работе, в увлечении... в жизни...»). Честолюбив, упрям, любит риск, излишне самонадеян...

В глазах Банглина зажглись иронические огоньки, но перебивать Наумова он не стал.

– С женой не живёт два года, – продолжал врач. – Но у меня сложилось впечатление, что некоторым образом это устраивало обоих, хотя они и любят друг друга... любили.

– Интересное заключение.

Наумов нахмурился:

– Самого Изотова я не знаю, но с его женой...

«Стоп! – подумал он. – Что ты плетёшь, приятель? Двусмысленность видна невооружённым глазом, следи за речью... чёрт тебя дёрнул позвонить!»

– Я верю. – Банглин на несколько секунд задумался, мысль его ушла в дебри памяти, в прошлое. Наумов определил это интуитивно. – Мне кажется, вы преувеличиваете размеры проблемы. И недооцениваете себя. Я не чувствую в вас уверенности, профессиональной уверенности врача, не говоря уже об уверенности психологической, гражданской. Даже не зная всех событий, могу предположить, что вы задумались над шкалой общественных ценностей, так? Но и не имея понятия о существовании определённых нравственных норм, присущих обществу на данном этапе развития, норм врачебной этики, право врача решать – какой метод использовать для лечения больного, можно принять решение исходя из одного простого принципа, вы его знаете: мера всех вещей – человек! Человек – и никто и ничто другое! Да, было бы интересно раскрыть тайны Юпитера «одним ударом», и этот интерес общечеловечески понятен: кто бы мы были, не имей страсти к познанию? Любопытства? И всё же пусть вас не смущают доказательства и примеры прошлого. К сожалению, кое-кто прав: как и сотни лет назад, человек иногда рискует жизнью во имя неоправданных целей, а тут – познание открытой внеземной цивилизации, случай беспрецедентный в истории человечества! Плюс к этому возможное предупреждение гибели исследователей. Поневоле задумаешься, я вас вполне понимаю. Ведь мы не отступим, нет? Да и куда отступать? За нами – мы сами. Вот и подумайте, разберитесь в себе, а когда придёт уверенность, когда вы будете убеждены в своей правоте – позвоните мне, и мы вернёмся к этой теме. Только времени у вас мало. Заседание Совета послезавтра, и к этому сроку вы должны быть готовы.

Наумов кивнул. Банглин помолчал, медля выключать связь, выжидательно глядя на врача. Наконец Наумов шевельнулся.

– Я не буду звонить... должен решить сам. Извините, если... А ещё вопрос можно? Совет собирается из-за случая с космонавтами?

Банглин вдруг улыбнулся по-настоящему: улыбка у него была хорошая, добрая и немного грустная.

– Я же сказал: не преувеличивайте проблемы до масштабов, способных потрясти человечество. Нет, Совет будет решать множество задач, и лечение поражённых излучением учёных – одна из них. Но для вас, – Банглин погасил улыбку, – для вас она остаётся главной. Это именно тот экзамен, не сдать который вы не имеете права. Всего вам доброго.

Виом погас.

«А ведь он решил, – понял Наумов. – Он решил, это заметно. И Зимин решил – по-своему, и Молчанов... А я... Я – врач? Чего я боюсь больше всего: принять неправильное решение или оперировать? Не знаю... не знаю!»

Наумов убрал одну из прозрачных стен кабинета и подошёл к образовавшемуся проёму.

Как странно: один говорит – проблема серьёзней, чем ты думаешь, и он прав. Другой – не преувеличивайте масштабы проблемы, такие тысячами встают перед человечеством, и он тоже прав! Наверное, всё дело в том, что проблема, мизерная для всего рода людского, оборачивается макропроблемой для одного человека, перед которым она встала, превращается в такую ношу, что выдерживает далеко не каждый. Но чёрт возьми, каким же образом из тысяч субъективных мнений формируется одно объективное знание? Маленькая задачка, слишком ординарная для цивилизации, и как же она велика, когда выходишь на неё один на один!.. Как сделать, чтобы не ошибиться? Как спасти двоих, стоящих на грани вечности, и уберечь живых, рискующих жизнью каждый день, идущих на подвиг и не знающих этой своей добродетели? Как?..

Над чёрным остриём вулкана на другой стороне бухты всплыл узкий серп месяца – чаша амриты, из которой боги извечно пили своё бессмертие. Бухту пересекла зыбкая, блестящая рассыпанным жемчугом полоска. Кричала птица, вздыхал ленивый прибой...

Наумов подставил лицо прозрачному свету, а в ушах вдруг раздался басовитый гул юпитерианских недр, свисты и хрипы радиопомех, писк маяков и исчезающий, задыхающийся человеческий голос: «Падаю! Не могу... Прощайте!..»

Спасти тех, кто сейчас идёт на штурм Юпитера и кто пойдёт завтра... и спасти двоих, перегруженных чужим знанием, – на каких весах это измерить? И если спасти облучённых, если поставить задачу – любой ценой спасти космонавтов, то кто-то снова будет падать в Юпитер?..

«Падаю!.. Не могу... Прощайте!..»

«А я могу?!» – крикнул Наумов в лицо ночи. Неслышно крикнул, сердцем, страстно желая, чтобы пришло к нему ощущение будущей удачи. Кто он – без права на ошибку? Мыслящая система, загнанная в тупик логикой трезвого расчёта. Но с другой стороны – имеет ли он право на ошибку? Выходит, цена ошибки – тоже человек? Его жизнь и смерть? Быть самим собой – не в этом ли главное твоё достоинство, человек?

Проклятая птица под окном перестала кричать, но она могла себе позволить снова и снова будоражить ночь криком. Лишь Наумов не мог позволить себе криком показать своё отчаяние и бессилие. Или, может быть, наоборот – силу?..

Он позвонил домой и сказал, что остаётся готовиться к операции.

Колебания его не умерли, но умер прежний Наумов, не испытывавший неудач и поражений и потому ещё не знающий, что такое жизнь...

1981 год

Операция «Терпение»

С башни открывался вид на всхолмлённую искусственными землетрясениями, обугленную излучением давних ядерных взрывов равнину полигона, на котором царили два цвета: чёрный и оранжевый. Чёрный – от сгоревших лесов и трав саванны, оранжевый – от проплевшин ржавого песка. На Земле всё больше чёрного и красного и меньше зелёного и голубого. А природа всё терпит, терпит, и нет конца этому терпению...

Каудери обратил внимание на то, что склоны невысоких холмов кое-где отбрасывают яркие блики, подобно разбросанным в чёрной пустыне зеркалам, и полковник из бригады инженерного обеспечения пояснил:

– Это регистрирующая аппаратура, господин генерал. Датчики частиц, всеволновые измерители и всё такое прочее...

Каудери кивнул, угрюмое лицо его с бойницами глаз не дрогнуло. В последний раз кинув взгляд на белёсое небо, на плавающий над горизонтом багровый шар солнца, бросающий алые стрелы на приземистые купола дотов, он резко повернулся и шагнул в кабину лифта.

Через две минуты скоростной лифт унёс его с двухсотметровой высоты наблюдательной вышки на полукилометровую глубину поста управления полигоном.

Пост представлял собой квадратный зал, три стены которого пестрели циферблатами и индикаторными панелями, а четвёртая – экранами разного калибра и назначения. За пультами управления сидели всего пять человек – операторы связи, инженеры технического контроля и начальник полигона. Испытания проходили в условиях дикой секретности, поэтому в зале не было даже обычных военспецов, представляющих различные рода войск.

На лицах обслуживающего персонала, свыкшегося с постоянным риском ошибки в расчётах, лежала печать тщательно скрываемого страха, неуверенности и ожидания чего-то ужасного и непоправимого, от чего нет спасения и чему нет названия.

Очередная группа РУМО³, подумал Каудери, не отвечая на приветствия, всё равно о результатах испытаний станет известно – и даже раньше, чем об этом думают разини из корпуса спецопераций. Если мощность гравитационной бомбы хотя бы вполовину такова, как обещали яйцеголовые⁴, то твердь земная отзовется не хуже, чем «Нью-Йорк таймс» на появление прыщика на носу тёщи президента. Толчок отметят все сейсмостанции мира, а заодно станут известны и координаты эпицентра, и – прости-прощай секретность.

– Всё готово, сэр, – доложил длинный и худой, как антенна высокочастотной радиосвязи, генерал Баум, командующий испытаниями. – Старт по команде или вы...

– По расписанию, – отрывисто бросил Каудери, со вздохом облегчения опускаясь в центральное кресло.

Генерал Баум остался стоять рядом, молча радуясь, что инспектором Пентагона оказался старый знакомый – педантичный, неразговорчивый, вечно угрюмый бригадный генерал Генри Каудери, слывший самым объективным из генералов комиссии по контролю за вооружением.

– Кто лётчик? – спросил Каудери, поглядев на часы. До старта В-III оставалось ещё пятнадцать минут.

– Майор Киллер.

– Дайте его на связь.

– Он, наверное, уже в самолёте...

³ Разведуправление министерства обороны США.

⁴ Ироническое прозвище учёных.

Каудери повернул голову к Бауму, и генерал, пожав плечами, дал команду оператору. Через две минуты на экранчике видеодфона появилось взволнованное, слегка удивлённое лицо майора.

«Совсем юнец! – подумал с долей досады и разочарования Каудери. – Ещё не взлетел, а уже чувствует себя национальным героем!»

Полковник Тиббетс, наверное, когда-то тоже чувствовал себя героем, когда сбросил атомную бомбу на Хиросиму... И ничуть не терзался, узнав, чем кончился его налёт... Судя по виду, майора Киллера тоже не станет мучить совесть, такой сбросит, не задумываясь, всё, что угодно и куда угодно...

– Вот что, сынок, – пробормотал генерал. – Тебе уже всё объяснили, не буду повторяться. В случае... сам понимаешь, всякое может случиться... В общем, желаю удачи.

– О'кей, генерал, – несколько развязно ответил пилот. – Всё будет о'кей! – Удивление в его глазах не ушло.

– Тогда с нами бог, сынок! Не промахнись.

Киллер pokrивил губы, и оператор поспешно вырубил связь, опасаясь за не слишком сдержанный язык майора.

Спустя несколько минут с одного из аэродромов Невады стартовал стратегический бомбардировщик В-III с первой гравитационной бомбой на борту. Операция «Терпение» началась.

В посту зажглись все экраны, и генералы вместе с немногочисленной свитой могли теперь видеть пустыню Мохаук (бывшую плодородную саванну Мохаук) во всём её великолепии, со всех ракурсов и высот, хотя изображения на экранах почти ничем не отличались друг от друга: на них были всё те же чёрные с красным увалы, холмы и хаос чёрно-бурых теней.

И над всем этим мрачным миром, невольно воскрешавшим в памяти картины Дантова ада, раскинулся голубой невесомый купол неба с багровым шаром солнца, стремящегося скрыться за горизонтом до начала «эксперимента».

– Две минуты до цели, – доложил инженер радарного сопровождения. – Высота тридцать четыре пятьсот.

– Он что же – с такой высоты и будет бросать? – поинтересовался Каудери, расстёгивая воротничок: ему вдруг стало жарко.

– Нет, бомба автоматически отделяется на высоте девяти километров и планирует на цель самостоятельно. – Баум подумал и добавил: – Самолёт как раз будет выходить из пикирования.

– Мы его увидим?

– Что?.. Нет, только на экране радара.

– Хорошо. Как далеко эпицентр?

Баум ухмыльнулся одной половиной лица.

– Триста километров. По расчётам, сейсмические волны от бомбы образуются только поперечные, пойдут в глубь земли, а к нам придёт один-два балла, пустяки.

– Я не о том, – буркнул Каудери, недовольный, что позволил посторонним усомниться в собственной храбрости. – Жаль, что ничего не будет видно с вышки.

– Мы все увидим на экранах. – Баум пустился в объяснение тонкостей работы систем контроля, но в это время инженер оповестил:

– Самолёт над целью! Ноль с момента пуска!

– Один, два, три... – начал отсчёт оператор за пультом...

На счёте «тринадцать» чёрная равнина на экране вдруг встала вертикально, в месте падения супербомбы поднялся гигантский чёрный столб, окутанный странной светящейся сеткой. Это были электрические разряды. Вздрыгнул пол центра управления, динамики донесли страшный вопль потревоженной взрывом атмосферы.

Экраны погасли один за другим, динамики смолкли, и в наступившей тишине люди услышали отдалённый подземный гул, последовавший за первым толчком. А затем снова качнулся

пол зала, новый мощный толчок расколол пульт и стену напротив, и началось светопреставление!

– Ничего не понимаю! – кричал, стоя на коленях у пульта, генерал Баум. – Мощности бомбы мизерная, такого эффекта не должно было быть!..

– С базы передают – там творится нечто невероятное! – вторил ему оператор связи. – Рушатся дома, землетрясение силой до десяти баллов!

В зал ворвался полковник охраны.

– Все навверх, живо! Господин генерал, надо немедленно покинуть пост! Здесь нас задавит в два счёта, не поможет и двухметровая броня!

– Они передают – землетрясение распространяется по всей Америке! – рыдал сквозь грохот ломающихся конструкций и бьющейся аппаратуры связист. – Города погребены под обвалами, идёт цунами... Всё, нет связи!

– Этого не должно было быть, не должно! – причитал генерал Баум, ползком направляясь к шахте лифта. За ним, цепляясь за неровности пола, потянулись объятые ужасом операторы и инженеры, в глазах которых росло безумие.

«Не должно!» – подумал Каудери, хватаясь за протянутую руку полковника. Он вдруг вспомнил когда-то прочитанный им доклад ученого-эколога Артура Блисса на Ассамблее ООН по вопросам охраны экологической среды. «За последние тридцать лет, – докладывал Блисс, – увеличилось не только количество землетрясений, но и их сила и соответственно ущерб, наносимый человечеству. Замечена тенденция роста количества землетрясений из года в год, и невольно напрашивается вывод – не связано ли это с деятельностью человека?»

Вот и ответ.

Каудери смотрел на единственный уцелевший экран, на котором ворочались жуткие багрово-чёрные тени: землетрясение словно нарочно пощадило его: мол, смотрите, что вы натворили. Генерал не мог отвести взгляда.

Реакция природы на нашу «цивилизационную» деятельность когда-нибудь должна была превысить безобидный уровень. Мало мы её били, кромсали, резали и рвали своими взрывами? Ядерными, термоядерными, нейтронными, лазерными... А теперь и гравитационными! Последняя капля... Надо же, как «удачно» подобрали яйцеголовое название испытаниям – «Терпение»! Вот и лопнуло терпение природы... Господи, неужели это конец?!

Зал разорвала ещё одна трещина, и генерал Баум с воплем исчез в её алой глубине вместе со свитой. Та же участь постигла и полковника безопасности вместе со взводом охраны.

«Всё кончено. Всё!..» – Каудери в оцепенении смотрел, как сближаются стены. Со всем миром покончено! Происходит очищение цивилизации!.. В огне и разгуле стихий родится новый мир, который, возможно, будет счастливей... Что ж, тем лучше, не надо теперь постоянно ждать конца света и мучиться этим ожиданием. Права была жена, предупреждая, что вся жизнь военного эксперта – ожидание конца...

Всё, ждать больше нечего!

Отколовшаяся от стены плита придавила генерала к полу, и он закричал...

...и почувствовал, что его трясут за плечо. Он открыл глаза и увидел над собой испуганное лицо жены.

– Проснись, Генри, что с тобой?

– Я... кричал? – вяло спросил Каудери, возвращаясь к действительности из кошмарного сна. – Который час?

– Три часа ночи.

Генерал откинул одеяло и сел в кровати, через пижаму помассировал сердце, посидел, глядя на выключенный ночник.

– Опять снилось, что я на полигоне, – пробурчал он наконец. – На испытании бомбы... будь она неладна!

– Но ведь ты же отказался от инспекции. – Успокоенная жена присела рядом, кутаясь в плед.

– Отказался, – усмехнулся Каудери. – И в результате я – генерал в отставке. Разве это меняет дело? Кто-то другой в это время... Кстати, который час, ты сказала? Ага, вот мои часы, упали... Так, пять минут четвёртого. А в три вылет... сейчас самолёт над пустыней... Дай бог, чтобы её терпение оказалось беспредельным!

– Чьё? – не поняла жена. – Чьё терпение?

В тот же момент слабо дрогнул пол комнаты, качнулась и упала с тумбочки ваза с цветами.

– Что это?! – шёпотом спросила жена.

– Что? – глухо повторил генерал и вдруг с ужасающей отчётливостью представил себе, как за тысячи километров от Индианаполиса, в центре чёрно-оранжевой пустыни вырастает ослепительно-белый, с жёлтым, смерч и голубизна неба сменяется багрово-чёрной, грохочущей, ядовитой для всего живого мглой...

1979 год

Волейбол-3000

Этот парень привлёк внимание Устюжина едва ли не с первого своего появления в зале. За двенадцать лет тренерской работы Устюжину пришлось повидать немало болельщиков волейбола – игры красивой, зрелищной и элегантной. Он видел разные лица: заинтересованные, радостно-увлечённые, спокойные, иногда скучающие или откровенно равнодушные – у случайных гостей, и всё же лицо юноши поразило тренера сложной гаммой чувств: оно выражало жадный интерес, напряжённое ожидание, горечь и тоску, мерцавшую в глубине тёмно-серых внимательных глаз.

Юноша приходил на каждую тренировку сборной «Буревестника», появлялся в зале обычно за полчаса до начала и устраивался на верхней смотровой галерее зала, стараясь не очень привлекать внимание. Опытный глаз Устюжина отметил его рост – метра два или около этого, широкие плечи, длинные руки, и у тренера даже мелькнула мысль проверить юношу на площадке, однако с началом каждой тренировки он забывал о своём желании и вспоминал только после очередной встречи с поклонником волейбола, не желавшим, судя по всему, чтобы его замечали.

Через месяц Устюжин так привык к этому болельщику, что стал считать его своим. Случай познакомиться с ним пришёл в руки неожиданно.

В субботу, отработав с женской сборной «Буревестника», Устюжин заметил своего заочного знакомого у выхода из зала и подошёл:

– Здравствуйте, давайте знакомиться: Устюжин Сергей Павлович, тренер. Вас заметил давно, с месяц назад. Студент?

Юноша, ошеломлённый появлением незнакомого человека, кивнул:

– Медицинский, второй курс.

– А на вид вам больше двадцати.

– Двадцать шесть. Я работал, потом поступил...

– Ясно. Как вас звать?

– Иван... Иван Погуляй.

– Знаменательная фамилия. – Устюжин усмехнулся, продолжая изучать парня. Теперь, стоя рядом, он понял, что недооценил его рост. Пожалуй, два десять – два пятнадцать, прикинул он с долей удивления. Неплохо! И всё же чего-то ему не хватает... и взгляд у него напряжённый, будто он боится... Чего?

– У меня предложение, Ваня, – продолжал тренер. – У вас идеальное сложение для волейбола. Не хотите заняться волейболом? Может быть, вы станете...

Устюжин замолчал, увидев, какое впечатление произвели его слова на молодого человека.

Лицо того побледнело, потом жарко вспыхнуло – до слёз, губы дрогнули, раскрылись, напряглись.

– Если не играли раньше, не беда, – поспешил Устюжин. – Главное, что вы любите волейбол, это я уже заметил. За год мы с вами войдём в дубль-состав «Буревестника», даю слово.

Юноша покачал головой, сжав губы так, что они побелели, повернулся и пошёл к выходу. Устюжин молча смотрел ему вслед, сразу всё поняв: парень хромал. Нога не сгибалась в колене, и он относил её чуть в сторону и ставил на полную ступню, всё быстрее и быстрее, раскачиваясь из стороны в сторону, будто чувствуя взгляд.

Кто-то за спиной сожалеюще цокнул языком. Устюжин вернулся в зал и задумчиво присел на горку поролоновых матов, вспоминая отчаянное лицо и глаза парня, в которых бились боль, и ярость, и отчаяние.

Вернувшись домой, Иван дал слово больше на тренировки студенческой сборной не ходить, поужинал без аппетита, односложно отвечая на вопросы матери, потом заперся в своей комнате и долго стоял у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу и вспоминая минутный разговор с тренером. В душе царило странное спокойствие да сожаление, и он даже удивился этому, хотя тут же подумал: «Реакция? Или я действительно смирился с положением, привык? Угораздило меня прийти сегодня. Но кто же знал, что тренер подойдет с таким предложением! Неловко вышло... И всё же как сказал тогда хирург после операции? «Терпение – это та скала, о которую разбиваются волны человеческого безрассудства». Слова Дюма-отца. Оба они условно правы. Терпение и ещё раз терпение – вот моя дорога, и лет через тридцать-сорок, к пенсии, – тут Иван усмехнулся, – я найду способ лечения раздроблённого коленного сустава. А тогда милости прошу приглашать в сборную...»

Остаток дня он провёл в библиотеке. Дома почитал на ночь «Трёх мушкетёров», ощущая себя таким же ловким и сильным, как д'Артаньян, разделся, собираясь лечь спать, и в это время почувствовал, что не один в комнате.

Оглядевшись – тишина, мягкий свет торшера, тени от шкафов с книгами, тиканье маятника старинных часов, – он, сомневаясь в своей трезвости, тихо спросил:

– Кто здесь?

– Простите, – раздался из воздуха мягкий приглушённый голос. – Разрешите вас побеспокоить?

– Пожалуйста, – хрипло ответил Иван, откашлялся. – Входите.

– Спасибо. – В комнате без всяких световых и шумовых эффектов появились двое незнакомцев в плотных белых комбинезонах. Оба были высокими, под стать Ивану, хорошо сложенными, с живыми человеческими лицами, на которых легко читались смущение и озабоченность. Оба держали в руках тонкие чёрные стержни с пылающими алым светом шариками на концах.

Иван поборол искушение закрыть глаза и потрясти головой и жестом радушного хозяина указал гостям на диван:

– Прошу садиться.

– Не пугайтесь, ради всего святого! – сказал один из незнакомцев тем же приятным голосом. – Нас проинформировали, что вы любите волейбол.

– Люблю, – улыбнувшись, сказал Иван и пошевелил искалеченной ногой; ситуация забавляла, сон был любопытен и навеян, очевидно, взволновавшей его встречей с тренером.

– Извините, – вмешался второй, на лице которого отразилось беспокойство. – Мы понимаем, физический дефект не позволяет вам реализовать себя в настоящем, но всё же – вы были бы не против?

Иван пожал плечами:

– Если бы не... дефект, как вы говорите, я бы, конечно, играл.

– Тогда всё в порядке. – Гость облегчённо вздохнул.

– А откуда вы? – любопытствовал Иван. – Из какого уголка Галактики?

Незнакомцы переглянулись.

– Мы такие же земляне, как и вы, – сказал первый. – И всё сейчас объясним. Но сначала позвольте провести небольшое медицинское обследование – я правильно выразился?

– Правильно-то правильно. – Иван покачал головой. – Только в больницу я не...

– Этого не потребуется. Станьте так: ноги на ширине плеч, руки опустите, дышите ровно и глубоко.

Иван повиновался, удивляясь тому, что начинает верить в реальность происходящего, хотя временами спохватывался и улыбался в душе: сон ему нравился.

Гость провёл концом стержня окружность в воздухе, и вместо стены с ковром Иван увидел длинный зал с рядами вычурных пультов, то и дело меняющих форму и цвет. От одного

из пультов протянулись к нему десятки световых нитей, коснулись тела, головы, рук, ног... стало трудно дышать. Иван мотнул головой, шагнул с места, пытаясь набрать в грудь воздуха, и почувствовал, что его поддерживают сильные руки.

– Всё отлично, – извиняющимся тоном сказал один из гостей, второй в это время складывал гибкий чёрный шнур, пока тот не превратился в знакомый стержень с шариком на конце.

– А теперь поясним суть нашего появления. Дело в том, что вы являетесь потенциальным игроком в волейбол планетарного класса «хронопризрак», наблюдатель не ошибся. И у вас есть возможность участвовать в Олимпийских играх трёхтысячного года по вашему летоисчислению. Вы не хотели бы принять в них участие?

– В качестве кого? – с иронией произнёс Иван. – В качестве судьи?

– Игрока сборной команды Земли, – ответил гость без улыбки.

– Каким образом? Я же калека!

Незнакомцы снова обменялись беглыми, как бы летящими улыбками, видимо, это был их постоянный способ общения: они понимали друг друга с полувзгляда. Иван побледнел. Во рту мгновенно стало сухо. Он понял, что всё с ним происходит наяву.

– Ну да, конечно, медицина у вас не чета нашей... а я вернусь обратно?

– Разумеется, с точностью до миллисекунды.

– Тогда согласен.

Первый из гостей протянул руку:

– Смелее.

Комната имела привычные стены и чёрный матовый пол, но вместо потолка над головой пушистая пелена, похожая на облако белого пара.

– Не делайте резких движений, – раздался из этой пелены вежливый баритон. – Сядьте на пол.

Иван повиновался, оглушённый мгновенным переходом из своей вполне реальной квартиры с вещами, которых касался не раз, в комнату, сам вид которой говорил о другом времени.

Его охватила сладкая истома, тело потяжелело, каждая его клеточка налилась сонным теплом, щекочущие невидимые пальцы пробежали по коже, захотелось потянуться, принять удобную позу и спать...

Сколько времени длилось это состояние, он не знал. Пробуждение наступило внезапно: просто захотелось встать, размяться, тело было отдохнувшим, полным сил и энергии, но очень хотелось есть. Иван встал, постоял с минуту, ожидая команды, потом медленно обошёл комнату, прислушиваясь к своим ощущениям. И вдруг понял, что его искалеченная нога... сгибается в колене! Он замер, боясь поверить в случившееся, осторожно шагнул, перенёс всю тяжесть тела на больную ногу – никаких болезненных ощущений! Нога сгибается так же легко, как и до травмы; мало того, она стала сильнее!

Иван подпрыгнул на месте и чуть не достал головой до белой пелены потолка, повисшей от пола не менее чем в четырёх метрах. «Однако! – подумал он. – Медицина у них действительно на высоте! И никаких машин... если только я не нахожусь внутри одной из них».

– Как вы себя чувствуете? – напомнил о себе баритон.

– Отлично! – искренне отозвался Иван, краснея от мысли, что вёл себя не совсем сдержанно: за ним, несомненно, наблюдали.

– Пройдите в следующий зал.

Иван хотел спросить, где дверь, но тут одна из плотных, металлических на вид стен исчезла, будто её и не было, открыв вход в соседнее помещение.

Комната напоминала зал вычислительного центра: всё пространство занимали ряды странных пультов, уже виденных им однажды, а напротив висел над полом, ни на что не опи-

раясь, гладкий чёрный диск. Из его глубины всплыла световая стрела и развернулась над ним в светящуюся надпись: «Внимание! Нулевой цикл».

В зале никого не было и стояла тишина, но стоило Ивану шагнуть вперёд, как рядом с диском возник, словно выпрыгнул из-под пола, высокий молодой человек в свободной белой рубашке и голубых брюках. У него было открытое весёлое лицо, загорелое до черноты, с внимательными ярко-зелёными глазами, держался он очень естественно и был гармоничен в каждом жесте. Иван невольно вздохнул, понимая, в какую эпоху попал: в то, что это не сон, он уже поверил.

– Зовите меня Даниилом, – улыбнулся незнакомец. – Хотя я всего лишь виомфант и не нуждаюсь в имени. Проходите, садитесь.

Диск превратился в кресло. Иван сел. Удобно, мягко. В душе зашевелилось любопытство.

– Виомфант – ваша профессия?

Даниил засмеялся:

– Я всего лишь машина, искусственный интеллект третьего поколения, инк, как говорят в обиходе, и нахожусь в действительности за сорок километров от этого места, а то, что вы видите, – «призрак», фантом.

Иван вспотел и больше не делал попыток заговорить. Даниил извлёк из воздуха лёгкий шлем с двумя штырями у висков, протянул Ивану. Шлем был ощутимо материален.

– Это ваш. Я отвечаю за вас во всех аспектах, от здоровья до накопления информации, знаний быта и профессиональных. Кстати, физика тела вас удовлетворяет? Нигде не «жмёт»?

Говорил «призрак» по-русски безупречно, хотя Ивану всё время чудился странный акцент – не то в интонации, не то в ударениях; в общем, даже машины говорили здесь хорошо, видимо, русский язык в третьем тысячелетии стал основой разговорного языка для всего человечества.

– А вас? – ответил вопросом на вопрос Иван.

Даниил снова засмеялся:

– Наверное, больше, чем вас лично, потому что вы ко многому не привыкли, а кое о чём и не догадываетесь. Ничего, сейчас пройдёт нулевой цикл – быт, особенности языка, жизненно необходимая информация, и всё станет на свои места. Небось хотите посмотреть, какой стала Земля?

Иван молча натянул шлем. Что-то щёлкнуло в наушниках, и он «поплыл» в дебри неизвестных знаний...

Через три сеанса гипноучебы Иван освоился с жизнью Земли трёхтысячного года настолько, что не мыслил иной, а прошлую свою жизнь считал чуть ли не мифом. Но тут пошли тренировки в волейбол не только мысленно, через информационно-психологические комплексы, но и нормальные, на площадках и в залах, и он полностью отдался своей страсти, не имевшей выхода в реальности двадцатого столетия.

Волейбол тридцатого века отличался от волейбола двадцатого не только количественно-цифровыми показателями высоты сетки, размером площадки и так далее, но и качественно, соответственно всем раскрывшимся возможностям человеческого тела и технического гения человека. Единственное, что напоминало Ивану знакомую ему спортивную игру, – традиционно сохранившаяся форма игрового поля с размерами площадок десять на десять метров, сетка, разделявшая площадки, и мяч, напичканный, правда, современной молекулярной техникой – для облегчения судейства. Конечно, сетка была натянута гораздо выше, чем в его время, верхняя её кромка устанавливалась на высоте трёх метров шести сантиметров от пола, но всё же это была нормальная волейбольная сетка.

Однако, во-первых, изменилось инженерно-техническое сопровождение игры: сила тяжести на площадках устанавливалась равной девяносто трём сотым, вся зона игры охватывалась специальным барьером, и над ней свободно плавали в воздухе плоские диски кибер-

судей; каждая ошибка игрока классифицировалась мгновенно, и тут же звучала определённая музыкальная гамма, по которой зрители без судьи-информатора могли узнавать вид ошибки.

Во-вторых, и это было главным, игра проходила как в пространстве, так и во времени! То есть игрок по желанию при подаче мяча мог посылать его не только в определённую точку площадки противника, но и «сместить» мяч «по оси времени» в будущее в пределах десяти секунд, для чего площадки ориентировались ещё и в хронополе. Если мяч при подаче перемещался и во времени, то игроки подающей команды имели право тут же подать мяч повторно, но уже без смещения во времени, что всегда и делалось всеми командами без исключения. Зрительно это выглядело так, будто мяч при подаче исчезал в никуда и возникал в пространстве игры в тот момент, когда кончалось время его посылки в будущее... Пока отыгрывалась обычная подача, могла прийти первая – со сдвигом во времени, и надо было успеть отреагировать, принять подачу, выдать пас и нанести нападающий удар, и были случаи, когда над площадками летали сразу два мяча и обе команды выпускали на поле седьмого игрока, так называемого «засадного». Поэтому остановок в игре почти не было, напряжение матча не спадало от начала до конца сета, завораживая болельщиков волейбола внезапностью и красотой комбинаций.

К концу третьей недели интенсивных тренировок по спецпрограмме с использованием уплотнения времени Иван вошёл в основной состав сборной команды Земли по волейболу. До начала Олимпийских игр оставалось чуть более трёх месяцев.

Волейбольный турнир Олимпиады проходил на Земле, в спортивном зале комплекса «Россия», старинном сооружении, начало которому дали спортивные постройки Москвы далёкого двадцать первого века.

Иван, стоя на километровой башне обозрения, смотрел на панораму города трёхтысячного года, по привычке называя эту цифру, в то время как по современному календарю шёл тысяча восемьдесят третий год, и думал, что фантасты его родного времени не ошиблись в главном: Земля Идеальной эры представляла собой сплошной город-лес, именно лес, первобытный, с буреломами, чащами и даже непроходимыми топями. Это не означало, конечно, что за лесом не ухаживали, но наряду с ухоженными парками, рощами, садами, очищенными от лесного мусора дендрариями, выращенными вокруг комплексов зданий, существовали неприступная тайга, джунгли, сельва и болота. Человек тысяча восемьдесят третьего года экологически чистой эпохи предпочитал видеть Землю естественной, такой, какой она была до него, разве что помогал быть ей красивой и первозданной, направляя эволюцию природы так, чтобы выгодно было обоим: и природе, и человеку.

Здание спортивного комплекса выделялось среди зелёного оазиса гигантским языком оранжевого пламени: архитекторы ландшафта вписали этот язык в пейзаж с таким мастерством, что издали, с расстояния десятка километров, казалось, что горит настоящий костёр, вернее, олимпийский факел.

В воздухе то и дело «проявлялись» фигуры людей: человек давно научился с помощью мысленного усиления управлять механизмами мгновенного перемещения в пространстве сквозь десятки и сотни тысяч километров, научился и Иван, хотя привыкнуть к этому не мог. Люди спешили в спортзалы комплекса, несмотря на совершеннейшие видеопередачи с мест спортивных событий во все уголки Солнечной системы. Иван отметил сей факт для себя: болельщики на Земле не перевелись, просто возможности их выросли во сто крат, хотя пригласительных билетов, как всегда, не хватало.

Иван мысленно вызвал отсчёт времени – в медцентре восстановления и подготовки ему «разбудили» собственные биочасы – было без семи минут десять по среднесолнечному времени, что соответствовало и времени Москвы. Пора, подумал он, невольно ощущая сожаление: время его пребывания в будущем, в сказке, как он повторял про себя, подходило к концу. А что ждёт его на Земле ушедшего двадцатого века, он страшился даже и представить. Снова иска-

леченная нога? Муки неполноценности? Участливые взгляды друзей?.. Впрочем, как говорил некий мудрец, всё будет так, как должно быть, даже если будет иначе. То, что он пережил, – не пережить никому из его современников, и надо будет просить друзей, чтобы они оставили в памяти хотя бы эмоциональную сторону его приключения. Того же Даниила; судя по встречам, Иван ему понравился...

Иван сосредоточился и оказался в метре над белым кругом финишного поля, ближайшего к тому месту, куда он стремился попасть, мягко спружинил на ноги. Рядом возникали из ничего десятки улыбающихся людей: юношей и девушек, женщин и мужчин в расцвете лет, уступая место новым, прибывающим на соревнования. Впечатление было такое, будто шёл дождь из разноцветных тел и испарялся, не достигая земли. «Испарился» и Иван, ступив на синий квадрат конформного лифта, вознёсшего его в комнату психомассажа, где передевалась сборная команда Земли по волейболу.

Переодеваясь и отвечая на приветствия товарищей, спешащих в объятия эмоционтектора бодрости, Иван вспоминал реестр сборных, участвующих в Играх. Команд было шестнадцать, пять из них из Солнечной системы: сборные Земли, Луны, Марса, Астрономического союза и сборная внешних планет, остальные – сборные поселений людей из систем других звёзд. Ещё во время знакомства с командами по видео Иван с трепетом ждал встречи с другими разумными существами, однако в этом вопросе прогнозы его любимых писателей не оправдались: по всей видимости, человеческая цивилизация была уникальна во Вселенной. Во всяком случае, человек, проникший за тысячу лет звездоплавания к центру Галактики, братьев по разуму не обнаружил.

Эта игра со сборной Марса была предпоследней и самой трудной: сборная Марса по волейболу была чемпионом Галактического спорсоюза тысяча восемьдесят второго года, и землянам предстояло в этом поединке доказать, что Кубок предыдущих Игр принадлежит им по праву.

Иван волновался, несмотря на защитный барьер психомассажа и месяц аутотренинга, мысли его всё чаще возвращались в родное время, он гнал их прочь и... ничего не мог с собой поделаться. Возвращаться не хотелось.

Товарищи понимали, что с ним происходит, ибо человек третьего тысячелетия научился, кроме всего прочего, реагировать на чувства, ощущать боль соседа, сочувствовать, сопереживать, устанавливать мысленный контакт, хотя в последнем случае вступали в силу этические нормы мыслесвязи: никто не «читал» мысли собеседника без его разрешения на контакт; товарищи по команде понимали Ивана и с присущим им тактом «не замечали» его состояния. Он помощи не просил, не ждал, следовательно, мог сам справиться со своими переживаниями.

В десять минут одиннадцатого старший тренер-организатор сборной Земли построил игроков, вздохнул и сказал:

– Веселиться вы умеете, вижу. В нашем активе пять побед, так вот постарайтесь, чтобы их стало на одну больше.

Все засмеялись. Иван же вдруг почувствовал, как тает в душе айсберг напряжения. Он знал, что в других командах тоже есть выходцы из прошлого, в том числе и в команде Марса – Сергей Павлов, живший в двадцать втором веке: по правилам Игр разрешалось укреплять команды игроками прошлых веков, прошедшими адаптацию и давшими согласие на временное перемещение; парадоксы времени исключались, наука тридцатого столетия вычеркнула время из списков врагов человечества. Иван был знаком и с Сергеем, и с другими выдающимися игроками, преодолевшими бездну времени, и от мысли, что возвращаться в своё время придётся не ему одному, зависть к остающимся и неудовлетворение собственным положением отодвинулись на задний план.

Иван видел, чего ждали от него товарищи и тренеры, в него верили, и единственным способом отблагодарить их за эту веру мог быть только спортивный стресс – полная самоотдача в игре.

Конечно, и среди современников Олимпиады было немало великолепных спортсменов, в совершенстве владевших всеми приёмами волейбола трёхтысячного года, но надо было, кроме всего, ещё и любить волейбол, как любил Иван, жить игрой, забывая обо всём на свете, отдавать всю страсть, пыл, силы и эмоции, уметь подчинять тело до риска аутотравмы, чтобы понять тех, кто выловил эту находку из глубины времён. А что физические данные людей того времени и современников не были равны – никого не волновало. Медицина и физиология к тому времени «разбудили» многие «спящие» центры в мозгу человека, и «разбудить» их у Ивана не представляло сложности.

Игру он начал в четвёртом номере у сетки, в нападении – угрозе. Подавала сборная Москвы. Первый мяч был послан, как и ожидалось, в будущее, второй – на заднюю линию обороны площадки землян. Мяч принял игрок второй защитной линии Гвендолин, разводящий игрок-координатор во втором номере – Стан подкорректировал передачу и выдал мягкий скользящий пас невысоко над сеткой, так называемый классический полупрострел. Иван, подпрыгнув над блоком, пробил мяч почти вертикально вдоль сетки, в первую линию площадки сборной Марса. Но тут пришла первая подача, посланная в первый номер площадки землян и, как оказалось, на шесть секунд в будущее. Ошибся в приёме Сергей, при передаче нападающему во второй номер переиграл Иван, и мяч был утерян. «Белый балл». подача осталась у марсиан, а игрокам сборной Земли засчитывалось лишь одно очко – половина оценки. Забей они оба мяча – заработали бы «красный балл» – очко и подачу.

С этого момента у землян явно не пошла игра. Резко, непонятно. Словно утратились навыки игрового контакта и пропали куда-то реакции и чутьё времени.

Иван не сразу почувствовал неудовлетворение игрой, лишь с трудом переправив мяч через сетку, он с досадой посмотрел на недовольного игрой Стана и определил, что в отлаженном механизме команды что-то испортилось. В это время из воздуха «выпрыгнул» мяч прошлой подачи марсиан. Гвендолин с опозданием упал, мяч угодил в сетку. Сергей в прыжке выполнил «хобот», но блок противника обмануть не смог. Трибуны стотысячного зала игровых видов спорта зашумели. Иван посмотрел на Стана и пожал плечами:

– Попробуем сменить режим первой подачи?

– Не спеши, – хмуро ответил Стан. – Надо отыграть хотя бы стандартную перебежку, я не чувствую настроения команды.

Тренер наблюдал за игрой внешне спокойно, отвечая на советы запасных игроков односложными «да» и «нет». Он тоже видел, что команда потеряла игровое настроение, но не мог определить причины. Минутный перерыв, однако, брать не стал, сначала надо было разобраться в причине плохой организации защиты самому, ребятам на площадке сделать это труднее.

Первый сет они проиграли со счётом двадцать четыре – тринадцать.

В середине второго тренер взял минутный перерыв.

– Вы что? – негромко, но резко спросил он игроков, разгорячённых и злых. – Перегорели? Или сетка высоковата? Где стиль команды? Почему хроноимпульсы однообразны? Ведь они поймали ваш ритм хроноподачи, а вы продолжаете в пятисекундном ритме. Смените режим, играйте второй, третий варианты вперемежку, сбейте их с толку. Они не лучше вас, но тактику выбрали лучшую. Поняли? Иван, посиди отдохни, вместо тебя поиграет пока Сосновский.

– Замена в сборной команде Земли, – гулко возвестил голос судьи-информатора. – Вместо номера один – Ивана Погуляя продолжает игру номер девять – Януш Сосновский.

Иван сел рядом с тренером и вытянул ноги, вытирая полотенцем лицо и не глядя на товарищей, делавших вид, что ничего особенного не произошло. Тренер присмотрелся к его хмурой физиономии и хмыкнул.

– Устал?

– Не знаю, – помедлив, ответил Иван. – Что-то мешает играть, а вот что именно – не пойму.

Несколько минут молчали. Игра чуть-чуть выровнялась, но отрыв в очках был слишком велик, и надежда выиграть сет была призрачной.

– А ты попробуй сыграть выше своих возможностей, – тихо проговорил тренер. – На пределе! И перестань думать о возвращении. Я правильно тебя понял?

Иван вспыхнул. Тренер понимающе кивнул и сжал его плечо твёрдыми пальцами:

– Ты не первый мой гость из прошлого, Иван. В прошлогоднем чемпионате Союза планет у нас играл Виктор Афанасьев. Твой не только современник, но и земляк. Уходя, он сказал: «Теперь уверен, что проживу свой век не зря – я видел свою мечту, значит, работал и мечтал правильно».

– Я этого не отрицаю, – пробормотал Иван.

Второй сет сборная Земли тоже проиграла. Тренер выпустил Ивана на площадку только в третьей партии при ничейном счёте, жаждущего борьбы и полного желания совершить невозможное.

О себе Иван уже не думал, сердце забилось ровно и сильно, исчезла скованность, пришло ощущение полёта и сказочной удачи, тело словно потеряло вес и стало легко управляемым. Он сразу увидел игру, мгновения полёта мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал прикинуть траекторию полёта, подготовиться к приёму первого мяча, найти партнёра, принять мяч и выдать пас с точностью автомата.

Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мёртвый» мяч, посланный нападающим соперником в угол площадки. Громадный зал ахнул и отозвался волной аплодисментов, но Иван их не слышал.

– Меняем темп, – сказал он Стану. – Максимум – третий вариант с переходом на второй при обычной перебежке в первой зоне.

Стан отмахнулся было, потом оглянулся на Ивана, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

– Ребята, играем третий с полупереходом, предельно!

И они заиграли.

Гвендолин из центра сразу выдал Ивану пас во вторую линию для джамп-темпа. Это был очень сложный для исполнения нападающих удар: Иван взвился в воздух, повернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе и тем самым обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в центр площадки марсиан – при нанесении завершающего удара «перемещать» мяч во времени запрещалось. Зал зашумел и снова замер.

В третьем номере Иван вместе со Станом и пятым игроком провели великолепную скоростную трёхходовую комбинацию «зеркало», причём ситуация осложнилась появлением мяча прошлой подачи, так что на площадке в своеобразной петле времени замкнулись сразу все семь игроков, в том числе и «засадный», и два мяча.

Сначала Иван принял подачу, вспомнил положение рук подающего игрока марсиан две секунды назад и переместился на место, куда, по его расчётам, должен был прийти посыл первой подачи. Стан в прыжке выполнил «юлу» – имитацию нападающего удара – и направил мяч вдоль сетки, а закончил комбинацию пятый игрок команды, чисто срезав мяч на взлёте во втором номере. В то же время, когда этот мяч ещё только летел вдоль сетки, Иван в падении достал второй мяч прошлой подачи. Гвендолин мягко, кончиками пальцев пропустил его за собой, и седьмой игрок, мрачноватый Кендзобуро, обманным ударом «сухой лист» отправил

его со второго темпа в угол площадки соперника. Действие длилось не более трёх секунд, мячи уже впечатались в площадку сборной Марса, а Иван, Кендзобуро, Стан и Гвендолин ещё находились в воздухе.

Зал снова зашумел, выдохнул одновременно и замолчал до конца игры, словно боясь шумом аплодисментов нарушить таинство игры.

Иван нападал с любого номера, согласно смене вариантов, с задней линии, с центра. Он угадывал появление мяча в хронополе до десятых долей секунды, перепрыгивал и пробивал блок, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аутконтроля – ловящим блоком, угадывал направление удара в четырёх случаях из пяти.

Это была игра на вдохновение. Она зажгла остальных игроков команды, и они творили чудеса под стать Ивану, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, как на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, чёткая, слаженная, когда партнёры понимают друг друга по жесту, по взгляду – мысленный контакт карался так же, как и техническая ошибка, потерей мяча, – когда все их движения подчиняются ритму и кажется, будто на площадке всего один игрок, чьё многорукое тело перекрыло всё поле, и мяч каждый раз натывается на него, с удивительным постоянством отскакивая к согласующим игрокам-координаторам, такая игра только и может дать положительный результат. И земляне, проиграв первые два сета, выиграли остальные три.

Зал ещё секунду немо дивился на освещённые квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Земли, а потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

– Спасибо! – сказал тренер с грустным восхищением, обнимая Ивана последним. – Мы не ошиблись в тебе, брат! Спасибо! Думаю, едва ли я когда-нибудь ещё увижу такую игру. Лишь после такой отдачи ты имел право... – Он не договорил.

– Я понял, – кивнул Иван. – Лишь играя на пределе, я имел право увидеть то, что увидел.

В этот момент Иван любил всех, и возвращение домой уже не вызывало в нём отчаяния, несмотря на перспективу остаться в своём времени калекой на всю жизнь.

Его дружно оторвали от пола и подкинули в воздух.

На буфете часы проббили десять вечера.

Иван очнулся и поднял голову, не узнавая привычной обстановки. Он сидел на корточках на полу, в плавках, с полотенцем в руках. «Странно, – подумал он с недоумением, – странно, что я это помню! Они же должны были «ампутировать» в мозгу всю информацию о будущем. Забыли? Или всё снова сводится к банальнейшему из объяснений – сон?!»

Иван встал, сделал шаг к двери, и... жаркая волна смутения хлынула в голову, путая мысли и чувства: он не хромал! Нога сгибалась свободно и легко, мышцы были полны силы и готовности к действию. Тот душевный подъём, который сопутствовал ему во время пребывания в далёком трёхтысячном году, не покинул его. Значит, всё это... случилось наяву?!

Он присел, пряча запылавшее лицо в ладонях, с минуту находился в этой позе, потом с криком подпрыгнул, достал головой потолок – дом был старый и потолки в нём высокие, – остановился и подумал: «А если они и в самом деле забыли? На радостях? Чего не бывает в жизни. Может быть, возвращением ведаёт тот же виомфант Даниил, а он всего-навсего робот, машина, взял да испортился... У меня же остались все знания и навыки спортсмена, который может родиться только через тысячу лет! И если я начну в своём времени проявлять эти чудовищные способности, я изменю реальность, говоря азимовским языком. Ну и влип! Никому ведь не скажешь, не пожалуешься и не посоветуешься... Что же делать?»

Иван снова подпрыгнул, вымещая на теле растерянность и злость, и в этот момент в комнату без стука вошла мать.

– Ваня! – прошептала она, схватившись рукой за горло. – Прости, что без разрешения, мне показалось... ты прыгал?! Ты уже не... что с тобой?

Иван обнял её за плечи, привлёк к себе.

– Всё в порядке, мам, не пугайся. Я скрывал от тебя, боялся проговориться раньше времени... просто я тренировался, лечился, и... нога начала понемногу сгибаться.

Признание звучало фальшиво, но мать поверила.

Два дня Иван скрывал от всех своё физическое превосходство и мучительно размышлял, что делать дальше. Старые переживания, свойственные ему в «доисправленной» жизни, вернулись вновь, но теперь он решил их иначе: комплекс неполноценности превратился в комплекс превосходства и мучительное нежелание возвращаться к прежней жизни. Душа Ивана превратилась в ад, где добродетель боролась с низменными сторонами личности, и он все чаще ловил себя на успокаивающей мысли, что ничего плохого не случится, если он останется «суперменом», просто придётся жить тихо и по возможности не проявлять своего превосходства.

Конечно, оставался ещё волейбол. Ивана тянуло на площадку всё сильнее и сильнее, знания и возможности требовали отдачи, выхода в реальность, но показать себя в игре современников – значило раскрыть инкогнито, расшифровать себя неизвестному наблюдателю, который когда-то выявил его среди болельщиков, и тогда о нём вспомнят там, в будущем, и вернуться, чтобы исправить недосмотр... Иван приказал себе забыть не только о волейболе трёхтысячного года, но и вообще о существовании этой игры, и решился на бегство, хотя бы временное, из города, в глубине души сознавая, что способов бегства от самого себя не существует.

На третий день борьбы с самим собой, притворяясь хромым, он заявился в деканат и отпросился на две недели для «лечения на море», придумав какую-то «чудодейственную» бальнеолечебницу под Одессой. Декан дал разрешение, не задав ни одного вопроса, чем облегчил мучения Ивана, и сомнения беглеца разрешились сами собой.

Вернувшись домой, он сочинил матери «командировку», с удивлением прислушиваясь к себе: лгать становилось все легче, язык произносил ложь, почти не запинаясь. Уложив вещи в спортивную сумку, позвонил на вокзал, узнал, когда отходит поезд на юг, в сторону Одессы, и полчаса унимал сердце, понимая, что возврата к прежней жизни нет: он уже переступил невидимую черту, отделяющую совесть от цинизма.

Но он недооценил своего прежнего «я». В троллейбусе нахлынули воспоминания, навалилось душное, жаркое чувство утраты, болезненного смятения, неуютной потери смысла жизни, пришлось сойти за три остановки до вокзала, пряча пылающее лицо от любопытных взоров окружающих.

– Ваня! – позвал вдруг кто-то с другой стороны улицы, выходящей прямо на набережную. Голос был мужской и знакомый, но Иван не хотел ни с кем разговаривать и с ходу свернул в дыру в заборе: справа шла стройка двенадцатиэтажного жилого дома.

Его окликнули ещё раз, пришлось прибавить ходу. Иван обошёл штабель кирпичей, нырнул в подъезд и, не останавливаясь, одним духом, словно убегая не от настырного знакомого, а от самого себя, поднялся на самый верх здания. Никто его не остановил, принимая то ли за проверяющего, то ли за члена кооператива дома. Двенадцатый и одиннадцатый этажи ещё достраивались, и он вышел на балкон десятого, выходящий на улицу и реку за ней. Внизу шёл нескончаемый плотный поток пешеходов, не обращающих внимания на привычный пейзаж стройки, равнодушный ко всему, что происходит вне данного отрезка маршрута и конкретной цели бытия.

Иван поставил сумку на пол балкона и бездумно уставился в пропасть, распахнутую обрывом проспекта. Не хотелось ни думать, ни двигаться, ни стремиться к чему-то, жизнь тягуче двигалась мимо, аморфная и не затрагивающая сознание, раздражающее нервы стремление к цели растворилось в умиротворении принятого исподволь решения, как облако пара в воздухе...

Сколько времени он так простоял – не помнил.

Очнулся, как от толчка, хотя никого рядом не было. Взгляда вверх было достаточно, чтобы понять – случилось непредвиденное, грозящее отнять многие жизни тех, кто шёл сейчас под стеной здания по своим неотложным делам: четырёхсоткилограммовая плита перекрытия, как в замедленной киносъёмке, соскользнула с края крыши, пробила ограждения лесов и зависла на мгновение, задержавшись за железную штангу, чтобы затем рухнуть вниз с высоты в тридцать метров.

«Сейчас грохнется!» – сказал кто-то чужой внутри Ивана, хотя мозг, натренированный на мгновенную реакцию в трёхтысячном году, уже рассчитал варианты вмешательства, способность изменить реальность события. Требовалось немного: по-волейбольному прыгнуть с балкона вперёд и вверх и «заблокировать» плиту так, чтобы результирующий вектор её последующего падения упёрся в реку. Всё. И сделать это мог только один человек в мире – Иван Погуляй, с его новыми «сверхчеловеческими», по оценке современников, возможностями.

«Не делай глупости, – шепнул ему внутренний голос. – Никто не знает, что ты это можешь, никто никогда не догадается, ты не виноват, что техника безопасности здесь не работала. Ты для этого ушёл из дома? Только жить начинаешь по-человечески...»

Мгновение истекло. Плита сорвалась с железной стойки лесов.

«Если бы ещё была возможность уцелеть самому, – добавил внутренний голос, – а то ведь разобьёшься в лепёшку!..»

В следующее мгновение Иван прыгнул, как никогда не прыгал даже во время прошедших Игр, вытянул руки, безошибочно встретил плиту в нужной точке и направил её по дуге в реку, тем самым «заблокировав» чью-то смерть...

И в этот момент что-то произошло. Мир вокруг исчез. Иван оказался внутри серого кокона с дымчатыми стенами. Из стены вышел человек и оказался Устюжиным, тренером «Буревестника».

С минуту они смотрели друг на друга. Потом Иван кивнул:

– Я так и думал, что вы и есть наблюдатель.

– Вы правы. – В глазах Устюжина появилось сложное выражение вины, горечи и холодной жестокости. – Итак, Иван Михайлович, вы вернулись. Поговорим?

– Поговорим, – согласился Иван. – Хотя я в глупейшем положении. Как случилось, что меня вернули с памятью?

Устюжин помрачнел, глаза у него и вовсе сделались, как у больного без надежды на выздоровление, тоскливыми и всепонимающими.

– Редчайший случай в моей практике. Виомфант Даниил солгал, что отпустил тебя прежним! Эти автоматы имеют не только интеллект, но и эмоциональную сферу, так что от людей их отличают только способы размножения и существования. Не знаю, чем ты ему так понравился, что он смог солгать! Специалисты ещё не разобрались.

Иван тихо присвистнул.

– Не ожидал!

– Мы, к сожалению, тоже. Но виноват во всём я, что не проконтролировал возвращения и не начал искать тебя в тот же день.

– И вы появились, чтобы исправить ошибку? – Иван развёл руками и улыбнулся. – Я готов. Попытка к бегству не удалась, и к лучшему. Я ведь хотел уехать отсюда и жить полным сил. Но едва ли я смог бы прожить таким образом долго.

– Я знаю. – Выражение глаз Устюжина не изменилось. – Всё гораздо сложнее. Мою ошибку исправить труднее, чем твою. После того, что произошло, у нас с тобой есть три варианта: в порядке исключения, потому что вина лежит на всех нас и больше всего на мне, Совет разрешил тебе самому выбирать свою судьбу. Это первый прецедент подобного рода, который послужит нам уроком. Что касается меня, то я отстранён от работы наблюдателя и буду скоро

отправлен в другое время и на другую работу. Итак, вариант первый: игрок сборной Земли трёхтысячного года... к сожалению, без права возвращения в свой век. Сейчас ты поймёшь, почему. Второй: наблюдатель хомоаномалий Земли всех времён, и тоже без права возвращения домой. – Устюжин поднял измученные внутренней болью глаза. – И третий... оставить все, как есть.

Иван удивился:

– Не понял! Жить здесь таким?!

– Не жить, Иван Михайлович. Жить тебе осталось всего полчаса. Сейчас ты увидишь падающую железобетонную плиту и прыгнешь в последний раз в жизни, используя все навыки волейболиста, ей навстречу, чтобы сбить с траектории и спасти тех, кто идёт вниз, ни о чём не подозревая.

Молчание повисло внутри пространственного кокона, тяжёлое и холодное, как ржавая болотная вода. Двое молча смотрели друг на друга и решали одну и ту же задачу, каждый по-своему, поставленные волей жестоких обстоятельств в абсолютно неравные условия перед нравственным выбором одного. Потом Иван спросил пересохшими губами:

– Вот, значит, как... и выхода... нет?

Устюжин понял:

– Нет. История должна подчиниться закону детерминизма, как и пространство-время. Мы не можем произвольно изменять историю, а падающая плита – это не безобидное явление, это исторический факт, повлекший тяжёлые последствия. Остановим мы плиту – и мир будущего изменится, потому что изменится реальность биографических линий большого количества людей. Начни мы исправлять прошлое – и будущего бы не было. Конечно, в мире за время существования человечества свершилось много жестоких событий: войны, стихийные бедствия, катаклизмы, и многое можно было бы повернуть не так, но потомки – ветви, а мы – их корни. Они станут такими, какими ты их видел, если и мы останемся теми же, с грузом наших ошибок, и сомнений, и лучших моральных качеств. Итак, что ты выбрал?

– Что тут выбирать, – пробормотал Иван. – Выходит, из-за меня вы идёте на нарушение закона? Конечно, играть в сборной Земли и жить там... разве я заслужил? Но объясните, что это за работа – наблюдатель хомоаномалий?

– Всё просто. Спустя полтысячи лет после твоего рождения на Земле возникнет служба, назовём её «Хомо супер», которая начнёт искать аномалии талантов людей во всех веках, чтобы генофонд человечества, фонд гениев и творцов «работал» в полную силу, с отдачей своего потенциала человечеству. Я работаю здесь, в Рязани двадцатого века, другие наблюдатели сидят в других временах, такие же люди, как и все. Я не «пришелец из будущего», а такой же рязанец, как и ты, мне просто повезло, что я работаю в своё, родное время.

– Поиск гениев? – переспросил Иван, оглушённый открытием. – Я-то здесь при чём?

– Хочешь, чтобы это сказал я? Гениев, кстати, обогнавших своё время, не так уж и мало, просто мы знаем далеко не всех. Реализуют свои возможности лишь яркие индивидуальности или те, кому помогли фортуна, случай, обстоятельства, условия. Самые громкие примеры ты, наверное, знаешь: индеец майя Кецалькоатль – Пернатый Змей, Джордано Бруно, Леонардо да Винчи, Эйнштейн.

Иван скептически усмехнулся:

– Неужели и я в этой шеренге?

Устюжин не улыбнулся в ответ:

– Напрасно иронизируешь, ты тоже гений – гений спорта, гений волейбола, если хочешь, очень редкое явление. Среди сфер искусства, культуры, политики, науки и техники сфера спорта – самая не насыщенная гениями. Талантливых спортсменов немало, гениев – единицы. Бегун Владимир Куц, хоккеист Валерий Харламов, прыгун Боб Бимон, футболист Пеле, борец

Иван Поддубный. Список можно продолжить, но он мал. Ты выбираешь профессию наблюдателя?

Иван качнул головой, закрыв глаза и снова вспоминая свою последнюю игру в волейбол трёхтысячного года.

– А что будет, если я... не прыгну?

Устюжин отвёл глаза:

– Будут... жертвы. Но ведь ты мог и не зайти сюда, мог просто ускорить шаг и пройти мимо. Так что выбор твой оправдан.

«Вы это искренне говорите?» – хотел спросить Иван, но передумал, он и так понял тренера.

– Ясно. Однако, чтобы стать наблюдателем хомоаномалий, нужно иметь призвание. К тому же профессия наблюдателя требует таких качеств, как терпение и умение оценить человека с первого взгляда. И главное: у долга и совести альтернативы нет, не может быть. Я струсил, это правда, но уйти сейчас в будущее, зная результат такого бегства... это... предательство!

Устюжин отвернулся, помолчал и сказал глухо:

– Я не ошибся в тебе, брат. Прости за вмешательство в твою судьбу. Прощай.

– Прощайте. – Иван задержал руку тренера в своей. – Не поминайте лихом. Ещё один вопрос, он почему-то мучает меня: как будут играть в волейбол ещё через тысячу лет после тех Игр? Ведь волейбол в трёхтысячном – не предел.

– Не предел, – согласился Устюжин. – Например, в четырёхтысячном году произойдёт слияние многих игровых видов спорта с искусством, игры будут напоминать красочные представления-турниры со множеством действующих лиц... а волейбол станет хроноконформным: во время игры будет трансформироваться не только мяч, но и пространственный объём игры, и время, сами игроки.

Иван вскинул заблестевшие глаза:

– Хотел бы я поиграть в такой волейбол...

1983 год

Невыключенный

Цикл «Регулюм»

Всё-таки это была слежка.

Бросив взгляд на зеркальце заднего вида, Панов свернул в переулок и остановил машину возле трёхэтажного здания поликлиники. Серого цвета «девятка», следовавшая за ним от дома, в переулок заезжать не стала, но остановилась за углом. Сомнений не оставалось: «девятка» преследовала зелёный «Фиат» не зря, её пассажиры явно не хотели выпускать из виду водителя «Фиата», Станислава Викторовича Панова, бывшего инженера-электронщика, а ныне директора издательства «Алые паруса», тридцати лет от роду, холостого, москвича в четвёртом поколении.

Началась эта история спустя два дня после выписки Панова из больницы, куда он попал в результате аварии, вдребезги разбив издательский джип «Судзуки». И хотя сам Панов уцелел, всё же несколько дней ему пришлось провести в больнице с диагнозом «сотрясение мозга средней тяжести». К радости всего издательского коллектива (Панова, прямо скажем, любили – за доброе отношение и уважали – за деловую хватку), через неделю с момента аварии он выписался из больницы, а через два дня у него начались нелады со здоровьем, точнее, с психикой, потому что ему вдруг начали мерещиться разные странные картины.

Сначала показалось, что исчез дом на Сухаревской площади, в котором размещалось агентство Аэрофлота. Станислав в общем-то никогда не обращал особого внимания на этот старый пятиэтажный особняк довоенной постройки, но всё же помнил, что на фасаде дома располагались ещё три вывески, в том числе мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1927–1937 гг. останавливался писатель Николай Васильевич Овчинников».

Заметив исчезновение здания, Панов, сомневаясь в своей трезвости, осторожно спросил у матери, не помнит ли она, когда снесли агентство Аэрофлота, и был поражён, услышав ответ, что отродясь такой дом на Сухаревской площади не стоял. На всякий случай Панов прогулялся вокруг площади, разглядывая знакомые с детства строения, церковь, скверик в Даевом переулке, полюбовался на бетонный пяточок справа от Сретенки, где когда-то находился исчезнувший таинственным образом особняк и где теперь стояла шеренга коммерческих палаток, и решил, что у него сработал эффект ложной памяти, инициированный травмой головы.

Однако следующее подобное срабатывание ложной памяти заставило Панова призадуматься. С его рабочего стола пропала солидная монография отечественного специалиста по маркетингу и информационным технологиям профессора Зелинского, которой Панову приходилось пользоваться довольно часто. Проискав её безуспешно в офисе и дома, Станислав вызвал секретаршу Татьяну и велел посмотреть книгу в издательстве. Каково же было его удивление, когда после часа поисков выяснилось, что такой монографии никто не помнит! Мало того, главный бухгалтер издательства утверждал, что её не существует вообще! То есть похожая по тематике книга имела место быть, но написана она была не Зелинским, а американцем Хаббардом. Панов был уверен на сто процентов, что книгу Хаббарда раньше в глаза не видел, хотя, по уверениям всех сотрудников от секретарши до главбуха и главного редактора, пользовался ею всю сознательную издательскую жизнь.

И, наконец, третий раз Панов почувствовал себя неуютно, когда увидел по телевизору чествование знаменитого киноартиста, которому исполнилось семьдесят лет и которого Станислав, знавший всех отечественных звёзд кино и театра, никогда до этого не встречал. Звали киноартиста Юрий Яковлев.

После этого случая Панов провёл целое расследование и выяснил множество любопытных деталей, не совпадающих с его опытом жизни и мировоззрением. Так, оказалось, что Вели-

кая Отечественная война закончилась девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года, а не в декабре сорок четвёртого, как утверждали учебники истории, которые он изучал в школе. На юге Россия граничила не только с Китаем, но и с Монголией, которой в памяти Панова вообще не существовало; по тем же учебникам истории Великое государство Моголов распалось раз и навсегда ещё в тринадцатом веке после столкновения с Русью, часть его отошла к России (тогда Великой Руси), а часть – к Китаю.

Кроме того, Панов был весьма озадачен, узнав, что существует всемирная компьютерная сеть Интернет. В его памяти хранилась информация о создании таких сетей в Соединённых Штатах Америки и в Японии, засекретивших свои разработки для усиления обороноспособности своих стран. И последнее, что подвигло Станислава пойти к психиатру, было «открытие» им факта высадки американских космонавтов на Луну. Он совершенно точно знал, что первыми высадились на спутнике Земли русские и немцы!

Психиатр ничуть не удивился рассказу Панова. Похоже, он вообще разучился удивляться чему-либо в этой жизни, ежедневно встречаясь с больными разных категорий, сдвинутыми «по фазе» на почве стрессов от широчайшего спектра причин. Однако случай с Пановым его заинтересовал, и он пообещал помочь молодому человеку, пригласив его посетить поликлинику через день. Именно после посещения врача Станиславу и стало казаться, что за ним наблюдают. Серая «девятка» с тремя пассажирами заставила его окончательно утвердиться в своих подозрениях, хотя по логике вещей и слежка вполне могла быть плодом раскалённого воображения Панова, заболевшего одной из форм психического расстройства после травмы головы.

Кабинет психиатра на втором этаже был закрыт, на его двери красовался листок бумаги с надписью: «Врач не работает». Недоумеваемая по данному поводу, Панов спустился в регистратуру и спросил у дежурной сестры:

– Извините, вы не скажете, почему не работает психиатр?

– Он заболел, – сухо ответила молодая регистраторша, перебирая карточки. Подняла голову, увидела растерянное лицо посетителя, и взгляд её смягчился.

– Он в реанимации. Вчера его машина свалилась с моста на железнодорожные пути.

– Он... жив?! – пробормотал ошеломлённый неожиданным известием Панов.

– Пока жив, но вряд ли в ближайшее время выйдет на работу. Если вам срочно нужен психиатр, то сходите в районную поликлинику на Жукова.

– Спасибо. – Панов повернулся, чувствуя себя так, словно это он свалился на машине с моста, и вдруг встретил взгляд молодого человека у двери, тут же сделавшего вид, что интересуется доской объявлений в коридоре. Сердце защемило. Панов понял, что этот парень – один из пассажиров «девятки». Прикинув свои возможности – Станислав, хотя и занимался спортом, никогда ни с кем не конфликтовал, ни от кого не защищался и даже, став достаточно известным издателем, не окружил себя телохранителями, – он подошёл к регистратуре.

– Извините ещё раз, могу я от вас позвонить?

Дежурная заколебалась, но всё же подала Панову на стойку старенький телефон.

– Только побыстрей, пожалуйста.

Станислав набрал было номер офиса, но передумал и позвонил Саше Фадееву, своему другу с двенадцати лет. Саша занимался восточными единоборствами, работал инструктором в московском СОБРе и был единственным человеком, который мог бы помочь Панову в сложившейся ситуации.

Уговаривать его не пришлось. Выслушав сбивчивую речь Панова, Фадеев прервал Станислава коротким: «Жди» – и повесил трубку. В поликлинике он появился буквально через полчаса, хотя ехать ему надо было с другого конца города.

При его появлении молодой человек, усиленно изучавший старые плакаты на стенах коридора, вышел на улицу, и Панов торопливо отвёл Фадеева к раздевалке, выглянул в окно.

– Того парня в чёрном видел?

– Рассказывай, только не спеши, – спокойно сказал Фадеев, мельком посмотрев в окно.

Панов подумал, заставил себя успокоиться и сообщил Александру всё, что знал сам, свои открытия, впечатления, переживания, ощущения и страхи.

Фадеев выслушал его внешне без эмоций, никак не реагируя на бледные попытки друга пошутить над самим собой. Он вообще был очень сдержанным и серьёзным человеком, хотя юмор ценил и понимал. Однако обстоятельства складывались далёкими от смешного, ситуация требовала каких-то объяснений и решительных действий, и Фадеев, не ответив на вопрос Панова: «Надеюсь, ты не считаешь меня психом?» – принял действовать.

– Я выйду первым, – сказал он. – Ты через пару минут. Проходи к своей машине, но не садись, ныряй в кабину моего синего «Крайслера».

– А ты?

– Я поеду на твоей. Держи ключи от моей и дай свои. Езжай в спортзал ЦСКА, паркуйся за углом у ограды, где идут ремонтные работы, помнишь? Я тебя догоню.

Они обменялись ключами, и Фадеев, одетый в спортивный костюм и кроссовки, исчез за дверью центрального входа в поликлинику. В окно Панов увидел, как он задержался на крыльце, где стоял тот самый парень с цепким взглядом, заговорил с ним, и вдруг что-то произошло. Панову показалось, будто Александр похлопал парня по плечу, а потом обнял его и повёл к машине Панова, с улыбкой жестикулируя свободной рукой, словно рассказывал анекдот.

Панов не стал забивать себе голову размышлениями о том, что случилось, он просто выскочил на улицу следом за Фадеевым, рванул, как заяц, через дорогу, сел в мощный «Крайслер» Фадеева и, не глядя на серую «девятку» наблюдателей в двадцати шагах, бросил машину вперёд. Но всё же успел заметить, как из «девятки» выскочили двое парней, устремились к его «Фиату», в кабине которого скрылся Фадеев, «дружески» разговаривающий с их приятелем. Что было дальше, Станиславу увидеть не удалось, об этом ему стало известно впоследствии от Фадеева.

Александр подошёл к молодому человеку в чёрном, протянул ему руку, будто старому знакомому, воскликнул:

– Серёга! Сколько лет, сколько зим! Ты как здесь оказался?

Парень с удивлением оглянулся и совершенно автоматически протянул в ответ свою руку, а когда понял, что перед ним незнакомый человек, и хотел ответить «вы обознались», Фадеев сделал мгновенный выпад указательным пальцем в точку на шее, попадание в которую практически гарантирует шоковое состояние. После чего они обнялись, как друзья, и Александр повёл «старого друга» к машине Панова. Приятели молодого человека опомнились, когда Фадеев уже усадил парня в «Фиат» и завёл двигатель.

Действовали они решительно. Увидев, что ситуация выходит из-под контроля, двое из них достали пистолеты и с ходу открыли огонь по «Фиату», а третий сразу завёл двигатель «девятки» и погнал машину вслед за отъехавшим «Крайслером» Панова. Но они всё же не смогли перехватить ни того, ни другого, промедлив в самом начале, не ожидая от объекта слежки такой прыти и не просчитав действия прибывшего на помощь Фадеева. Пули из пистолетов пробили дверцы «Фиата», боковые стёкла, но миновали Александра. Пригнувшись, он выехал со стоянки напротив поликлиники следом за «девяткой» наблюдателей, догнал её на перекрёстке и с ходу ударил на повороте в бок, так что «девятка» развернулась и въехала в витрину магазина хозтоваров. Преследовать «Крайслер» с Пановым и изрешечённый пулями «Фиат» она уже не могла.

Допрашивал захваченного «языка» Фадеев у себя в тренерской комнате в спортзале ЦСКА, куда он прибыл через несколько минут после приезда Панова. Станислав в допросе не участвовал. Он просто сидел на скамеечке в пустом спортзале и тупо смотрел перед собой,

перебирая в памяти факты своего умопомешательства. Ничего дельного в голову не приходило, объяснить случившееся одним только психическим расстройством было невозможно, и Панов тихонечко ждал, чем закончится беседа Фадеева с пленником. Не хотелось ни идти на работу, ни что-то делать, ни вообще двигаться.

Фадеев появился в тёмном зале спустя полчаса. Посмотрел на отрешённо-мрачное лицо Станислава, присел рядом на скамейку.

– Кто это? – вяло поинтересовался Панов.

– Ты кому-нибудь, кроме меня, рассказывал о своих открытиях? – ответил Фадеев вопросом на вопрос.

– Психиатру.

– И всё?

– Заму на работе.

Фадеев помрачнел.

– Это плохо. Позвони ему, пусть приедет сюда, к нам.

– Зачем?

– Ему тоже угрожает опасность, надо предупредить человека. А матери не говорил?

– Не хотел тревожить.

Панов взял протянутый Александром сотовый телефон и попытался вызвать Андрея Климишина, друга и компаньона, занимавшего в иерархии издательства почти такое же по значимости, что и президентское, кресло коммерческого директора, ведающего распространением печатной продукции. Заместителем Панова он считался лишь условно.

Однако мобильный телефон Андрея не отвечал, а на рабочем месте его не оказалось. Секретарша Танечка испуганным голосом сообщила, что Климишина сбила грузовая машина и он находится в реанимации.

Фадеев, наблюдавший за Станиславом, заметил его остановившийся взгляд, отобрал телефон.

– Что случилось?

– Андрей в тяжёлом состоянии... его сбил грузовик...

– Быстро работают, – сквозь зубы проговорил Фадеев. – Кому-то очень хочется остановить утечку информации.

– Какую утечку? – не понял Панов.

Александр пропустил вопрос мимо ушей.

– Расскажи-ка мне всё с самого начала и поподробней. С чего все началось?

Станиславу очень хотелось отказаться, он устало махнул рукой, но в это время его взгляд зацепился за длинный белый транспарант на стене спортзала с рекламой кроссовок «Найк». Он кивнул на транспарант с бледной улыбкой:

– Давно здесь висит это полотнище?

– Давно, полгода. А что?

– А мне почему-то помнится, что вместо него болтался здоровенный плакат с надписью: «Привет участникам соревнований». Похоже, у меня действительно крыша поехала.

Фадеев несколько мгновений внимательно изучал лицо друга, потом встал со скамейки и, бросив на ходу: «Посиди, я сейчас», – вышел из зала. Вернулся он через несколько минут, переодетый в строгий деловой костюм, придавший ему вид бизнесмена или государственного чиновника.

– Поехали.

– Куда?

– Увидишь. Звони на работу, скажи, что срочно уезжаешь на несколько дней по делам. Или отдыхать. Придумай что-нибудь.

– Но у меня куча дел, встречи, ярмарка в Питере на носу...

– Твои дела от тебя никуда не уйдут, давай звони.

Панов покорно включил телефон, скороговоркой передал секретарше «высочайшее решение» отдохнуть несколько дней на море и поплёлся за Фадеевым, оглядываясь на смутивший его транспарант на стене зала. Догнал Сашу в коридоре.

– Что ты сделал с тем парнем?

– В милицию сдал, – усмехнулся Фадеев.

– Зачем он за мной следил?

– Долго рассказывать. Узнаешь в своё время.

– Куда мы всё-таки направляемся?

– Поживёшь пока у меня пару дней, потом сообразим, что делать дальше.

– А где моя машина?

– В ремонте, – снова усмехнулся Александр. – Не беспокойся, будет как новая, только цвет поменяет. Так, значит, по-твоему выходит, что первыми высадились на Луне наши и немцы, а не американцы?

– Ну да, в тысяча девятьсот семьдесят первом году.

– А кто же тогда вообще первым в космос полетел?

– Шутишь? Гагарин, конечно.

– Слава богу, хоть что-то остаётся неизменным в нашем безумном мире.

Они вышли из здания через служебный вход, свернули к летним кортам, огороженным высокой металлической сеткой, возле которых среди десятка автомобилей стоял пробитый пулями «Фиат». В это мгновение из двух джипов справа от «Фиата» выскочили какие-то люди в чёрных джинсовых костюмах, бросились наперерез идущим вдоль ограды Фадееву и Панову, выхватывая оружие. Позади них с визгом шин и тормозов остановился ещё один джип с тёмными стёклами, из которого десантировалась ещё четвёрка джинсованных парней, и Станислав с Александром оказались окружёнными со всех сторон. И тут Фадеев показал, на что он по-настоящему способен.

Панов ещё только подсчитывал окруживших их противников с пистолетами, не понимая, что происходит, а Саша уже действовал, мгновенно оценив обстановку и выбрав стратегию поведения.

– Ложись! – прошипел он, толкая Панова в спину. – Под машину!

Они бросились на асфальт, и тотчас же Фадеев открыл огонь из неведь откуда появившегося у него в руках пистолета-пулемёта, целя по ногам преследователей.

Раздались крики, ответные выстрелы, пули забарабанили по кузову укрывшей их «Вольво», посыпались стёкла, из пробитых шин со свистом вырвался воздух. Александр перестал стрелять, выдернул из кармана пиджака усик микрофона:

– Я в узле второй степени, просчитайте масштабы корректировки.

Что ответили Фадееву неизвестные абоненты, Панов слышать не мог, да и к словам друга прислушивался лишь краем уха, полностью занятый тем, что происходило вокруг. К тому же дилетанту понять странные переговоры Александра (это у него что – рация? откуда? с кем он говорит?..) было трудно, однако эти переговоры дали результаты уже в ближайшие секунды.

– Пятиминутка без последствий мне подходит, – сказал Фадеев. – Подготовьте линию по невыключенному, объект – Станислав Викторович Панов, тридцать лет. Да, я готов.

В то же мгновение стрельба стихла. Глаза Панова на короткое время перестали видеть, будто его внезапно бросили в подземелье или небо закрыли не пропускающие свет тучи. Затем солнце засияло вновь, и Фадеев вылез из-под машины, протягивая руку Станиславу.

– Шевелись, у нас всего пять минут на отступление.

Панов выбрался из-под «Вольво», огляделся, не веря глазам. Ни одного из молодых людей в чёрном вблизи стоянки не было видно, будто они испарились за несколько секунд. Не заметил Панов и следов перестрелки, хотя помнил шлёпки пуль в корпусе машин и гро-

хот лопающихся стёкол. По территории спорткомплекса спокойно шли по своим делам совершенно незнакомые люди, не обращая внимания на озиравшегося Панова и сосредоточенного Фадеева, и эта их будничная целеустремлённость подействовала на Станислава сильнее всего.

– Саша, что происходит? – прошептал он.

– Идём. – Фадеев сел в «Фиат» Панова, включил двигатель. – Скоро все узнаешь.

Они выехали с территории ЦСКА на Ленинградский проспект и направились к центру города, затем свернули на Беговую.

– Ты же говорил, что отдал машину в ремонт, – пробормотал Панов.

– Ты это точно помнишь? – с любопытством посмотрел на него Фадеев.

– Издеваешься? – рассердился Станислав. – Ты же сам сказал полчаса назад...

– За это время кое-что изменилось. Неужели не заметил?

Панов задумался. За последние полтора часа на него свалилось столько неожиданных известий, таинственных происшествий и необычных переживаний, что голова шла кругом и отказывалась работать.

– Когда мы сидели под машиной, мне показалось...

– Ну-ну?

– Показалось, что резко стемнело... а на небе – ни облачка... и эти ребята в чёрном исчезли...

– Да, ты абсолютник, – хмыкнул Фадеев, ещё раз взглянув на ослотившегося приятеля. – Уникальный случай. Кто бы мог подумать, что рядом со мной... – Он оборвал себя, сворачивая на мост через железнодорожные пути. Бросил взгляд на зеркальце заднего вида, покачал головой. – Вот собаки! Быстро берут след!

Панов оглянулся, но в плотном потоке машин нельзя было выделить конкретных преследователей, и Станислав перевёл взгляд на водителя.

– Кто за нами гонится, Саш? Что вообще происходит? За что меня хотят убить? И кто ты на самом деле?

– Ты задаёшь слишком много вопросов. Доберёмся до безопасного убежища, всё выяснишь. Главное, что я твой друг.

«Фиат» свернул к Ваганьковскому кладбищу и остановился во дворе девятиэтажного дома.

– Выходим, быстро!

Они выскочили из машины и бегом направились к дому, но в подъезд заходить не стали, обогнули небольшое кирпичное строение котельной и нырнули в его распахнутую дверь, которая сразу же захлопнулась за ними. Пробежав короткий коридорчик, Фадеев толкнул фанерную дверь в тупике коридора, вошёл в небольшой чулан с каким-то тряпьем и коробками и стал спускаться в открытый квадратный люк. Панов как во сне следовал за ним, ни о чём не спрашивая. Люк сам собой закрылся за ними, отрезая обратный путь. Лестница была деревянная, старая, затоптанная, словно ею часто пользовались много лет подряд, но ступеньки не скрипели, создавая впечатление монолитной конструкции. На глубине шести-семи метров она кончилась в подвальчике, заставленном бочками и ящиками, тускло освещённом единственной лампочкой в металлическом наморднике. Запахи пыли, ржавого железа, гнилого дерева наполняли помещение и создавали впечатление старости, ветхости, запустения и забытости. Но Панов не успел проникнуться здешним унылым духом. С гулом отъехала часть стены подвала, в лицо брызнул яркий свет, Фадеев подтолкнул друга в спину, и Станислав шагнул в открывшийся проём, удивлённо открывая глаза.

Помещение больше всего походило на зал Центра управления полётами: ряды пультов и столов с компьютерами и дисплеями разных размеров, какие-то шкафы с мигающими индикаторами у стен. Перед рядами пультов, спускающихся вниз, амфитеатром располагался гигант-

ский – во всю стену – экран с двумя земными полушариями, покрытыми неравномерной сеткой, в узлах которой загорались и гасли цветные огоньки.

– Не останавливайся, – сказал Фадеев, понимая глянув на Панова. – Иди за мной.

Тот переступил невысокий порог, продавил телом какую-то невидимую упругую плёнку и окунулся в мир других запахов (среди которых можно было уловить запах озона) и звуков – от тихих человеческих голосов до столь же негромких звоночков, зуммеров и писков.

Фадеев уверенно направился вдоль крайнего ряда пультов к правому углу зала и нагнулся к женщине в белом костюме у дисплея. Та кивнула, и Александр шагнул к открывшейся двери в стене зала, между двумя шкафами. Панов догнал его в коротком коридорчике, освещённом длинной светопанелью, кивнул на закрывшуюся за спиной дверь:

– Это что, Центр управления полётами? Очень похож. Я видел по телику. Или какой-то вычислительный центр?

– Ну, нечто в этом роде, – кивнул Фадеев. – Ты не читал роман Азимова «Конец вечности»?

– Читал в детстве. А что? При чём тут Азимов?

– Он был посвящён в наши дела. Организация «Вечность» существует, хотя и не в том виде, в каком описал её известный писатель-фантаст. То, что ты видел, это лишь кустовой терминал, один из районных центров анализа накапливаемых искажений реальности. Но не спеши, давай обо всём по порядку.

Фадеев остановился перед последней дверью коридорчика, поднял руку, прижимая ладонь к выпуклости на стене. Из чёрного окошечка над выпуклостью выстрелил бледный синеватый лучик света, заглянул ему в глаз и спрятался обратно. Дверь с тихим шипением отодвинулась в сторону, и молодые люди вошли в небольшой кабинет, похожий на сотни подобных ему кабинетов правительственных или коммерческих офисов. Стол с компьютером, стол для гостей с четырьмя стульями, два стеклянных шкафчика с книгами и хрусталём, шкаф для одежды, сейф, светопанели, ковёр на паркетном полу, картина на стене (пейзаж в стиле Шишкина: ели, ручей, коряга поперёк). Но взгляд Панова зацепился не за эти детали, а за окно, из которого на пол помещения падал сноп света. За окном виднелись небо с облаками, деревья, часть пруда. Это было очень странно, ведь Станислав чётко помнил, что он находится глубоко под землёй.

– Видеокартинка, – раздался чей-то голос, и Панов наконец разглядел хозяина кабинета, сидевшего вполборота к столу за экраном компьютера.

Он был крупного сложения, с круглой бритой головой, тяжёлым лицом и мощным лбом, под которым светились лёгкой иронией умные глаза.

– Присаживайтесь, – кивнул он на стулья. – У меня мало времени, поэтому обойдёмся без восклицаний «не может быть!» и прочих эмоциональных выражений. Меня зовут Павел Феоктистович, я эвменарх данного регулюма. – Бритоголовый посмотрел на Фадеева. – Вы ввели его в курс дела?

– Не успел, – качнул головой Александр. – На него вышли охотники Фундатора, пришлось срочно бежать.

– Понятно. Тогда я обрисую ситуацию в двух словах, а вы потом ответите на все вопросы и поговорите обо всём подробней. Подумали, где можно будет применить его возможности?

– Всё произошло слишком неожиданно, – признался Фадеев с беглой усмешкой. – Мы знакомы со Стасом уже два месяца, но я никак не думал, что он может так чётко видеть изменения реальности.

– Как это – два месяца?! – округлил глаза Панов. – Я знаю тебя больше пятнадцати лет! Бритоголовый Павел Феоктистович и Александр переглянулись.

– Случай интересный...

– Да, необычный, он видит все абсолютные изменения внешней среды, но одновременно принимает относительные варианты своего восприятия за реальный исторический процесс.

– Итак, молодой человек, – сказал эвменарх, смерив Павла заинтересованным взглядом, – вы оказались в довольно необычном положении. Большинство нормальных людей принимают действительность как статическую основу бытия, пронизанную потоком времени. На самом деле Вселенная – исключительно зыбкий, изменчивый, непостоянный, текучий, многомерный континуум, непрерывно кипящий и содрогающийся от малейших вероятностных изменений в любой его точке, в любом материальном узле – регулюме, где возникает на короткое время довольно устойчивое образование – жизнь. Одним из таких регулюмов является планета Земля. Каждый её житель воспринимает любое изменение не напрямую, а через особое «декодирующее» устройство – подсознание, поэтому ему кажется, что мир вокруг статичен и если изменяется, то эволюционно, согласно законам физики, законам природы. Одно лишь не учитывается: что Матрица Мира изменяется просто мгновенно от любого происшествия, от любого толчка, и одновременно с этим сознание человека получает заново сформированный пакет информации, образующий память. Для обычного человека такое изменение есть событие, «вмороженное» в память.

– Подождите, – остановил эвменарха Панов. – Я не совсем...

– Лучше всего мои рассуждения пояснить примером. Допустим, кто-то в нынешнее время хочет изменить реальность. Он спускается лет на пятьдесят в прошлое и убивает... ну, скажем, видного политического деятеля, того же Ленина, к примеру. Что произойдёт для всех современников путешественника во времени? С одной стороны – изменится реальность, исчезнет весь пласт истории, связанной с данным историческим лицом, но с другой – для наших современников в момент убийства не произойдёт ровным счётом ничего! Для них эти пятьдесят или сколько-то там лет окажутся спрессованными в давно промелькнувший отрезок времени, где не было никакого Ленина. Понимаете? Изменения воспримут только отдельные личности...

– Больные?

– Можно сказать и так, – улыбнулся Павел Феоктистович, – невыключенные. Мы их называем иначе – абсолютниками. Они хранители траекторий исторического процесса, способные воздействовать на Вселенную. При соответствующей подготовке, разумеется.

– Почему меня хотели убить?

– Потому что вы свидетель изменений, произведённых исполнительной структурой регулюма – Фундатора.

– Кто он такой?

– Он не кто, а что – система реальной власти на Земле, способной менять правительства любого государства, законы, по которым эти государства живут, и даже, если потребуется, природные условия.

– А кто тогда вы?

– Хороший вопрос, – развеселился эвменарх. – Мы – теневая структура...

– Мафия, что ли?

– Нет, не мафия, скорее служба безопасности регулюма, отвечающая за устойчивость и жизнеспособность всей его сложной системы под названием Человечество. К сожалению, у кормила Фундатора сейчас стоят жестокие, эгоистичные, агрессивные, не терпящие возражений люди, уверенные в своей непогрешимости и безнаказанности, и нам пришлось уйти в подполье, в результате чего реальность стала меняться не в лучшую сторону и продолжает скатываться в пропасть распада.

– Распад СССР – тоже дело рук Фундатора?

– Вы хорошо схватываете суть проблемы. Все негативные процессы в мире так или иначе инициированы Фундатором, хотя исполнителями являются конкретные личности и конкретные группы людей.

Бритоголовый наклонился к экрану компьютера, что-то набрал на клавиатуре, сказал, не поднимая глаз:

– Остальное вам объяснит наш агент влияния и ваш друг Александр. Всего хорошего.

Фадеев встал, похлопал задумавшегося Панова по плечу, и тот с запозданием поднялся.

– Спасибо...

Бритоголовый не ответил.

В коридорчике они остановились. Александр вдруг рассмеялся. Станислав с недоумением взглянул на него.

– Ты что?

– Просто вспомнил, где мы находимся – под Ваганьковским кладбищем.

– Ну и что?

– По-моему, это символично, ведь ты, считай, заново рождаешься на свет там, где другие заканчивают свой земной путь.

– Куда мы теперь?

– Теперь мы домой. Подожди меня, я закажу кое-какие изменения реальности, чтобы нас не перехватили охотники, и мы отправимся в ресторан, где отпразднуем рождение нового абсолютника.

– Постой, – ухватил Панов друга за рукав. – А разве Фундатор не умеет делать то же, что и вы, – изменять реальность в свою пользу? Что, если он примет контрмеры?

– Может и принять, но мы попробуем его опередить, у нас очень хороший отдел по разработке всяких «случайных совпадений».

Александр подошёл к одному из пультов с экраном, за которым работал какой-то седой старик в белом костюме, поговорил с ним, показав на стоявшего у стеночки Панова, и направился к выходу.

– Всё в порядке, можем не беспокоиться за свою судьбу.

Они вышли из зала в подвал котельной, всё так же создающий впечатление заброшенности и запустения, поднялись в цокольный этаж строения, и в это время дверь на улицу распахнулась и ворвавшиеся в коридор котельной люди в чёрных джинсовых костюмах открыли по друзьям огонь из пистолетов. Станислав с ужасом увидел, как пули впились в грудь и в голову Фадеева, хотел закричать и не успел: тяжёлая холодная тень накрыла котельную, дом рядом, кладбище, весь город, придавила всех людей так, что они на мгновение застыли, и исчезла.

А вместе с ней куда-то делся и подвал с засадой и убитым Фадеевым. Панов оказался в коридоре поликлиники, откуда полдня назад начал с Александром своё бегство от охотников Фундатора. Вокруг сновали озабоченные люди – больные, медсёстры, старшеклассники, проходящие обследование, а у стены коридора стоял парень в чёрном джинсовом костюме и старательно изучал плакаты на стене.

Сглотнув ставшую горькой слюну, Панов на деревянных ногах вернулся к окошку регистратуры и попросил разрешения позвонить. Трубку на том конце провода сняли через минуту, однако раздавшийся в ней голос показался Станиславу незнакомым:

– Говорите.

– Саш, это я, – заторопился Панов. – Можешь приехать в поликлинику на Бирюзова?

– Кто говорит? – осведомилась мембрана.

– Стас... Панов... Саш, это ты? Извините, мне нужен Александр Фадеев...

– Очевидно, вы ошиблись номером. – В трубке затукали гудки отбоя.

Панов подержал трубку возле уха потеющей рукой и вдруг отчётливо осознал, что Фундатор нанёс упреждающий удар: рассчитал и провёл такое изменение реальности, в котором не было Фадеева.

– Что с вами? – полюбопытствовала дежурная регистраторша, глянув на побледневшее лицо Станислава. – Вам плохо?

– Ничего, пройдёт... – пробормотал он, опуская трубку на рычаг.

Телефон вдруг зазвонил, заставив вздрогнуть обоих. Медсестра подняла трубку, и её брови постепенно поползли вверх.

– Молодой человек, вы, случайно, не Стас Панов? – окликнула она отходившего Панова.

– Да, это я...

– Вас к телефону.

Панов с недоверием взял трубку, прижал к уху и услышал тот же незнакомый голос:

– В этой реальности ваш друг не существует. Я тот, кто может его заменить. Ждите в поликлинике и никуда не выходите, пока я не приеду.

– Как я вас узнаю?

– Не беспокойтесь, узнаете.

В трубке послышались частые гудки. Станислав, ещё не веря в избавление от страха за свою жизнь, посмотрел на суровую медсестру в окошке регистратуры и подумал, что, похоже, ему все-таки удастся стать абсолютником. Если только охотники Фундатора не доберутся до него раньше людей эвменарха.

Мир вокруг, подверженный любой прихоти властителей, постоянно изменяющийся в результате разборок между различными властными группировками и структурами, действительно был слишком текуч и неустойчив, но люди этого не видели и не чувствовали. Кроме таких уникалов, как Панов. Время от времени они появлялись на Земле, и тогда за ними начиналась настоящая охота, ибо тот, на чьей стороне оказывался абсолютник, получал значительное преимущество перед остальными.

Всего этого Панов не знал, его путь в изменяющейся от малейшего толчка Вселенной только начинался.

Май 1998 год

Неперемещённый

Цикл «Артём Бойцов»

Артём проснулся совершенно разбитым, словно после бурно проведённой ночи или с бодуна, хотя ни то, ни другое не имело места. Во-первых, он пил мало и только лёгкое вино, во-вторых, женщины, с которой можно было бы бурно провести ночь, у молодого инструктора по рукопашному бою, тренирующего спецназ Главного разведуправления, пока не появилось.

Прошлёпав босыми ногами по тёплому полу в ванную, Артём с недоумением посмотрел на свою помятую, с тенями под глазами, курносую физиономию, покачал головой и начал умываться. Потом подумал и залез под холодный душ, придавший ему бодрости и слегка поднявший тонус.

На кухне он покопался в холодильнике и долго разглядывал его практически пустое нутро: с ним такое бывало, особенно в детстве – глаза вдруг останавливались, мысли исчезали, время переставало идти, ощущения пропадали, и сознание уходило в странную пустоту; такое состояние врачи объясняли «спонтанной медитацией», помогавшей расслабляться и избегать нервных срывов. Когда он начал заниматься боксом и карате, это состояние сначала мешало молодому парню, потом, наоборот, стало помогать ему концентрироваться и адекватно отвечать на действия противника, а потом Артём научился вызывать у себя состояние пустоты сознательным волевым усилием.

Он очнулся, вытащил из холодильника вчерашний пакет кефира, допил и бросил в мусорное ведро, заполненное почти до отказа. Пора начинать генеральную уборку, пришла светлая мысль, которая появлялась каждый раз, когда он заглядывал в ведро. Удивляясь своим невесёлым ощущениям, Артём кое-как сделал зарядку, смыл пот и сварил себе кофе. Потом попытался дозвониться приятелям, девушке Вале, с которой намеревался провести вечер, начальнику спортбазы подполковнику Соловьянникову, но телефон молчал, как партизан, и в конце концов Артём махнул на него рукой. Обзвонить всех можно было и после работы.

Он собрал свою выдавшую виды сумку, переоделся в джинсы и тёмно-синюю рубашку с короткими рукавами, натянул кроссовки, вышел из дома – жил он на даче отца, уехавшего на всё лето к родственникам на Алтай, – и только тогда обратил внимание на небывалую тишину, завладевшую дачным посёлком.

Не тархтел движок электросварочного аппарата – сосед проводил себе водопровод, не играла музыка, не разговаривали люди, не шумели машины, которые должны были пронеситься по недалёкому Ленинградскому тракту, не горланили петухи в соседней деревне, не лаяли собаки. То есть все эти звуки и раньше не воспринимались слухом, потому что были тихими и естественными, не противоречившими природе и пейзажу, теперь же тишина стала просто оглушительной. А самое главное, Артём не видел ни одного человека, хотя не помнил случая, чтобы сосед слева, дядя Петя, не возился в огороде, а сосед справа, Леонтий Исаакович, декан химико-технологического института, профессор и убеждённый холостяк, не принимал на веранде очередную студентку. Посёлок словно вымер! А вместе с ним вымерло шоссе Москва – Санкт-Петербург, не умолкавшее до этого момента ни днём, ни ночью.

– Мать честная! – поскрёб в затылке Артём, сделав несколько шагов по скрипучей гальке и испугавшись этого звука. – Или я сплю, или одно из двух...

Что-то звякнуло сзади.

Артём стремительно обернулся, готовый увидеть живого человека, но звук был рождён фрамугой, которую раскачивал лёгкий ветерок в окне соседской дачи. Скрипнула дверь в доме напротив. Артём дёрнулся к забору и увидел кота, выходящего во двор с видом драчуна: шерсть дыбом, глаза горят, хвост трубой. Увидев глаз Артёма в щели забора, кот зашипел и бросился

на забор, будто собирался пробить его насквозь. Артём шарахнулся прочь, прошёлся по улице, взглядываясь в окна коттеджей и садовые участки, но по-прежнему не видел ни одной живой души, никакого движения, лишь распахнутые двери, раскиданные вещи, стоявшие во дворах машины да осиротевшие собачьи будки, в которых не было видно собак. Кот, встретившийся минуту назад, был единственным живым существом на весь дачный посёлок Бобры, если не считать самого Артёма.

Сомневаясь в своей трезвости и рассудке, не веря глазам и пугаясь того, что приходило на ум, он вышел за ворота посёлка, никем не охраняемые, и дошёл по асфальтовой дороге до шоссе. Из конца в конец оно было пустынно и безмолвно, продуваемое ветром и освещённое ярким утренним солнцем. Ни одна машина не появилась ни справа, ни слева, пока Артём стоял и смотрел на него, млея от предчувствия беды, ничего не понимая и ни о чём не размышляя, находясь в состоянии спонтанной медитации, однако это состояние не помогло ему определить причину внезапного исчезновения людей и транспорта, и он очнулся. Пора было что-то делать, предпринимать какие-нибудь меры, чтобы не сойти с ума и выяснить, что произошло. Артём уже знал, что не спит: задев рукой за створку ворот, он оцарапал палец и почувствовал боль. Происходящее вокруг, а вернее – не происходящее на сон не походило.

Он вернулся в свой дом, ещё раз попытался позвонить по телефону на работу и друзьям, дозвониться ни до кого не смог – сплошные длинные гудки – и завёл машину; у него был маленький «Фольксваген» марки «Поло-классик». Через несколько минут он уже ехал по шоссе к Москве, по-прежнему не замечая ни одного живого существа. Кроме птиц. Воробы и вороны сновали в ветвях деревьев, летали над огородами попадавших селений, копались в мусорных кучах, единственные свидетели таинственной трагедии, но рассказать об этом человеку они были не в состоянии.

Первые несколько километров Артём ехал с усиливающимся ощущением нереальности происходящего, подспудно прислушиваясь к звуку мотора и ожидая уловить звуки движения по шоссе, потом отвлёкся, разглядывая брошенные вдоль дороги и на самом шоссе автомобили. Некоторые из них были разбиты вдребезги, сожжены, многие просто уткнулись радиаторами в столбы, заборы, ограждения домов, в стены и подъезды, в другие замершие автомашины, большинство же просто стояло у обочин, будто их владельцы только что вышли из кабин на минутку и вот-вот вернуться. Артём проводил взглядом ещё дымящиеся остовы столкнувшихся грузовиков и остановился у бензоколонки, где у заправочных стояков сиротливо жались несколько «Жигулей» с вдетыми в горловины баков шлангами.

Никого из людей не было видно и здесь, хотя дверь в кафе-магазинчик рядом с заправкой была открыта, а внутри него на прилавке спокойно лежали деньги, касса была открыта и показывала своё нутро, где также лежали купюры разного достоинства.

Артём, дуря от тишины и чувства ирреальности, потрогал дензнаки, щелчком сбросил их на пол, прошёлся между столиками кафе, на которых лежали недоеденные сосиски и стояли недопитый чай и кофе, и вышел, похолодев от пришедшего наконец осознания беды. Что-то произошло в мире, пока он спал, люди не просто ушли, разъехались по домам или на работу, они исчезли! Причём все сразу! И всё, на что ни бросал бы взор Артём, подтверждало его догадку.

Очнувшись, он бегом вернулся к машине и включил двигатель, вырвав на шоссе. Через двадцать минут он подъезжал к Москве, уже не обращая внимания на стада замерших машин и осиротевшие посты ГИБДД.

Столица встретила его такой же тишиной, запустением, отсутствием движения, транспортных потоков и людей. Грелись на солнце автомобили, троллейбусы и автобусы стояли с закрытыми дверцами, но пассажиров в них не было. Многие были перевернуты или столкнулись в заторах, многие сгорели, и по улицам и площадям города ползали струи едкого дыма,

вызывая желание позвонить в милицию и в пожарную часть. Людей же не было видно совсем, хотя любое происшествие всегда собирало зевак, будь то дорожная авария или пожар.

Артём проехал по крайней мере три дома с горящими квартирами, но так никого и не увидел. Остановил машину на Тверской. Снова накатило совершенно жуткое ощущение катастрофы, происшедшей не с миром, а с ним, Артёмом Бойцовым, никогда не жаловавшимся на здоровье. Но кусать пальцы и выдавливать себе глаза он не стал. Захотелось пить. Горло пересохло так, будто он бродил по пустыне под палящим солнцем несколько дней.

Артём зашёл в «Елисейский», балдея от обилия открыто лежащих продуктов, прошёлся по залу, глотая слюну и разглядывая прилавки, потом вспомнил, зачем зашёл в магазин, и достал с полки бутылку минеральной воды. Жадно выпил полбутылки, остальное вылил себе на голову, аккуратно поставил пустую бутылку на прилавок и вдруг услышал с улицы какие-то звуки, похожие на приближавшийся топот. Выскочил из магазина и увидел стремительно бегущего по тротуару мужчину с залитым кровью лицом.

Человек дёрнулся в сторону, заметив Артёма, перебежал на другую сторону улицы и припустил быстрее, пока не скрылся в переходе на площади Пушкина. Только тогда Артём опомнился, хотел было броситься за незнакомцем, но врождённое чувство опасности остановило его, и вовремя. Послышался странный дребезжащий гул-свист, и с крыши дома в сотне метров от того места, где стоял Артём, свалился необычный аппарат, похожий на хищную птичью голову с клювом, два эллипсоидальных выступа по бокам головы походили на уши, а сзади трепетал самый настоящий хвост из чёрных пушистых перьев, которые и порождали свист, накладывающийся на гул кабины-гондолы. Аппарат, накрываясь, понёсся вдоль улицы по следу беглеца, пролетел мимо присевшего за машиной Артёма и завис над площадью, хищно поводя своим клювом из стороны в сторону. Затем вдруг с клюва сорвался длинный шипящий язык радужного огня, с грохотом разлетелась витрина магазина на углу.

Необычный аппарат двинулся кругами над площадью, дважды выстрелил языками яркого радужного пламени внутрь подземных переходов и развернулся в ту сторону, где, разинув рот, стоял Артём. Молодого человека спасло только падение осколка стекла за кормой аппарата. Клюв летающего огнемёта мгновенно развернулся на звук, а Артём метнулся в дверь магазина, понимая, что его может постичь участь беглеца с окровавленным лицом. Вихрем промчавшись через залы «Елисейского», он выскочил в Козицкий переулок, а оттуда во двор дома за магазином, рванул дворами к Страстному бульвару и, уже сворачивая в переход, ведущий в метро, заметил боковым зрением движение сзади. Проклятая летающая птичья голова всё-таки засекала его манёвр.

Прыгая через десяток ступенек сразу, он ссыпался по лестнице вниз, свернул в переход налево, и тотчас же сзади пронёсся свистящий факел огня, от которого затрепали волосы и задымилась рубашка на спине Артёма.

– Сюда! – услышал он вдруг чей-то возглас.

Не раздумывая, свернул в приоткрывшуюся в стене перехода дверцу, хотя намеревался добежать до входа в метро, и оказался в узком помещении, заставленном коробками, банками с краской, досками и пачками газет. Дверца закрылась за ним, стало темно, однако Артём всё же успел рассмотреть человека с испачканным кровью лицом. Это был тот самый беглец, за которым охотилась жуткая птицеголовая машина, стреляющая струями пламени. Впрочем, теперь она охотилась за ними обоими.

Артём открыл было рот спросить, что происходит, но мужчина прошипел:

– Тихо!

За дверцей послышался гул, завибрировали стены перехода, затем щели дверцы засветились, раздался свистящий удар, грохот раскалывающегося стекла и падающих плит перекрытия. Гул отдалился. Ещё раз донёсся тяжкий удар, потрясший подземный переход, и всё стихло. Но беглецы ещё несколько минут сидели в темноте, прислушиваясь к долетавшим из перехода

звукам, и молчали. Потом Артём отодвинулся от провонявшего потом, кровью и пылью незнакомца и спросил:

– Кто вы?

– Такой же неперемещенный, как и вы, – невнятно пробормотал мужчина.

– Что это значит?

– Это значит, что мы обречены...

Артём разозлился.

– Говорите ясней. Что за «птица» за нами охотится? Что вообще происходит, чёрт побери?!

Мужчина зашевелился, приоткрыл дверцу помещения, служившего, очевидно, подсобкой магазинчика в переходе метро, оглянулся на Артёма.

– Если я расскажу, вы не поверите, примете за психа. Я сам бы не поверил, когда б узнал. Пошли отсюда, здесь мы не отсидимся. Оружие бы хоть какое достать, а то бегаю от этого летающего гуся, как мышь. Если хотите жить, следуйте за мной.

– Что вы намерены делать?

– Для начала нырнём в метро, там нас искать не станут, хотя, конечно, наверняка я утверждать не могу. И всё же шанс прожить на пару часов больше у нас есть. Идёте?

Артём подумал. Идти никуда не хотелось, но и оставаться здесь смысла не было.

– Иду.

– Тогда не отставайте.

Они на цыпочках двинулись ко входу в метро, стараясь не наступать на осколки стекла и кафеля, так же тихо спустились по ступеням вниз, дошли до эскалатора, но в это время послышался нарастающий свистящий гул и в зал ворвалась знакомая птицеголовая машина, над клювом-излучателем которой горел мощный прожектор.

Беглецов спасла стойка турникета, за которую они успели присесть. Луч прожектора прошёл над ними – раз, другой, третий, преследователи в машине пытались разглядеть пустой зал станции метро «Чеховская», кстати, хорошо освещённый штатными светильниками, а может быть, это был кибер, запрограммированный на поиск людей, но главное, Артём и его новый знакомый остались незамеченными. Поворочав прожектором (луч света бил, казалось, прямо из лобовой брони), машина попятилась назад и скрылась в переходе. Но это было ещё не все, потому что сквозь прерывистый гул послышались чьи-то визгливые голоса, команды и топот ног. Птицеголовая машина высаживала десант.

Незнакомец, не пожелавший назвать своё имя, побледнел, что было видно по части щеки, не залитой кровью.

– Охотники! Ойги! Нам конец!..

– Что за охотники?! – притянул его к себе за отворот рубашки Артём.

– Ты неверишь...

– Говори!

– Они не отсюда...

– А откуда?! Говори, зараза, а то убью к хренам!

– Ойги... как тебе сказать... в общем, они чужие...

– Пришельцы, что ли?!

– Не совсем. Они из прошлого... хотя для нас они всё равно пришельцы. И теперь охотятся за теми, кто оказался неперемещенным.

– Куда?!

– В будущее...

В переходе загудело сильнее, стихло, однако топот послышался отчётливей, к залу станции приближались люди в клацающих металлом ботинках.

– За мной! – выдохнул Артём и одним движением перемахнул через турникет, уселся на разделяющую лестницы перегородку и съехал вниз на заднице, увёртываясь от стоек фонарей. Больше всего нервировал его тот факт, что в метро горел свет! Хотя, возможно, диспетчеры электростанции, снабжающей Москву энергией, ещё не знали, что город пуст, и продолжали поддерживать в сети нормальное напряжение.

Ценой нескольких ушибов им удалось скатиться вниз, почти не поднимая шума, но останавливаться было нельзя, звуки шагов слышались уже над головой, и Артём бросился к тоннелю метро, понимая, что выхода у них нет. Преследователи знали, что они здесь, и собирались, видимо, прочесать всю станцию.

Электропоезд стоял у перрона, двери его были закрыты, в вагонах горел свет, однако людей и здесь не было видно, и Артём снова поразился отсутствию толпы и шума, сопутствующего беспокойной жизни станций метро. У него было такое ощущение, что люди вот-вот появятся, мир вернётся к привычной жизни, все вокруг двинется с места, а он очнётся от странного сна, чтобы посмеяться над своими видениями и страхами. Но тишина нарушалась лишь звуками его шагов и топотом на лестницах эскалатора, пол казался твёрдым и неподатливым, корпуса вагонов железными, стены мраморными, в глазах ничего не двоилось, и Артём, преодолев приступ обессиливающих сомнений в собственной нормальности, спрыгнул на рельсы впереди электропоезда. Его неожиданный спутник оказался на рельсах секундой позже, и они бросились в глубину тоннеля, поминутно ожидая окрика или выстрела в спину.

Но убежать успели недалеко, метров на двести. Интуиция заставила Артёма остановиться и метнуться в темноту ниши с противопожарным инвентарём. Мужчина присоединился к нему, и тотчас же сзади в свете фонаря на своде тоннеля показались преследователи.

Их было шестеро, все высокие, массивные, в камуфляже, с особыми шлемами на головах, и Артём снова усомнился в словах спутника, что преследователи – пришельцы, уж очень они походили на обыкновенных спецназовцев в боевых оперативных комбинезонах. Однако, во-первых, оружие в их руках никак нельзя было назвать обыкновенным, огнестрельным или каким-нибудь иным: в руках «спецназовцы» держали чёрные дубины с чем-то вроде светящихся стеклянных ананасов вместо утолщений, а во-вторых, бежали они совершенно не по-человечески, выгибая ноги не в коленях, а сразу в двух местах и в разные стороны. Вдобавок ко всему ботинки на них были какие-то плоские, как огромные толстые ласты, ну, может, чуть покороче, и при каждом шаге издавали металлический щелчок, напоминающий звук конской подковы о камень мостовой.

– Мать честная! – прошептал Артём. – Откуда свалились эти уроды?!

– Можно рыть могилы, – почти спокойно отозвался мужчина, начиная дрожать мелкой дрожью. – В живых ойги никого не оставляют. Свидетели перемещения им не нужны.

– Ну уж хрена с два! – оскалился инструктор. – Это мы ещё посмотрим, кому придётся рыть могилы. Что у них в руках?

– Метатели каких-то энергетических капсул, каждая взрывается, как граната, хотя и без осколков, но в радиусе трёх метров все исчезает. Так они убили моего друга.

– Понятно. Жаль, что я не взял с собой пистолет. Тем не менее попробуем посражаться, чем Бог послал.

Артём снял со щита на стене ниши лом, протянул незнакомцу.

– Держи. Как только они приблизятся – бросишь лом как можно дальше от себя, в глубь тоннеля. Как тебя зовут?

– Эдуард Александрович... Эдик.

– Меня Артём. Женат?

Мужчина несколько успокоился, перестал дрожать.

– Был женат, дочка Ася, жена Марина... все уже там...

– Где?

– Где все, – криво усмехнулся Эдик.

– На том свете, что ли?

– Может быть, и на том, а может, и на этом, только на пару тысяч лет дальше, в будущем.

Артём посмотрел на спутника с состраданием, как на сумасшедшего, снял со щита топор с красной деревянной ручкой и баллон огнетушителя, оглядел фланец трубы с вентилем, к которому можно было в случае пожара присоединить шланг, и остался доволен. Можно было начинать свою маленькую войну с пришельцами, кто бы они ни были.

Улучив момент, когда шестёрка обследующих тоннель чужаков сблизилась для короткого совещания (идиоты, кто же это делает во время преследования?!), Артём метнулся в нишу напротив, где начинался так называемый «технический карман» метро, и скрылся в темноте. Потянулись секунды ожидания, отсчитываемые цокающими шлепками-шагами «спецназовцев», они наконец преодолели двести метров, явно не спеша с поисками беглецов, и наступил момент действия.

Послышался звон и лязг – это лом, брошенный Эдиком, закувыркался по рельсам и шпалам метропути, «спецназовцы» ответили дружным залпом из своих «метателей ананасных долек»: шесть голубых дымных струй прорезали воздух, шесть ослепительных вспышек разорвали полутьму тоннеля в двадцати шагах от спрятавшихся людей, и тоннель в этом месте увеличил диаметр на несколько метров. Исчезли рельсы, шпалы, тубинги стен, кабели и трубопроводы, исчезли фонари, крепления потолка, швеллеры бортовых конструкций вдоль тоннеля, исчезли десятки кубометров земли и камня, сквозь которые был проложен ствол метро. Стало гораздо темнее. И в миг, когда «спецназовцы» двинулись вперёд, среди них появился Артём, вооружённый топором и монтировкой, которую он обнаружил в нише технического обеспечения.

Этот бой вряд ли можно было взять за образец воинского искусства и тактического мастерства. Во всяком случае, обучая профи разведки, Артём не стал бы приводить его в пример, потому что для оперов Главного разведуправления всякий бой – это практически провал, агония, ошибка, неудача, акт отчаяния, все, что угодно, только не победа. Хотя драться, защищать свою жизнь они, конечно, должны были уметь. Бой же с преследователями, выглядевшими обыкновенными омовцами и одновременно неземными «кузнечиками» из фантастических романов, самому Артёму казался сном... Если бы не тоскливая реальность происходящего. Врагов было шестеро, он был один, и о жалости, красоте движения и прочих человеческих эмоциях и категориях речь не шла.

Первый удар – топором по шлему – показал, что пришельцы киборгами не являются и реагируют на внезапную атаку не лучше дико испуганных людей: не поняв, что произошло, они просто начали палить во все стороны, в том числе и друг в друга. Скорее всего, они не ожидали, что получат отпор.

Топор остался в голове завязавшегося в узел «спецназовца», и дальше Артём действовал монтировкой, в течение секунды разбив шлемы трём чужакам. Затем он свернул шею (хрустнуло, будто отломилась ледяная сосулька) четвёртому противнику, отобрал у него «ананас на палочке» и, взмахнув им, врезал пятому по шлему...

Бой закончился.

Шестеро пришельцев, дёргая конечностями, лежали на шпалах и рельсах, воняло дымом, сгоревшей изоляцией и уксусом, но всё перебивал запах озона. Из ниши выглянул ошалевший Эдик, приблизился, вытягивая шею и разглядывая поверженных преследователей, прохрипел вполголоса:

– Охренеть можно!.. Как это ты их?!

Артём молча собрал «ананасы» метателей зарядов, уничтожающих вещество.

– Пошли отсюда. Перекусить надо, отдохнуть и поговорить. Ты знаешь, откуда взялись эти монстры?

Эдик ответить не успел. В стороне станции послышались гул, металлические щелчки, голоса, звуки шагов, и Артём махнул приятелю рукой.

– За мной! Доберёмся до вентиляционного колодца – уцелеем.

К счастью, у преследователей не было собак, иначе беглецам пришлось бы туго. Новая группа «спецназовцев», прибывшая к месту боя, сразу принялась палить во все стороны, на малейший звук и шорох, на отблески огней и игру теней, уничтожив по крайней мере до десяти тысяч кубометров грунта вместе с кровлей тоннеля и стаю крыс в придачу, но добилась лишь того, что кровля, лишённая тубингового крепления, рухнула и едва не завалила самих стрелков.

Артём с Эдиком к этому времени были уже далеко от района сражения чужаков с собственным страхом. Им удалось добежать до колодца, ведущего вверх, и выбраться из системы подземных коммуникаций метро в трубопровод канализации, откуда они попали в один из дворов Вознесенского переулка. Передохнув пару минут, прислушиваясь к небывалой тишине города, от которой шевелились волосы на голове и замирало сердце, они со всеми предосторожностями посетили продуктовый магазин на углу Большой Никитской и Хлыновского переулка и устроились в одной из пустых квартир неподалёку для отдыха и обсуждения создавшегося положения.

– А теперь выкладывай всё, что знаешь, – сказал Артём, обойдя квартиру и возвращаясь с острым самодельным ножом, который он обнаружил на кухне.

Эдуард, смывший с лица кровь и оказавшийся не только блондином, но и альбиносом, уселся в кресло с целым стаканом коньяка, половину которого тут же выпил, пьянея на глазах. Всё его лицо через верхнюю губу пересекал рваный шрам – от шеи слева до уха справа, под глазом багровела ссадина, на скуле виднелась фиолетовая гематома, и Артём невольно покачал головой:

– Эк тебе досталось!.. – Подошёл, отобрал стакан. – Сначала рассказывай, потом допьёшь.

– Всё равно не поверишь, – скорчил унылую гримасу Эдик. – Ты кто по профессии?

– Слесарь-гинеколог, – сострил Артём.

– Понятно, секрет. Судя по мордобою, ты из СОБРа или спецназа. Но от ойгов всё равно не уйдёшь, не спрячешься...

– Кто такие ойги?

– Хреноджемперы. – Глаза Эдика посоловели, он был готов отрубиться.

Артём шлёпнул его по щеке, встряхнул за ворот грязной рубашки.

– Говори толком! Что за хреноджемперы? Откуда они? Что вообще происходит в Москве? Где все люди?

– В Москве... – хихикнул Эдик, приходя в себя на короткое время. – Если бы только в Москве. А во всём мире не хочешь? Щас на всём шарике никого нет, кроме нас с тобой да сотен трёх перемещённых, как и мы. Эти разумные хорьки-ойги не в счёт. Они, видите ли, решили попользоваться готовеньким: переместили всё человечество на тысячи лет вперёд, а сами теперь переселятся в наше время из прошлого. И делают они так уже не в первый раз. Динозавры тоже были разумными, как и люди, а эти хорьки переместили их на миллионы лет вперёд, они все и загнулись в короткое время... от экологической несовместимости. Теперь наш черёд. – Эдик сплюнул. – Дай глотнуть.

– Успеешь. Если я тебя правильно понял, это не пришельцы? Не зелёные человечки с «летающих тарелок»?

– Ты молоток, быстро соображаешь. Ойги – пришельцы, но не из космоса, а из прошлого. Обыкновенные технологические паразиты, как говорил Славик Полянский... вечная ему память!.. Они умеют перемещаться во времени. Посылают вперёд команду, которая готовит переброс всех разумных существ вперёд, а сами приходят им на смену. На Земле никого нет и все есть, понимаешь? – Эдик снова хихикнул, язык его начал заплетаться. – Ни одной

живой души, ни одного человека, а ифасруксу... инфраструктура имеется. Этим резиноногим нужна была другая эпоха для заселения, где уже развита техника и наука. Воевать – это практически уничтожить всё, что построено, а вот если переместить всех людей в будущее... – Эдик потянулся к бутылке. – В горле пересохло, дай глоточек перед смертью. Последняя воля приговорённого – закон!..

Артём помотал головой, закрыв глаза, снова посмотрел на спутника, готового рухнуть и уснуть.

– Ты... спятил?!

– Сам дурак! – обиделся Эдик. – Я тебе – как на духу. Эти уроды подсоединились к мировой компьютерной сети, превратили её в генератор времени и – фьють! – Он резко взмахнул рукой и завалился на диван. – Все исчезли! Нема никого. Все в будущем. Может, на тысячу лет, может, на миллион... – Он повозился и лёг поудобней, не обращая внимания на мимику Артёма, ошеломлённого – он почему-то сразу в это поверил – известием.

– Откуда ты всё знаешь?!

– Я... работал... программистом... в институте... вместе со Славиком...

– И ты им помогал?!

– Как же им не помогать, ежели вся наша группа была запрограммирована... зомбирована... кроме Славика... он и меня научил, как освободиться... потом мы сбежали, а Славика они испарили, даже ботинок не осталось! – Эдик заплакал. – Трансклюировали, гады... и до нас доберутся... – Он зевнул и затих.

Артём очнулся, затормозил приятеля, дважды ударив его по щекам. Эдуард сморщился, начал отбиваться, еле разлепил слезящиеся глаза.

– Ну чего ты пристал? Видишь, человеку совсем плохо? Не бей... – Он приноровился лечь, но Артём плеснул ему в лицо воды, посадил прямо.

– Ну, хорошо, допустим, эти резиноногие ойги... это ты их так называешь или они сами?

– Сами они называют себя ойгохорьями, Славик переименовал их в хорьков-ойгов. Уже двадцать лет они сидят на Земле, в научных центрах, в каждом правительстве... Дай, говорю, глотнуть, а то умру!

– Допустим, ойги послали всё человечество в будущее... бред какой-то!.. Почему же мы с тобой остались?

– Есть люди с «белым» сознанием... ну, они могут переходить в такое состояние, когда их сознание не зависит от внешнего воздействия... торсионные поля в группе Ли-преобразований... ты не поймёшь...

– А ты объясни, чтобы я понял.

– Все люди передают и принимают пси-информацию с ускорением-замедлением скорости передачи, что, по сути, есть мысль, приём и передача информации с постоянной скоростью – свойство информационных тел, не обладающих мыслительной способностью. Улавливаешь?

– И что?

– У людей с «белым» сознанием возможно состояние, когда они не мыслят. Ты, очевидно, находился именно в таком состоянии, когда сработала группа временного преобразования всего информационного поля Земли – через компьютерные сети, между прочим... а ты в этот момент выпал из него...

– Я спал...

– Ну вот. Мы со Славиком тоже можем так «спать». Могли... Только они его убили и гонятся теперь за мной. – Эдик отобрал из руки Артёма бутылку, выдул её в три глотка и снова рухнул на диван. – Как только они подчистят территорию от таких, как мы, начнётся... – донеслось сквозь сопение.

– Что начнётся? – нагнулся к нему Артём.

– Заселение... – еле слышно ответил беглец.

Артём попытался его растормошить, но безуспешно. Эдик находился в полном отрубле. Артёму ничего не оставалось делать, как ждать, когда он очнётся.

Ждать пришлось четыре с лишним часа, практически до вечера. За это время Артём сделал вылазку за пределы квартала, дважды прятался от птицеголовых машин, шныряющих над улицами города, чуть не попал под облаву, устроенную «спецназовцами» на кузнечиковидных «резиновых» ногах, ушёл от неё через канализационный люк и выбрался из системы канализации в районе Большого Крымского моста, напротив Театра эстрады. Полюбовавшись на стены и башни Кремля по ту сторону реки, над которым также летали хищные «птичьи головы», чуть не взывший от безысходности (мать честная, да что же это творится на белом свете?!) Артём собрался было вылезти из люка, но одна из пролетавших над рекой машин засекала его, и Артёму пришлось проявить чудеса находчивости и скорости бега по трубам канализации, спасаясь от преследования, отчего он вернулся в квартиру со спящим Эдиком злым и воинственным, приняв решение начать партизанскую войну с хроноджамперами. Надо было лишь определить их уязвимое место, найти центр управления временным перемещением и вернуть людей обратно из будущего в родное время. Судя по действиям «спецназовцев», профессиональными бойцами и охотниками они не были, и с ними можно было сражаться на равных, несмотря на экипировку и вооружение.

Эдик ещё спал, но терпения подождать, когда он выспится, у Артёма не хватило, поэтому он применил испытанное народное средство: дотащил бесчувственное тело до ванной комнаты, раздел до пояса, впихнул в ванну и включил холодную воду. Через полчаса мычания, стонув, воплей, ругани, сменившихся членораздельной речью, Эдуард приобрёл более или менее живой вид, и Артём принялся выпытывать у бывшего компьютерщика, доктора физико-математических наук, как оказалось, подробности захвата Земли хронодиверсантами. После того как Эдик рассказал все, что знал, Артём сообщил ему план действий, на что физик отреагировал вполне естественным образом – покрутил пальцем у виска.

– Ты псих! У них же армия, а ты один!

– Во-первых, армия у них хоть и технически оснащённая, но не боевая, видно, что мужики не привыкли воевать по-серьёзному. Во-вторых, если я остался неперемещённым, то и другие такие же отыщутся, вот как ты, к примеру. И в-третьих, до переселения сюда ойгов осталось не так уж и много времени, так что выбора у нас всё равно нет.

– Я не умею...

– Зато всё про ойгов знаешь. А если ни на что не надеялся, зачем же тогда бежал от этих... хроножо... хроноджамперов?!

– Славик подбил... О долге говорил. Да пойми ты, нас мгновенно прихлопнут как мух, если мы высунемся. Видел, какая у них силища?!

– Фигня, – отмахнулся Артём. – Уэллса помнишь? Марсиане тоже хотели попользоваться готовеньким, да ничего у них не вышло.

– Так то ж фантастика...

– Фантастика отражает реальность. Ты что же думаешь, отсидишься здесь? Ойги в покое тебя не оставят, слуги им, судя по всему, не нужны.

– Всё равно не хочу, – буркнул Эдик, набычившись. – Так хоть пару дней лишних...

Артём сплюнул, с презрением оглядел его синее лицо.

– Хрен с тобой, я один пойду, скажи только, где находится их центр управления перемещением? Не в Кремле, случайно?

– Нет, – качнул головой Эдик, пряча глаза. – Генератором служит вся компьютерно-телефонно-электрическая система планеты; каждый провод, каждый компьютер – это проводник, а центр управления расположен на территории Курчатовского института.

– Ясно. Где именно?

– Улицу Максимова знаешь? Там проходная с часами, спуск под землю... Ты что, всерьёз собираешься гробануть центр управления?! Это же самоубийство!

– Сначала попробую крутануть генератор назад, чтобы вернуть людей обратно. Мне терять нечего. Прощай, непременный, не встретимся уже, наверно.

Артём деловито сложил в найденную в шкафу сумку отобранное у «спецназовцев» оружие, переделся в рубашку и джинсы, найденные в спальне, и пошёл к двери, не обращая внимания на сгорбившегося на диване Эдуарда. Потом вернулся:

– Случайно не знаешь, как пользоваться этой дубиной? – Он показал на стреляющий дольками «ананас» на рукояти. – Ни курка, ни дула...

– Для этого нужен шлем...

– Чёрт! Что же ты не предупредил? Мы бы сразу взяли парочку у тех, в тоннеле. Теперь вот придётся охотиться за шлемом. Ладно, разберусь.

Он вышел из квартиры. Наступившая тишина показалась оставшемуся Эдику оглушительной.

– погоди! – бросился он за Артёмом, догоняя его на лестничной площадке. – Я тебе хотел сказать...

– У меня мало времени, – бросил через плечо Артём, продолжая спускаться.

– Я хотел сказать... я с тобой!

Артём остановился, медленно поворачиваясь, недоверчиво оглядел бывшего программиста с ног до головы, усмехнулся.

– Не пожалеешь? Не на прогулку идём.

Эдик криво улыбнулся в ответ.

– Как говорил Панург: как бы ты ни поступил, всё равно будешь жалеть об этом. Дай мне один метатель. Уверенней себя чувствуешь, когда в руках оружие.

Артём поколебался немного, потом протянул напарнику «ананас» на рукояти, хлопнул его по плечу и, не оглядываясь, направился вниз по лестнице, не сомневаясь в своём выборе. Сомнение в его понимании никогда не являлось мерой ценности. Единственная же ценность, которая стоила жизни, называлась свободой...

– Верните его, – сказал пожилой лысоватый мужчина в голубом халате, глядя на лежащее на специальном столе тело человека, на запястьях и лодыжках которого были надеты браслеты, а на голове необычной формы шлем.

– Он нам подходит, – сказал второй мужчина в таком же халате, но моложе, со шрамом на щеке. – Вводную он воспринял нормально. Я боялся, что у него поедет крыша.

– У кого хочешь поедет, – угрюмо бросил лысый. – Вряд ли он обрадуется, когда узнает, что действительность ничуть не лучше его виртуальной реальности с хроноджамперами.

Он махнул рукой, подзывая медсестру.

– Начинайте брейнсорбцию.

Мужчины вышли из палаты без единого окна, пересекли коридор, поднялись в лифте на два этажа выше и вошли в комнату, занятую компьютерным комплексом и десятком устройств с разнокалиберными экранами, за пультами управления которых сидели люди в халатах, но уже не в голубых, а в серых и со шлемами на головах. Прибывшие тоже надели шлемы, подошли к столу, за которым сидел седой старик с худым измождённым лицом. Халат на нём был белый.

– Команда практически готова, – сказал мужчина со шрамом. – Защита им не нужна. Можем посылать хоть завтра.

Старик молча кивнул, трогая клавишу на пульте компьютера.

Картинка на экране изменилась. На фоне мрака космического пространства стала видна Земля, опутанная сетью линий спутниковой связи. Начала приближаться, словно съёмка велась с борта совершающего посадку космического корабля, превратилась в плоскость, на

которой появился город и стал увеличиваться, расти, пока не закрыл весь экран. Стала видна извилистая петля реки, кварталы, купола церквей, красивый комплекс старинных зданий, обнесённый зубчатой стеной, в котором угадывался Московский Кремль. Все здания города соединялись пульсирующими светящимися линиями, которые соединялись на северо-западе в яркий светящийся узел. Фокус зрения телекамеры чуть сместился, и стали видны движущиеся по тротуарам потоки людей, а по улицам – потоки машин. Ничего удивительного, обычная картина живого города. Но вот камера опустилась ниже, и стали видны лица прохожих – с бездумными невидящими глазами, пустые, без единой улыбки или гримасы. Это были лица мертвецов!

– Наше будущее, – тихо сказал старик.

Над головой послышались далёкие гулкие удары: тумм-тумм-тумм, от которых начали вздрагивать стены и пол комнаты, замигали экраны, потом раздался короткий грохот, и все стихло.

Один из операторов сделал успокаивающий жест в ответ на взгляды старика и мужчин в голубых халатах.

– Ничего страшного, какой-то хакер пытался взломать нашу защиту, мы его завернули в вату.

Мужчины снова повернулись к экрану компьютера. Старик пробежал пальцами по клавиатуре, вид на город с высоты птичьего полёта исчез, появилась труба канализации, по которой брели шестеро в пятнистых комбинезонах, вооружённые с головы до ног.

– Они понимают свою задачу? – спросил старик.

– Так точно, – ответил молодой со шрамом. – Выйти из игрового поля и уничтожить программатор, запустив в него вирус.

– Идите, готовьтесь к выходу.

Молодой козырнул и вышел.

Старик посмотрел на пожилого, устало размял лицо ладонью.

– Как ты думаешь, психика этого парня, Артёма Бойцова, выдержит, когда он узнает, что все мы – живые биокomпьютеры – объединены в один колоссальный сверхкомпьютер?

– Судя по тесту, выдержит, – кивнул после паузы лысый. – Сложнее будет воспринять другой уровень правды, что он сам и мы, такие же, как он, являемся всего лишь своеобразным самостоятельным файлом внутри этого компьютера. Единственным пока ещё свободным файлом. Если мы не поторопимся с уничтожением программатора, то есть сети Интернет, запустив в него наш вирус, живых людей на Земле скоро не останется. На ней будет жить очень большой компьютер-термитник, играющий людьми, подчиняющийся дьяволу, которого мы же сами и создали...

1999 год

Переворот

Эти люди не знали, что передают и кому, а некоторые из них вообще не были посвящены в тайну процесса передачи. В их задачу входило «обслуживание» передатчика и приёмника. Главное – сохранить ретранслируемые «пакеты» знаний неискажёнными. За исполнение функций ретранслятора они получали неплохое вознаграждение: здоровье, долголетие, благополучие, достаток, моральное удовлетворение... Но случались и накладки...

Константин Алексеевич Лемехов осведомлённостью не тяготился и шёл по жизни уверенно: окончил университет и стал юристом, в наследство ему досталась трёхкомнатная квартира, ему легко удалось пережить период ломки государственного строя и в двадцать восемь лет стать преуспевающим адвокатом. И, наконец, Константин был очень здоровым и сильным человеком, способным ломать пальцами гвозди и подковы.

И ещё он был посвящённым второго уровня – принципалом, то есть человеком, соблюдающим принципы, который знал об истинном предназначении разумных существ больше других. Посвящение произошло в двадцать один год. Сначала он стал слышать голос, а потом видеть странные сны, большинство которых не помнил, но точно знал, что это – информация не для него.

Беда пришла неожиданно: что-то случилось там, в горних высях, откуда по незримому лучу приходили сигналы и куда потом уходили, после усиления в «генераторе», коим служила голова Лемехова. В результате он впервые в жизни запомнил удивительный яркий сон. Константин мчался сквозь пустоту и мрак космоса, пока не вонзился в сияющую сферу, которая развернулась в планету.

Он приземлился на берегу неширокой прозрачной реки. За спиной начинался угрюмоватый лес, другой берег был выше, и над ним возносился частокол жутких статуй. Здесь были драконы с почти человеческими головами, гигантские полульвы-полулягушки, ягуары со слоновьими ногами и кошмарные твари, не похожие ни на одно живое существо. Но самым высоким среди них было каменное изображение лемура с умными, словно живыми, глазами, взиравшего на статуи пониже с видом утомлённого полководца.

И вдруг эта каменная скульптура ожила и повернула голову. Затем протянула через реку длинную лапу, покрытую блестящей серо-седой шерстью, и раскрыла почти человеческой формы ладонь, на которой лежал мерцающий кристалл с мигающей сиреневой искрой внутри.

– Передай преемникам, – гулко пророкотала «статуя» лемура.

Константин, не спрашивая ни о чём, взял кристалл, превратившийся вдруг в мохнатого таракана. В данный момент он знал, что это за «таракан» и кому предназначена информация.

В следующий миг его подхватила неведомая сила и унесла в космос. Сон закончился. Когда Константин проснулся, то обнаружил, что знает, что именно должен был передать «преемникам». Это был массив информации о готовящемся на Земле «биологическом перевороте». Человек должен был исчезнуть как господствующий вид, а его место должен был занять другой разумный вид – насекомые.

И ещё одну интересную вещь осознал Лемехов: статуи на другом берегу реки в его сне означали программу смены цивилизаций на Земле. Гигант-лемур был очередным представителем господствующего вида. А за его спиной стоял незримый режиссёр, облик которого был так ужасен, что сознание отказывалось его воспринимать.

Лемехова прошиб холодный пот. Уснуть в эту ночь он так и не смог. Мозг то и дело включал развернувшийся в глубинах психики «кристалл» информации, перед глазами оживали картины будущей экспансии Земли, и душа Лемехова корчилась и сжималась от страха: гибель человечества была действительно запрограммирована.

Утром он автоматически сделал зарядку, позавтракал, попрощался с женой и поехал на работу. До обеда разбирался с делами, поражая коллег отсутствующим выражением лица. В конце концов плюнул на дела и поехал к отцу, заведовавшему в университете кафедрой лингвистики. Посоветоваться больше было не с кем, приятели и друзья едва ли поверили бы Лемехову.

Отец Константина, Алексей Петрович, профессор и доктор наук, выслушал сына внешне спокойно. Затем вызвал секретаршу, попросил приготовить кофе и посмотрел на сына из-под широких бровей.

– Ну, что? – криво улыбнулся Костя. – Я тебя шокировал?

– Почти что и нет, – качнул тяжёлой головой Алексей Петрович. – Я знал, что ты ретранслятор, потому что сам в своё время был им.

– Ты серьёзно?! Почему же никогда мне об этом не рассказывал?

– Ты был не готов. То, что ты узнал, к сожалению, правда. Человек слишком сильно вмешался в Природу, чтобы она позволила ему бесчинствовать и дальше. Хочешь, приведу статистику? Ежегодно на Земле площадь лесов сокращается на одиннадцать миллионов гектаров, теряется двадцать шесть миллиардов тонн плодородной почвы. В течение ближайших двадцати лет пятая часть всех живых видов исчезнет, парниковый эффект неизбежен, а потом – таяние ледников и подъём уровня морей. Ещё?

Константин молчал.

– Могу добавить, – продолжал старший Лемехов. – За короткий срок человек создал огромный запас токсичных веществ, из-за пестицидов и диоксинов постоянно увеличивается число детей с генетическими отклонениями, человечество радикально глупеет, особенно в индустриально развитых странах. Компенсаторные способности природы практически утрачены. Человека не спасут никакие новые технологии. Поэтому и прошла информация о смене разумного вида. Такие, какие есть, мы Природе не нужны.

– Вряд ли речь идёт о Природе, нами кто-то управляет... извне... я это почувствовал.

Взгляд Алексея Петровича стал острым.

– Ты видел Его?

– Кого ты имеешь в виду? Никого я не видел, я же говорю – почувял присутствие. И почему именно насекомые должны сменить человека?

– На Земле сменилось два десятка цивилизаций, и ни одна не смогла реализоваться этически. Новый виток эволюции не всегда отказывает в праве жить старым видам. Через сто лет мы исчезнем, и на сцену выйдет коллективный разум пчёл, ос, муравьев и комаров.

Константин усмехнулся, поёжился:

– Хорошо, что это будет только через сто лет. Но что делать сейчас?

– Прежде всего никому не рассказывай о том, что узнал. Если Там не спохватятся, всё останется на своих местах. Но если утечка информации обнаружится... Тебя нейтрализуют.

– Меня... убьют?

Алексей Петрович усмехнулся:

– Необязательно. Я ведь остался жив.

– Ты хочешь сказать...

– Я в своё время тоже получил несанкционированный доступ к секретной информации. Со мной поговорили, и я согласился не разглашать сведения. С тех пор я молчу.

– Па, ты терпеливый человек! Что же ты узнал? Не расскажешь?

– Может быть, позже, когда помирать буду. – Алексей Петрович засмеялся, потом посе- рьёзней. – Обещай молчать, как молчал я.

– Но мне никто не...

– Обещай!

Константин поёжился и нехотя кивнул.

– Хорошо, обещаю. Хотя не понимаю, что в этом секретного. Мне ж никто не поверит.
– Ты забыл об одном: силы, пересылающие знания через мозг ретрансляторов, принадлежат разным уровням разума, причём зачастую конкурентным. Если о полученном тобой файле узнают другие, тебя просто ликвидируют.

Константин вздрогнул.

– Ничего себе подарочек судьбы! На фига мне это? Я же не просил...

– Никто не просил, но свобода выбора не в наших руках. Эту свободу надо заработать.

Константин с интересом заглянул в глаза отца.

– Ты уже... заработал?

– Иди, мне надо подготовиться к встрече. Вечером поговорим.

Костя кивнул и вышел.

Два дня он крепился, пребывая в состоянии ступора, что было немедленно замечено женой и оценено как попытка скрыть увлечение другой женщиной. Загнанный в угол Константин плюнул и рассказал Лере всё, что знал. Рассказ на жену не произвёл впечатления, она обиделась и в тот же вечер уехала к маме в Уссурийск. А ночью к нему заявился гость.

Сначала Костя не понял, что его разбудило, – какой-то странный дребезжащий звук. Затем послышалось шуршание и шипение. Костя дёрнул за шнур торшера и увидел стоявшую на хвосте тройную змею. Это был ромбический гремучник, укус которого смертелен, а дребезжание создавал его хвост, состоящий из роговых чехликов.

Константин сунул руку под подушку, где у него лежал пистолет (он имел право носить оружие), и тут же отдёрнул: змея мгновенно выросла над краем кровати, угрожающе поводя из стороны в сторону ромбовидной головой. Костя замер. Мыслей не было, в душе гнезвился страх, а в ушах раздавался голос отца: «Тебя нейтрализуют... молчи... никому не говори...» Не надо было рассказывать жене, мелькнула запоздало трезвая мысль.

Раздалось шелестящее дребезжание, и Константин осознал, что это дребезжание складывается в подобие слов.

– С-с-слуш-ш-шай... – отчётливо прозвучало в ночи. – Мы с-с-сознаем... с-с-скоро с-с-собрерутс-ся с-с-обрат-тя... от-тдай с-с-с-знание... будеш-ш-шь ш-ш-шжить...

– Какое знание? – пискнул Константин.

– Ты вс-с-се с-с-сознаеш-ш-шь... с-с-сон... ш-ш-ш-жди... мы вернемс-с-ся...

Дребезжание прекратилось. Змея перестала гипнотизировать, струёй жидкого металла пересекла спальню и исчезла. Это не было ни бредом, ни сном. А главное, Костя понимал: змея представляла ту силу, которой информация не предназначалась, но которая была заинтересована в её получении.

Он поплёлся на кухню, включил свет и увидел на столе нечто вроде пупырчатого чёрно-коричневого подноса. «Вечно жена забывает прибрать», – подумал он и вдруг с омерзением понял, что идеальной формы «поднос» на самом деле скопище тараканов! И тут круг «подноса» распался, тараканы разбежались по столу и тут же собрались в новую конфигурацию. Константин ошеломлённо раскрыл рот: насекомые образовали слово «привет».

– Привет, – вслух проговорил он.

Тараканы сломали строй, засуетились и сложились в целую фразу: «Просим прощения. Получился сбой».

– Не понял... – выдавил Костя.

Новая перестановка.

«Тебе нельзя было делиться информацией».

– Я никому... только жене...

«Мы заберём информацию после достижения объёма».

– К-какого объёма?

«Объёма памяти эгрегора данного дома не хватает для перезаписи твоей информации мы соберёмся вместе жди».

– Вы хотите сказать, что все... э-э... тараканы соберутся у меня дома?! Сколько же вас будет?

«Полноценный эгрегор объединяет десять в двенадцатой степени ячеек памяти».

– Господи, биллион, что ли?!

«Жди мы собираемся ни с кем не контактируй иначе погибнешь».

– Я понимаю... Сколько вас ждать?

«Уже недолго ляг в постель вспоминай сон».

И Костя понял, что шансов выжить у него почти нет. В его памяти содержалась важная информация о том, как легко и просто уничтожить человечество. Эту информацию нельзя было передавать никому. Людям нужно было дать шанс.

В прихожей раздался звонок.

Костя вздрогнул, подумал: наверное, это отец, и пошёл открывать. Но это был не отец.

Дверь распахнулась от удара, в прихожую ворвались двое мужчин в одинаковых костюмах, с пистолетами в руках, оттёрли хозяина в кухню, один быстро осмотрел комнаты, вернулся и позвал кого-то с лестничной площадки:

– Заходите, Владислав Адамович.

В прихожую шагнул ещё один гость, невысокого роста, но очень широкий, с квадратным мясистым лицом и редкими волосами. Глаза у него были прозрачные, умные, мерцающие иронией.

– Здравствуйте, Константин Алексеевич, – сказал он негромко. Ворвавшиеся мужчины бесшумно испарились. – Поговорим?

– Проходите, – промямлил Костя, вспоминая, что у него под подушкой лежит пистолет. Они прошли в гостиную.

– А теперь выкладывайте всё, что знаете.

– Что я знаю?

– Не прикидывайтесь, вы принципал и знаете, о чём я говорю. Вы получили интенционал о некоем событии, мы хотим знать, что содержится в нём. Вопрос понятен?

– Понятен. – Костя вдруг заметил вползающую в комнату скользкую текучую струю: гремучник уже был здесь и привёл с собой свою «гвардию». – А если я откажусь?

– Мы всё равно добьёмся своего, а вы в лучшем случае станете идиотом. Подходит вам такая перспектива?

– Нет, – сжал челюсти Костя. – Кого вы представляете?

– Какое это имеет значение? Ну, скажем, конкурирующую структуру.

– Конкурирующую с кем?

Гость нахмурился и, почувствовав в голосе хозяина подозрительные нотки торжества, огляделся.

– Мы чего-то не учли, Константин Алексеевич? Что-то вы оживились.

– Вы многое не учли, – кивнул Лемехов, наблюдая краем глаза за передвижением змеи. – Например, вмешательства ещё одной конкурирующей структуры.

Гость сунул руку под мышку, но достать пистолет не успел: гремучник сделал выпад и укусил его в подбородок. Короткая агония, хрипы, конвульсии. Змей сполз на пол и застыл.

Константину стало плохо, мысли в голове бежали торопливо. Оставалось одно средство, гарантирующее срыв передачи тараканам или змеям полученной информации: самоубийство. Но хотелось жить!

– Там... на лестничной площадке... – сипло проговорил он, – двое других.

Змея остановилась напротив, заработала погремучка хвоста:

– Вс-с-се в порядке... они нейт-трализованы... мы с-с-собралис-сь...

– Вовремя вы собрались, – пробормотал Константин, и тут его посетила идея. Можно было попытаться натравить змей на тараканов. Пусть воюют. А он посмотрит, чем это всё закончится. Терять ему нечего, кроме жизни.

– Вас ждут ещё одни конкуренты, – сказал он, кивая на кухню.

Гремучник повернул голову в ту сторону. Он услышал шуршание прибывающих тараканов.

«С этого и началась великая битва двух ждущих своего часа царств: земноводных и насекомых. Вы знаете, чем она закончилась».

Поставив точку, Хмар-а-Птах подошёл к выходу из пещеры и с высоты обрыва посмотрел на реку, над которой металась стая молодняка. Пора было давать свисток на урок, начинался новый учебный год. Год третьего тысячелетия после Исхода – полного исчезновения змей, насекомых и людей. Год осознания Летучими Мышами своего великого предназначения.

2000 год

Земля. Век 21-й

Тематика рассказов этого раздела сборника более обширна, нежели предыдущего. Изменилась жизнь, изменился социум, путь развития человечества, изменились мораль, этика, политика, мои пристрастия и оценки происходящего. Многие стало не просто беспокоить, но злить и бесить, ибо социальный строй западной цивилизации в корне отличим от советского, русского, впитавшего, к великому сожалению, все пороки капитализма (кто бы что ни говорил!) и принёсшего неисчислимы бедствия нашему народу. На самом деле начался и продолжается не просто конфликт амбиций, властных структур и методов управления, идёт ВОЙНА цивилизаций – Русской и Западной, основанных на разных этических признаках! Весь мир живёт по Очень Большой Лжи – и мы это видим ежесекундно в Интернете и по ТiВи (точно так же, не отрицаю, живёт и наша нынешняя российская власть), и я не мог остаться в стороне и равнодушно наблюдать за уничтожением главного чувства в человеке – Совестью! Так возникали рассказы этических уравнений, отражающие моё негативное отношение к предателям всех мастей, рангов, властных структур и негодяев бизнеса, предающих свой народ. Хотя политика и психология в этих уравнениях не главное: главное – реакция моих героев на несправедливость и ложь, а в фокусе писательского интереса большое место занимают научные открытия. Рассказ «Неперемещённый» вообще стал началом цикла о диверсантах во времени. «Приговорённые к свету» предвосхитил цикл о научных убийцах, а «Новый уровень» – дилогию «Криптозой».

– Василий Головачёв

Приговорённые к свету

На этого молодого человека в безукоризненном тёмно-синем костюме обратили внимание многие посетители ресторана «Терпсихора», принадлежащего известному в прошлом певцу Алексею Мариничу. Ресторан открылся недавно, однако быстро снискал славу одного из самых модных мест тусовок московской богемы.

Молодой человек пришёл один, в половине восьмого, когда завсегдатаи ресторана ещё только начинали подтягиваться к началу ежевечерней программы: здесь часто выступали известные певцы, актёры и танцевальные группы, а иногда пел и сам хозяин, не утративший голоса и артистического обаяния. Обычно это случалось по просьбам присутствующих в конце недели, когда Маринич отдыхал в кругу близких друзей. Нынешним вечером он также собирался расслабиться в своём ресторане и спеть несколько песен в стиле ретро, что особенно ценилось женской половиной посетителей.

Юноша в синем костюме занял столик в хрустальном гроте, поближе к оркестровой раковине, где любил сидеть хозяин ресторана, заказал минеральную воду и стал ждать, разглядывая постепенно заполняющую зал публику. Он был довольно симпатичен, высок, много курил и явно нервничал, то и дело бросая взгляд на часы. К десяти вечера его нетерпение достигло апогея, хотя глаза оставались тёмными, полусонными, если не сказать мёртвыми, но волнение выдавали руки, ни на секунду не остающиеся в покое. Молодой человек барабанил пальцами по столу, перекадывал из кармана в карман зажигалку, расчёску, бумажник, платок, разглаживал скатерть на столе, поправлял галстук, стряхивал с костюма несуществующие пылинки, пил воду и в конце концов обратил на себя внимание официанта.

– Что-нибудь не так? – подошёл к нему метрдотель. – Вы кого-то ждёте, молодой человек?

Гость посмотрел на часы, сказал отрывисто:

– Ещё бутылку воды, пожалуйста. Скажите, а Алексей Артурович скоро начнёт выступление?

Метрдотель покачал головой.

– Сегодня он, к сожалению, выступать не будет, плохо себя чувствует. Так вы его ждёте?

– Н-нет, – глухо ответил молодой человек, стекленея глазами. – Где его... можно найти?

Мне с ним надо... поговорить...

– Что с вами? – обеспокоился пожилой метрдотель. – Вы побледнели. Вам плохо? Может быть, вызвать врача?

– Мне надо... встретиться с Алексеем Артуровичем Мариничем... немедленно...

– Ничем не могу помочь. – Метрдотель пошевелил пальцем, подзывая секьюрити ресторана. – Посодействуйте молодому человеку дойти до машины.

– Вы меня обманываете. Алексей Артурович должен сегодня... быть здесь... меня предупредили...

– Он заболел, – терпеливо сказал метрдотель, хмурясь. – Кто вас предупредил, что он должен выступать?

– Он всегда... в десять часов...

Метрдотель кивнул, отходя от столика.

Двое плотных парней в чёрных костюмах и бабочках подхватили юношу под руки и повели из зала, но не на улицу, а через служебный коридор на второй этаж здания, где у Маринича был кабинет и где располагались хозяйственные службы ресторана. В комнате охраны парни усадили молодого человека, порывающегося сопротивляться, на стул, и начальник охраны подошёл к нему вплотную.

– Обыскали?

– Так точно, Сергей Петрович, чист. Даже ножа нет.

- Зачем ты хочешь встретиться с Мариничем?
- Мне надо... это очень важно... его хотят...
- Ну?
- Его хотят... убить!
- Кто?
- Это я скажу ему... лично...
- Говори здесь, мы передадим.

Настенные часы в комнате тихо зазвонили, стрелки показали десять часов. В то же мгновение молодой человек вскочил, ударом ноги свалил начальника охраны, парня слева просто отшвырнул на пульт монитора телеконтроля, обнаружив недожиданную силу, сбил с ног второго охранника и выбежал в коридор. Секьюрити подхватились, бросились за ним, и тотчас же раздался взрыв.

Начальник охраны, встававший на четвереньки, успел заметить в открытую дверь, как тело беглеца вспыхнуло фиолетово-сиреневым светом и разлетелось струями огня во все стороны. Ударная волна разрушила половину коридора, часть помещений по обе его стороны, комнату охраны и снесла дверь в кабинет хозяина ресторана, но Маринич не пострадал. Он действительно чувствовал себя неважно и спускаться в зал не хотел, просто намеревался посидеть в кабинете с друзьями и предложить им, как он любил говорить, «продукты от кутюр».

Взрыв был такой силы, что вздрогнуло и зашаталось все старое семиэтажное здание сталинской постройки. К счастью, стены его были толстыми и крепкими, пострадал лишь второй этаж да рухнула часть потолочного перекрытия третьего этажа. Из четырёх охранников, дежуривших в тот злополучный вечер в спецкомнате контроля, уцелели двое, в том числе начальник службы секьюрити, который и рассказал прибывшим спецподразделениям о взорвавшем себя самоубийце, от которого остались лишь штiblеты, пуговицы да ключья костюма.

Слежку за собой Николай Александрович Зимятов, генерал-майор милиции, заместитель начальника ГУВД Москвы, заметил на другой день после взрыва в ресторане «Терпсихора». С его хозяином он был знаком давно, лет пятнадцать, они дружили семьями, ходили друг к другу в гости, встречались часто, а после того как Лёша Маринич стал бизнесменом и приобрёл ресторан, эти встречи и вовсе приобрели характер потребности, благо в ресторане встречаться было и удобно, и приятно.

В тот вечер Николай Александрович приехать к бывшему певцу на посиделки не смог, был с женой на даче, но утром, узнав о случившемся, примчался в Страстной переулок, где располагался ресторан, и застал Маринича в подавленном состоянии, уныло взиравшим на разруху в коридорах и залах своего детища, в которое вложил немалые средства.

После разговора с Алексеем Николай Александрович понял, что взрыв – не просто дело рук одной из преступных группировок, контролирующих ресторанный бизнес, а нечто другое. Маринич с мафией дела не имел, денег на ресторан ни у кого не одалживал – взял ссуду в банке, должен никому не был и собирался зарабатывать на жизнь честным путём, поэтому и ответил отказом представителям «частной охранной фирмы», предложившим «крышу». За немалые деньги, разумеется. Судя по взрыву, «охранникам» не понравилась самостоятельность новоиспечённого владельца ресторана, не повлияла на их решение и близость Маринича с генерал-майором милиции, и принадлежность публики ресторана к артистически-богемной среде, в которую входили известные артисты, певцы и музыканты. Взрыв показал, что Маринича хотели не припугнуть, а убрать, и решимость бандитов заставляла искать причины их такой уверенности и думать о наличии прикрытия группировки: эти люди (если можно было называть их людьми) никого не боялись.

И ещё один нюанс смущал Николая Александровича: характер взрыва. Если верить словам начальника охраны ресторана, исполнитель не имел при себе взрывного устройства и тем

не менее взорвался! Но даже если допустить, что его просто неумело обыскали, объяснить полное исчезновение исполнителя никаким взрывчатым веществом было невозможно. От исполнителя не осталось буквально ничего! Только ботинки, пуговицы и ключья костюма!

Поговорив с удручённым Мариничем, Николай Александрович пообещал разобраться с происшествием по своим каналам, позвонил в управление и вызвал эксперта, хотя в здании уже работала следственная группа МВД. Но у генерала были свои резоны. От взрыва за версту несло спецификой эксперимента, списать его на мафиозную разборку интуиция не позволяла. Прямо из кабинета Маринича Николай Александрович соединился с ФСБ, позвал к телефону давнего приятеля полковника Щербатова и поделился своими соображениями по поводу происшествия в ресторане. После этого он попытался успокоить Маринича, а когда вышел на Сре-тенку, почти сразу же заметил слежку.

Вели его классно, методом «терпеливой очереди», с применением постоянной радиосвязи, однако Николай Александрович работал в милиции тридцать с лишним лет и опыт оперативной работы имел достаточный, чтобы знать все секреты службы наружного наблюдения.

Его продолжали «пасти» и дальше, несмотря на то что ездил Николай Александрович на служебной «Волге» и мог привлечь к опознанию наблюдателей оперативную службу спецназовской «наружки». До вечера он дважды выезжал по делам в разные концы города и каждый раз обнаруживал слежку, хотя машины сопровождали его «Волгу» разные. В конце концов он не вытерпел и взял с собой на встречу с приятелем-чекистом машину оперативной поддержки, собираясь передать неизвестных наблюдателей в руки профессионалов. Однако с удивлением обнаружил, что никто за ним на этот раз не едет. Наблюдатели словно знали, когда можно «пасти» генерала, а когда нет, словно их заранее предупредили о принятых мерах.

Встречу ему полковник Щербатов назначил в кафе «Тихий омут» на Бережковской набережной, представлявшем собой нечто вроде катрана – места встреч высокопоставленных сотрудников спецслужб. Кафе принадлежало военной контрразведке и обслуживалось по высшему разряду, здесь можно было поговорить о делах и приятно провести время, поэтому оно никогда не пустовало.

Николай Александрович прогулялся вдоль узорчатой чугунной решётки парапета набережной, поглядывая на заходящее за рекой солнце, выслушал доклад старшего группы сопровождения, что всё чисто и спокойно, признаков «чужого внимания» не наблюдается, и отпустил машину. Затем увидел выходящего из такой же чёрной «Волги» на стоянке возле кафе полковника Щербатова с двумя телохранителями и направился через дорогу к нему. Дальнейшие события произошли в течение нескольких секунд.

Вышедший в это время из кафе пожилой мужчина в хорошем светлом костюме достал сигарету, двинулся через дорогу к набережной и, встретившись на полпути с Николаем Александровичем, попросил огоньку. Машин по данному участку набережной ходило мало, но всё же прикуривать посреди улицы было бы по крайней мере неосторожно, и генерал, задержавшись на мгновение, зашагал через дорогу дальше, не собираясь забирать зажигалку, и в тот же момент человек, попросивший огоньку, взорвался!

Взрыв был такой силы, что тело Николая Александровича взрывная волна отшвырнула на три десятка метров, вплющив в стену кафе. Чугунный парапет снесло в реку, две близстоящие машины перевернуло, а во всех домах, окружающих кафе, выбило стёкла.

Генерал скончался, не приходя в сознание, на руках у полковника Щербатова, тоже изрядно помятого и поцарапанного. От самоубийцы, взорвавшего себя на глазах двух десятков свидетелей, не осталось ничего.

Очередная бутылка из-под пива со звоном грохнулась на крышу подъезда, и Потапов наконец осерчал настолько, что решил тут же разобраться с любителями выпивать и выбрасывать бутылки из окна вниз ради забавы.

В этот шестнадцатизэтажный дом на улице Рогова он переехал недавно, полгода назад, когда умер отец, доктор химических наук, бывший завлаб Курчатовского института, и квартира досталась Потапову в наследство. С отцом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Горках, но мама такие встречи не одобряла, и Потапов сократил встречи с отцом до минимума, о чём сейчас жалел. Отец, по сути, был добрым человеком, а с матерью не ужился по причине увлечённости работой, отдавая ей (работе) все свободное время. Маме же хотелось, чтобы известный учёный-химик хотя бы изредка переставал быть исследовательской машиной и обращал бы на неё внимание чаще чем два раза в год – в день рождения и на Восьмое марта. Прожив с мужем двенадцать лет, она ушла от него и забрала сына, и Потапов вырос в Бибиреве, в однокомнатной квартирке на улице Плещеева. Он не удивился, когда после похорон отца их с мамой нашёл судебный исполнитель и прочитал завещание Потапова-старшего о передаче трёхкомнатной квартиры в Щукино в собственность сыну. Вскоре Потапов переехал на новое место жительства, разобрал старьё, которым была под завязку забита квартира отца, починил старую, но добротную, времён русского ренессанса, мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, не зависящим от квартирных условий.

Но ненадолго.

Сначала по вечерам в квартире над ним стали собираться молодые люди в возрасте от девятнадцати до двадцати двух лет, включая на полную мощь аудиоаппаратуру и не давая Потапову, да и соседям, естественно, отдыхать после трудового дня и спокойно спать. Длилось это безобразие с месяц, Потапов терпел, он и сам любил посидеть в компании друзей, хотя не так громко и скандально, потом в очередной загул компании в два часа ночи поднялся на третий этаж (сам он жил на втором) и мирно попытался объяснить молодым людям, что ведут они себя неправильно. Его слушать, разумеется, не стали, пообещали «набить морду», если он ещё раз «посягнёт на священное право человека отдыхать, как ему хочется», – парни, судя по всему, были начитанными, хотя и предельно инфантильными, – и Потапов рассвирепел. Драться, правда, с ними он не стал, хотя мог бы уложить всю компанию в течение нескольких секунд, а просто позвонил дежурному в управление, обрисовал ситуацию, и через полчаса к дому подкатил джип отдела с нарядом оперативников. Ребята были в чёрных спецкомбинезонах, с масками на головах, увешаны оружием, и глядеть на них было приятно. Ещё через несколько минут компания веселящихся «хозяев жизни» – пятеро парней и две девушки – сидела в машине и икала от страха, не понимая, что происходит, а Потапов пошёл спать. Потом ему рассказали, что девушек высадили возле отделения милиции, а парней отвезли за город и оставили в лесу, пригрозив в следующий раз всех «утопить в реке». С тех пор пьянки по ночам в квартире этажом выше прекратились. Зато кто-то начал регулярно сбрасывать на крышу подъезда пустые бутылки, банки, пластиковые пакеты и объедки, что в конце концов довело Потапова до белого каления, так как два окна квартиры выходили аккуратно на крышу подъезда и осколки бутылок изредка залетали на кухню в открытое окно. Вдобавок ко всему мусор вонял, и запахи летом бродили по квартире ещё те.

Вскоре он выяснил, что бросали бутылки с двенадцатого этажа снявшие там квартиру не то армяне, не то азербайджанцы. Связываться с ними не хотелось, но поскольку вызванный участковый сделать ничего не смог под предлогом, «не пойман – не вор», Потапов решил действовать сам, и как только тихим майским вечером раздался звон, поднялся на двенадцатый этаж.

Мише Потапову исполнилось недавно двадцать девять лет. Работал он в оперативном управлении антитеррора Федеральной службы безопасности под командованием полковника Щербатова. Служил в армии в десантных войсках, окончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал, увлёкся эзотерикой и даже женился – в двадцать один год, но прожил с молодой женой всего четыре месяца, после чего она погибла – утонула при

невыясненных обстоятельствах в Киргизии, на озере Иссык-Куль, куда поехала отдыхать с подругой. Потапов тогда поехать с ней не мог из-за экзаменов, он сдавал летнюю сессию. С тех пор жил один, лишь изредка позволяя себе короткие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой женщины, как Даша, он пока не встретил.

Нажимая кнопку звонка, Потапов вспомнил приговорку отца, которую тот любил повторять: одинаково опасно и безумному вручать меч, и бесчестному власть⁵, – подумал, что папа, безусловно, смотрел в корень, но меч всё же надо хотя бы изредка вынимать из ножен, чтобы лечить кое-какие социальные болезни, требующие хирургического вмешательства, и сказал в приоткрывшуюся дверь, в щель которой выглянуло мрачное смуглое усатое лицо «кавказской национальности»:

– Будьте так любезны, позовите хозяина.

– Я хазаин, – с акцентом ответило лицо.

– В таком случае прошу вас или ваших гостей больше бутылки вниз не бросать. Во избежание неприятностей.

– А ты кто? – поинтересовалось лицо, даже не озаботившись опровержением сказанного.

– Я живу на втором этаже, и мне очень не хочется, чтобы крыша подъезда превращалась в мусорку.

– Тогда иды к сэбэ, – буркнуло лицо, закрывая дверь, но Потапов сунул в щель носок туфли и постарался приятно улыбнуться.

– Не доходит? Или ваш ответ следует считать обещанием жить как люди, а не как свиньи?

Усатый посмотрел на ногу Потапова, позвал кого-то, дверь распахнулась шире, и на пороге вырос ещё один абориген, в спортивном трико, но уже не кавказской, а вполне славянской организации, которую обычно называют одним словом: бугай.

– Тебе чего, мужик?

Потапов снова попытался объяснить ситуацию, прислушиваясь к доносившимся из квартиры голосам: судя по всему, здесь обитала целая компания людей определённого склада, но достучаться до сознания бугая не смог, – для этого, очевидно, нужна была кувалда.

– Хошь жить – мотай отседа, и шоб боле не видал, – косноязычно сказал бугай с украинским акцентом. – Не покушайся. Хочем – бросаем, не хотим – не бросаем. Понял? – Он сделал ударение на последнем слогe. – Хошь, иди в милицию, тока потом не жалуйся.

– А без милиции никак нельзя обойтись? – скучным голосом проговорил Потапов, начиная тихо сатанеть. – Есть правила человеческого общежития, их надо соблюдать, вы не в пустыне и не в горах Кавказа живёте, кругом люди, и надо к ним относиться по...

– Пашел ты на..., законник! – махнул рукой бугай... и, охнув, согнулся пополам, держась руками за живот.

Потапов толкнул его в лоб, бугай осел громадным задом на разбросанную по всей прихожей обувь. Смуглолицый сожитель бугая резво отскочил назад, заорал, вынимая из штанов складной нож:

– Степан, Гейдар, сюда!

В прихожую выскочили в одних трусах и майках ещё двое мужиков, молодой и постарше, один русский, другой черноволосый, но оба с заросшими щетиной лицами и потому похожие друг на друга, как братья.

– Стоп, мужики! – поднял руки перед собой Потапов. – Я не драться пришёл, а ради справедливости. Вы не у себя дома, насколько я знаю, и шум вам ни к чему. Пообещайте жить

⁵ Пифагор.

тихо, как и все, не гадить в подъезде и на лестничной площадке, не кидать вниз бутылки и прочий мусор, и я мирно уйду.

– Мы сейчас тэбэ морду набием, – пообещал усатый, с беспокойством поглядывая на бугая, который всё ещё не мог отдышаться. – Или зарежем.

– Это, конечно, печальный вариант, но, боюсь, неосуществимый. Я законопослушный гражданин, а вы тут, судя по запаху, квартиранты. Стоит мне позвонить куда следует, и через два часа вас здесь не будет. Ну так как, граждане хорошие, устраивает вас такой расклад?

Мужики переглянулись, явно не зная, что делать дальше. Видимо, главарём у них был млеющий на полу бугай.

– Харашо, – мрачно сказал усатый, – иды к сэбэ, мы нэ будэм.

Потапов усмехнулся, оценив детский лепет кавказца.

– Спасибо на добром слове, орлы. Будьте здоровы. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Он повернулся, чтобы спуститься к себе на второй этаж, и в это время бугай с криком: «Убью, курва!» – бросился на него.

Потапов, не оборачиваясь, выставил назад локоть, дождался вопля: здоровяк нарвался на выпад, – крутанулся вокруг оси и ребром ладони нашёл толстую шею противника, так что тот отлетел назад в прихожую, упал и успокоился.

– Извините, я нечаянно, – сказал Потапов хладнокровно, кинув взгляд на остальных членов компании. – Руки иногда, знаете ли, чешутся, вот и приходится их... чесать.

Притихшая компания молча смотрела то на своего командира, то на Потапова, почувствовав его уверенность и силу.

Дома Михаила ждал сюрприз: звонок шефа.

Через полчаса он был в управлении, где уже собрались следопыты и охотники группы антитеррора «Антей», и полковник Щербатов хмуро сообщил всем о возникшей проблеме, связанной со взрывом в ресторане «Терпсихора» и убийством генерал-майора милиции Зимятова.

Проблема оказалась сложнее, чем полагало руководство управления. За три дня расследования не удалось выйти ни на исполнителей терактов, ни тем более на заказчиков. Мало того, в связи с тем, что на местах взрывов не нашлось ни малейших следов взрывчатки, проблема неожиданно сдвинулась в другую область – научно-техническую, и ею занялись научные консультанты и эксперты управления, усмотревшие во взрывах в ресторане «Терпсихора» и возле кафе «Тихий омут» физические процессы с «нелинейными характеристиками».

Во вторник Потапов, назначенный командиром оперативно-разыскной группы, встретился с руководителем экспертной бригады, доктором физико-математических наук полковником Трубецким в его кабинете, и тот поделился с ним своими соображениями.

– Взрывы подобного рода можно отнести к так называемым реакциям фотонного самораспада. Мы и раньше сталкивались со случаями самовозгорания людей, по разным причинам превращавшихся в объекты с нестабильной энергетикой из-за потерь биоэнергии и электромагнитных излучений, но в тех случаях люди просто сторали дотла, реакция протекала быстро, но не как цепная, со взрывом. Нынешние случаи – это уже новый тип подобных реакций. Кто-то научился инициировать биоэнергетические вспышки и использовать людей в качестве живых мин.

– Кто, по-вашему, это мог сделать?

Трубецкой, маленький, седой, подвижный, вечно занятый какими-то вычислениями, снял очки и близоруко посмотрел на собеседника.

– Если бы я знал, давно сообщил бы. Знаю только, что наши лаборатории такими вещами не занимаются, другого хватает. Но эган – очень интересная проблема, у меня у самого руки зачесались, я когда-то пытался делать расчёты энергопотоков с вакуумным возбуждением.

– Что такое эган?

– Эгоаннигиляция, сокращённо – эган. Обычно этим термином пользуются психологи, но к нашим случаям он тоже подходит.

– Значит, вы считаете, какая-то криминальная структура научилась использовать людей в качестве аннигилирующих взрывных устройств?

– Не обязательно криминальная, но очень мощная, имеющая соответствующую научно-техническую базу.

– Оборонка? А не может быть другого решения? Скажем, новый тип взрывчатки, не оставляющей следов...

– Молодой человек, – Трубецкой протёр и водрузил очки на нос, – никакой тип взрывчатки принципиально не может уничтожить объект таким образом, что от него не остаётся ничего! Даже пыли! Люди исчезли, понимаете? Испарились, аннигилировали. И в связи с этим возникает ещё одна интересная сопутствующая загадка – проблема зомбирования. В обоих случаях люди были запрограммированы на самоуничтожение. Господину Мариничу повезло, что он остался жив. Видимо, тот, кто посылал к нему смертника-камикадзе, был на сто процентов уверен, что Маринич будет в тот вечер выступать. Ищите наводчика или же самого заказчика среди друзей певца.

– Спасибо за совет, Вадим Сергеевич, – поблагодарил эксперта Потапов. – Наверное, вы правы. Но меня смущает ещё одно обстоятельство: демонстративность терактов. Организатор не побоялся раскрыть свои карты, наоборот, как бы заявил о себе: смотрите, чем я владею! Почему? Зачем ему огласка?

– Не имею понятия, – покачал головой Трубецкой. – Может быть, он собирается шантажировать силовые структуры, или правительство, или ещё кого-нибудь. Но уверяю вас, так государственные конторы не поступают, они экспериментируют тихо, тайно и свидетелей не оставляют.

– Это я знаю, – задумчиво кивнул Потапов.

До конца дня удалось выйти на след частной охранной фирмы «Аргус», представители которой приходили к Мариничу перед появлением «живой мины», Потапов наметил план действий, доложил Щербатову о проделанной работе и вечером отправился в ресторан «Терсихора», чтобы поговорить с владельцем о его связях с генералом Зимятовым, а также о друзьях и приятелях певца. Версия Трубецкого о том, что заказчик или в крайнем случае наводчик террористов находится среди них, имела право на разработку.

Ресторан уже работал по полной программе. Оба его зала, хрустальный и бархатный, к десяти часам вечера были заполнены почти до отказа, и Потапову пришлось ждать, пока ему найдут место за столиком в хрустальном зале, за тонкой стеклянной колонной, изображавшей пальму. Здесь уже сидел какой-то небрежно одетый в фиолетовый, в полоску, немодный костюм, зелёную рубашку с расстёгнутым воротом, съехавший набок бордовый галстук времён Брежнева, седой старик и цедил пиво. На приветствие Потапова он не ответил, только посмотрел вскользь и отвернулся. Потапов проследил за его взглядом и увидел за столиком у стены пару: молодого человека боксёрского вида с неприятным лицом рэкетира и бандита и красивую девушку-брюнетку, слушавшую своего соседа со сдвинутыми бровями и пылающим лицом. Короткое чёрное платье приподнялось и очень сильно открыло её красивые стройные ноги, но девушка ничего не замечала, видимо, занятая ссорой, и всё время порывалась уйти, но собеседник останавливал её и продолжал что-то доказывать.

Посидев с полчаса, но так и не дождавшись развязки этой беседы, Потапов поднялся на второй этаж здания, коридор которого был уже отремонтирован, показал охраннику удостоверение и вошёл в кабинет хозяина ресторана.

Беседа с Мариничем не заняла много времени. Приятелей у бывшего певца было невероятное количество, особенно в артистической среде и шоу-бизнесе, а вот друзьями он считал

немногих. Потапов записал разговор на плёнку, втайне от собеседника, разумеется, отметил три фамилии, за которые зацепилось внимание, и распрощался с Мариничем, всё ещё чувствуя себя не в своей тарелке. Проходя через зал, он отметил отсутствие красивой незнакомки и её неприятного кавалера, посочувствовал старику в фиолетовом костюме, на которого она произвела, судя по всему, неизгладимое впечатление, и вышел на улицу. А садясь в свою машину, заметил не совсем обычную сцену, в которой участвовала та самая брюнетка из ресторана в коротком чёрном платье.

Очевидно, это был уже финал ссоры, начавшейся в зале ресторана. Девушка сбросила с плеча руку молодого человека с повадками и внешностью гангстера, быстро пошла со стоянки на улицу, но тот догнал её, схватил за руку, дёрнул к себе. Девушка снова вырвала руку, но парень вцепился в неё, заломил ей руку за спину так, что она вскрикнула, потащил к белому «Мерседесу», где сидели ещё двое молодых людей. Дверца открылась, парень начал заталкивать девушку в кабину, она снова вскрикнула, отбиваясь, и Потапов решил вмешаться.

Подойдя к молодому человеку сзади, он тронул его за шею особым образом, и у того сразу онемела рука, выкручивающая локоть подруги. Девушка вырвалась, отскочила, но её перехватил вылезший из «Мерседеса» крутоплечий отрок с короткой стрижкой, точнее, почти наголо обритый, с небольшим чубчиком над узким и невысоким лбом. Парень, заталкивающий девушку в машину, оглянулся, глаза у него были светлые, бешеные, с еле заметными точками зрачков. Такие глаза обычно бывают у наркоманов, принявших дозу.

– Тебе чего, козёл?

Потапов глянул на девушку.

– Извините, что вмешиваюсь, но они ведут себя не очень прилично. Если хотите, я отвезу вас домой.

Девушка, закусив пунцовую губу, кивнула. С румянцем на щеках, с большими чуть раскосыми глазами, в которых стояли слёзы, она была необычайно хороша, и Потапов даже позабыл тем, кто с ней был знаком.

– Вали отсюда, козёл, пока жив! – опомнился «гангстер», сунул левую руку под полу пиджака, и Потапов ткнул его большим пальцем в шею, не желая начинать «показательные выступления по рукопашному бою». Затем, не останавливаясь, ударил ногой по дверце «Мерседеса», отбрасывая на сиденье начавшего вылезать водителя, хлопнул по ушам спортсмена с чубчиком, нанёс ему мгновенный, незаметный со стороны удар сгибом указательного пальца в ямку за ухом – так называемый кокэн, и поддержал девушку под локоть.

– Пойдёмте, вон моя машина стоит.

Девушка расширенными глазами глянула на своих приятелей, один из которых сполз на асфальт, держась за уши, а второй уже сидел у машины спиной к колесу, перевела взгляд на Потапова и, вырвав руку, торопливо пошла прочь.

Михаил пожал плечами, уже жалея, что ввязался в эту историю, побрёл к своему «Лексусу», глядя на исчезающую за углом стройную фигурку, оглянулся, услышав щелчок дверцы: это вылез шофёр «Мерседеса», такой же накачанный, как и его приятели, с цепью на шее и массивными перстнями на пальцах обеих рук.

– Эй ты, придурок! – прошипел он, держа руку под мышкой, где у него, судя по всему, был спрятан в кобуре пистолет. – Ты на кого наехал? Мы же тебя в грязь превратим, смерть лёгкой покажется...

Лёгкая смерть – это ещё одна маленькая радость жизни, вспомнил Потапов чей-то афоризм, молча метнул в парня расчёску и, пока тот уклонялся и вынимал оружие, в прыжке достал его ногой. Водитель перелетел через капот «Мерседеса», роняя пистолет, исчез в кустах под решёткой забора. Потапов сел в машину и выехал со стоянки рядом с рестораном. Он не заметил, что, кроме прохожих, свидетелей короткой потасовки, его проводила пара внимательных

глаз, принадлежавших старику в фиолетовом костюме и зелёной рубашке, с бордовым галстуком, повязанным нарочито небрежно и сдвинутым набок.

Девушку в чёрном платье, которую Михаил освободил от компании крутых парней, Потапов увидел стоящей на следующем перекрёстке. Подъехал, открыл дверцу:

– Боюсь показаться назойливым, но вам всё-таки стоит побыстрей уехать отсюда, ваши знакомые сейчас очухаются. Садитесь и не бойтесь, я не из их компании.

Девушка оглянулась, прикусила губу, затем тряхнула головой и села в кабину «Лексуса» рядом с Михаилом.

– Улица Рогова, если можно. Знаете, где это? Район Щукино.

Потапов невольно присвистнул.

– В чём дело? – повернула она к нему красивую головку с короткой, но очень оригинальной причёской.

– Мы с вами соседи, я тоже обитаю на Рогова.

Девушка пожалала плечами, забилась в уголок сиденья и притихла, глядя перед собой остановившимися глазами. Она всё ещё переживала свой конфликт с молодыми людьми, показавшими себя далеко не с лучшей стороны.

– Как вас зовут?

– Дарья, – безучастно ответила она.

– А меня Михаил. – Потапов внутренне поёжился. Дарьей когда-то звали его жену. Желание разговорить спутницу, как-то утешить прошло. Но всё же он не мог не предложить свои услуги в качестве телохранителя, чтобы не показаться невежливым. – Чего они от вас хотели? Я заметил вас ещё в ресторане, вы сидели неподалёку...

– Это личное, – тем же тоном отозвалась Дарья.

– Может быть, нужна помощь? Я бы мог поговорить с ними...

– Спасибо, не стоит. – Девушка очнулась, в глазах её зажглись иронические огоньки. – Вы очень любезны. Высадите меня здесь, пожалуйста.

– Но мы ещё не доехали.

– Я выйду.

Потапов остановил машину на площади Курчатова, девушка открыла дверцу и выскользнула из кабины.

– Возьмите мой телефон на всякий случай, – протянул он ей клочок бумаги с номером. – Может быть, пригодится.

Дарья молча захлопнула дверцу, двинулась прочь по тротуару, но потом вдруг вернулась и взяла записку.

– Извините, вы ни в чём не виноваты. Я позвоню... если понадобится ваша помощь.

Повернувшись, она быстро пошла по направлению к метро. Потапов, обрадованный таким поворотом событий, проводил её взглядом и тронул «Лексус» с места. Через пять минут он был дома. Размышляя о превратностях судьбы, о своих отношениях со слабым полом, о невезении вообще и о случайных знакомствах в частности, принял душ, заварил чай и уселся в гостиной перед телевизором, но покайфовать не успел: раздался телефонный звонок.

Звонил Боря Липягин, старлей, старший розыскник команды.

– Мы тут потянули ниточку, Петрович. Охранная фирма «Аргус» связана с какой-то крутой конторой под вывеской «Агропромышленная компания «Восток», расположенной на территории Тимирязевской сельхозакадемии. Мы пробовали подойти поближе, но не смогли: серьёзная охрана, фейс-контроль, телекамеры, собаки. Однако самое интересное, что компания с таким названием нигде не зарегистрирована.

– Действительно, интересный факт, – согласился Потапов. – Не светитесь там, спугнуть можете, если это те, кто нам нужен. Я покопаюсь в комп-сетях, может, отыщу что, тогда и возьмёмся за «Восток».

– Я сам могу погулять по серверам силовиков.

– Добро, начинай, утром поговорим.

Липягин повесил трубку.

Потапов снова уселся перед телевизором, вспоминая облик новой знакомой по имени Дарья, пожалел, что не взял номер её телефона, попытался представить причину её конфликта с коротко стриженными мордоротами, похожими не то на рэкетиров, не то на телохранителей какого-то крутого «нового русского», и в это время снова зазвонил телефон.

– Быстро на Пятницкую, дом десять, квартира двадцать два, майор! – прогундосил в трубке голос Щербатова. – Одна нога здесь, другая там.

– Что случилось? – подобрался Михаил.

– Только что в отделение милиции позвонил депутат Госдумы Ноздренко, утверждает, что два дня назад его захватили какие-то люди, продержали в подвале, потом пропустили через какую-то установку наподобие рентгеновской, отчего ночью у него стали светиться ногти, затем под гипнозом внушили явиться на утреннее заседание и поздороваться за руку со спикером Думы. Но он сбежал и теперь прячется у знакомого на Пятницкой. Улавливаешь?

– С какого боку присоединить к нашему расследованию депутата Ноздренко? – осторожно спросил Потапов.

– Ты разговаривал с Трубецким?

– Понял, – после недолгого молчания сказал Потапов. – Вы считаете, это новый заминированный? Как же ему удалось сбежать из столь мощной организации, имеющей аппаратуру гипноза и обработки?

– Не знаю, может, у него «белая» реакция на внушение: человек подчиняется гипнозу, но помнит при этом всё, что ему внушили. Я уже послал туда оперов Богданца, выезжай.

Потапов за минуту переоделся, сунул в наплечную кобуру пистолет и выскочил из дома. Через полчаса он был на Пятницкой. Но, как выяснилось, опоздал.

В арке дома номер десять толпился народ, оттесняемый парнями в камуфляже, тут же стояли две милицейские и пожарная машины. А в узеньком треугольном дворике, носящем явные следы взрыва: два автомобиля смяты в лепёшку боковым ударом, в двух других не уцелело ни одного стекла, в окнах невысоких двухэтажных домиков, образующих со стеной арки треугольный дворик, также повывлетали все стёкла, – урчала мотором машина «Скорой помощи», в чрево которой люди в белых халатах грузили носилки с лежащим на них окровавленным мужчиной.

– Кто это? – подошёл Потапов к хмурому капитану милиции, командующему следственной бригадой.

– А вас кто сюда пропустил? – буркнул тот.

Михаил показал ему удостоверение, увидел входящих во двор оперативников Щербатова во главе с майором Богданцом, подозвал их движением руки.

– Сворачивайте свою службу, это дело переходит в нашу компетенцию.

– Я попросил бы вас не... – начал капитан, но Потапов уже отошёл, кивнув Богданцу, чтобы тот начинал процедуру приёма дела, приблизился к следователю, допрашивающему свидетелей.

– Спасибо за помощь, вы свободны.

Следователь, пожилой, невысокого роста, с бледным одутловатым лицом, поглядел на своего командира, пожал плечами и спрятал в карман блокнот. Потапов оглядел свидетелей: двух девушек и пожилого толстяка в шляпе, – попросил их повторить, что они рассказывали следователю, и понял, что приехал сюда не зря. Судя по всему, здесь только что произошло самоуничтожение «фотонного» человека.

Со слов свидетелей, картина получалась следующая.

Двое мужчин, один из которых, судя по описанию, и был депутатом Ноздренко, стояли во дворе дома возле мусорного бака и курили. Потом к ним подошёл молодой человек в светлом плаще, что-то сказал и бросился бежать. А через несколько секунд раздался взрыв.

От мужчины, похожего по описанию на Ноздренко, не осталось ровным счётом ничего, а его собеседника ударная волна перенесла через весь двор и впечатала в дверь двухэтажного особняка с десятком разных контор, работающих в дневное время.

Взрыв, по словам свидетелей, сопровождался яркой, словно от электросварки, вспышкой. Девушек, пересекавших дворик, спасло то, что они в этот момент находились в тени высокого джипа, а старик-свидетель, вероятнее всего бомж, нагнулся за пустой бутылкой у стены арки и отделался шишкой на голове, когда его швырнуло к стене.

Подъехавший спустя четверть часа Щербатов выслушал Потапова, обошёл дворик и уехал, озабоченный и чем-то расстроенный. Обсуждать случившееся он не стал, сказал только, что ждёт майора с докладом к обеду следующего дня.

Потапов дождался появления Липягина, они поговорили со следопытами Богданца, полюбовались на туфли и клочки серой материи – всё, что осталось от депутата, и разъехались по домам. Спать Михаил лёг лишь в третьем часу ночи.

Следующий день выдался чрезвычайно хлопотливым.

Потапов встретился с двумя десятками людей, в том числе с Трубецким и ещё одним специалистом-физиком, занимающимся биоэнергетикой и теорией полевых взаимодействий, а также со всеми, кто мог бы хоть в малой степени быть полезным в розыске «фотонных террористов», как их стали называть сотрудники управления. Кроме того, Михаил провёл информационный поиск по секретным компьютерным сетям спецслужб, ещё раз допросил начальника охраны Маринича и вместе с группой Липягина побывал в парке Тимирязевской сельхозакадемии, полюбовался издали на трёхэтажное здание агропромышленной компании «Восток», располагавшейся на берегу пруда, в конце улицы Пасечной. И хотя особых находок этот день не принёс, всё же Потапову удалось выделить несколько интересных моментов.

Момент первый: в недрах оборонки существовал ряд закрытых лабораторий, тематика которых касалась всех аспектов человеческого бытия, в том числе аспектов психотропного влияния на людей, кодирования, управления психикой и интеллектом, а также создания оружия на основе новейших научных достижений, таких, как теория спин-торсионного поля или теория энергоинформационного обмена.

Момент второй: неожиданное появление «фотонных» людей, запрограммированных на самоуничтожение вблизи специально выбранных объектов, больше смахивало на экспериментальную проверку «живых мин», а не на выполнение неведомыми террористами плана по уничтожению конкурентов или опасных свидетелей их деятельности. Вряд ли такой технологией могли завладеть обыкновенные бандиты.

Об этом Потапов и доложил вечером полковнику, когда его вызвали в управление. Щербатов думал примерно так же, но гипотез, по обыкновению, не строил, говорил мало, был хмур и озабочен. На вопрос Михаила, не заболел ли, часом, Владимир Васильевич, он ответил мрачной шуткой:

– Не бойся, майор, моя болезнь не заразная, старость называется.

Потапов внимательно посмотрел на полковника, которому недавно исполнилось пятьдесят два года, и покачал головой.

– До старости ещё дожить надо, товарищ полковник. Что случилось всё-таки?

– Пока ничего. Но если мы будем продолжать копать дело в прежнем темпе, что-нибудь непременно случится. Короче, наверху, – Щербатов поднял глаза к потолку, – мне дали понять, что расследование надо спустить на тормозах. Улавливаешь?

– Значит, моя догадка верна, – хмыкнул Потапов. – Это не мафия, это забавляется какая-то государственная контора, секретная до такой степени, что даже в нашей базе данных её нет.

– Похоже, что так.

– Значит, мне надо сворачивать поиск?

Щербатов поморщился, достал из сейфа плоскую металлическую флягу, налил в колпачок, выпил.

– Хочешь глоток? Коньяк.

Михаил молча покачал головой.

– Тогда иди и работай.

– А как же...

– Работай, я сказал! Терпеть не могу, когда экспериментируют на людях! Пусть даже с благими намерениями «защиты Отечества». Мы призваны защищать народ от террористов, вот и будем защищать... по полной программе. Господь дал руки человеку не для того, чтобы тот создавал орудия убийства себе подобных, а для создания красоты неповторимой. Это мне ещё мой отец говорил, обыкновенный крестьянин.

– Самое неповторимое, что создали руки человека, – пробормотал Потапов, – это отпечатки пальцев.

Полковник хмуро улыбнулся, подал ему руку.

– Иди и будь осторожен. Чем быстрее выйдешь на разработчиков «живых мин», тем больше шансов уцелеть. – Он подумал и добавил: – Генерала Зимятова убрали, потому что он кое о чём догадался, а он был моим другом. Улавливаешь?

Потапов вышел из кабинета в смятении чувств, унося в душе тоскливый взгляд Щербатова, понимавшего, чем он рискует. Поужинал в столовой управления, ещё раз встретился с Липягиным и поехал домой.

Вечер провёл в каком-то возбуждённом состоянии, не понимая, чего хочет душа, пока наконец не сообразил – общения с женщиной. Вспомнил вчерашнюю брюнетку с раскосыми глазами – Дарью, и как только он о ней подумал, зазвонил телефон.

– Михаил? Извините, я не поздно? Вы меня вчера подвозили...

– Дарья?! – не поверил ушам Потапов. – А я только что о вас думал! Где вы?

– Дома. Не хочется проводить вечер в одиночестве. Не желаете погулять?

– Приходите ко мне, дом номер восемнадцать...

– Лучше давайте пройдемся по парку, на реку посмотрим, весна всё-таки, давно я не гуляла по вечерам.

– Давайте, – легко согласился Потапов. – Где вас ждать?

– Возле продуктового магазина, на Рогова он один.

Потапов несколько секунд вслушивался в зачастившие в трубке гудки, не веря столь откровенной удаче, потом опомнился и помчался переодеваться. Через несколько минут он уже стоял у газетного киоска возле магазина, а ещё через минуту появилась Дарья в белом плащике и туфлях на высоком каблуке.

Настроение у неё действительно оказалось минорным, хотя она и пыталась бодриться, и Потапов, поощрённый улыбкой фортуны, постарался его улучшить, превзойдя себя по части шуток и весёлых историй, половину из которых он выдумал на ходу. В конце концов его усилия не пропали даром, Дарья развеселилась, и вечер прошёл весьма мило, почти как в юности, когда молодому Потапову очень хотелось произвести впечатление на одноклассницу, влюблённую, как было известно, в другого парня.

Они гуляли по парку, спустились к реке, посидели в новом кафе на Живописной, потанцевали и снова гуляли по тихим и немногочисленным в это время улицам Щукино, найдя массу тем для разговора, к которым оба относились почти одинаково. В час ночи простились у дома номер четырнадцать по улице Рогова, то есть совсем недалеко от дома Потапова. Михаил поце-

ловал даме ручку и подождал, пока она войдёт в подъезд, капельку разочарованный, что его не пригласили в гости. Спohватившись, что снова не взял номера телефона девушки, кинулся в подъезд, вспомнив цифры кода домофона, которые набирала Дарья, и остановился, словно наткнувшись грудью на стену.

Она уже входила в лифт, где стоял молодой человек в светлом плаще, тот самый, с которым она была в ресторане. Дверь лифта закрылась, он поехал наверх. Оглушённый новостью, Потапов повернулся к выходу из подъезда и наткнулся на двух парней в плащах, бесшумно спустившихся с лестницы за спиной. Один из них, с чубчиком, был Михаилу знаком, прошлым вечером он помогал кавалеру Дарьи запикивать её в машину.

– Тебя разве не учили в школе, козёл, не гулять с чужими девками? – осведомился второй «плащ», низкорослый, но широкий, почти квадратный, с таким же квадратным лицом, на котором лежала печать инфантильности; короткая стрижка и квадратная челюсть превращали его в стандартного криминального мальчика, в «шестёрку» на побегушках у босса.

Потапов молча пошёл прямо на парней, озадаченных таким его поведением, парень с чубчиком даже отступил в сторону, и Михаил, воспользовавшись их замешательством, уложил квадратного ударом торцом ладони снизу вверх в нос, а «чубчику» вывернул руку с ножом, так что тот взвыл и согнулся, поскуливая.

– Кто вы такие?

– Отпусти!.. Больно!.. Мы тебя... изуедем!..

– Это я уже слышал. – Потапов нажал на предплечье парня сильнее, тот упал на колени, снова взвыл. – Спрашиваю ещё раз: кто вы? Почему преследуете Дарью? Кто тот белобрысый, что ждал её в лифте?

– Дарья... телохранитель... мы тоже... отпусти! Мы работаем в охране... тебе хана, если будешь пялить на неё глаза! Босс из тебя...

– Кого вы охраняете?

– Отпусти руку, с-сука!

Потапов хладнокровно качнул парня вперёд, тот врезался головой в стену, ойкнул, снова заскулил.

– Мы из охранного агентства «Аргус». Ты не представляешь, на кого наехал, болван. Дарья – девушка босса, он тебя живого в бетон зальёт...

Потапов присвистнул в душе, отпустил руку парня, повертел в руках его нож, глядя, как тот постепенно оживает, кидая на врага косые яростные взгляды.

– «Аргус», говоришь? Что-то не слышал я ничего о таком агентстве. Впрочем, неважно. Передай боссу привет и скажи ему, что девушка сама должна решать, с кем ей быть и где гулять. Если он будет и дальше контролировать каждый её шаг, я его найду и успокою.

– Да ты на кого ноздрю поднимаешь, фраер?! – взвился «чубчик», картинно выхватывая из-под полы плаща пистолет. – Лечь! На пол!

Потапов перешёл в темп, изящно вывернул пистолет из руки мордворота, вошёл в спираль выкручивания и всадил ему локоть в солнечное сплетение. Посмотрел на скорчившееся под батареей почтовых ящиков тело второго мордворота, сунул пистолет в карман и вышел.

На улице было темно, накрапывал дождик, фонарь в двадцати метрах в ореоле туманных капель не рассеивал мрак в глубине двора, но Потапов сразу почуял человека за будкой ремонтников теплотрассы. Двинулся прочь, не намереваясь выяснять отношения ещё с одним представителем охранного агентства «Аргус», но человек сам догнал его и оказался оперативником Липягина.

– Я обалдел, когда вас увидел, товарищ майор, – прошептал он, пряча под куртку бинокль. – Мы тут пасём охранников «Аргуса», в этом доме живёт...

– Девушка их босса.

– Нет, директор той самой агропромышленной компании «Восток», которую вам показывал старлей. Давайте отойдём отсюда подальше, чтобы нас ненароком не засекли. Перед вами в подъезд зашли трое бугаёв из «Аргуса», не встретили?

– Нет, – буркнул Потапов. – Фамилию директора помнишь?

– Калашников.

Потапов ещё раз присвистнул про себя. Фамилия Дарьи тоже была – Калашникова.

– Ладно, работай. Ты не один?

– С Пашей Ножкиным. А кого это вы провожали, товарищ майор? Красивая девушка.

Не ответив, Потапов нырнул за кусты шиповника, разросшиеся у забора, обошёл стоявшие напротив шестнадцатого дома машины и вышел к своему дому, встретив выгуливающего собаку старика. Но он так задумался над поступившей с совершенно неожиданной стороны информацией, что не придавал этому значения, хотя время для выгула собак было уже слишком позднее – два часа ночи.

Наутро Потапов собрал совещание группы, чтобы поделиться своими соображениями по поводу взаимодействия охранной фирмы «Аргус» и агропромышленной компании «Восток». Раздав задания на день, сам Потапов решил заняться господином Калашниковым и первым делом вывел на экран компьютера данные по директору компании «Восток». Однако сведений в базе данных кадровых компьютеров службы о Калашникове Н. Н., кроме двух строк: «Совершенно секретно. Доступ к информации запрещён» не нашёл. Господин директор несуществующей компании был засекречен, а это, в свою очередь, говорило о том, что он не тот, за кого себя выдаёт. Гриф «Сов. секретно» на материалах досье в таких конторах, как Федеральная служба безопасности, ставился только на данные работников службы. Или на учёных, так или иначе связанных с особо важными исследованиями. Калашников Н. Н., очевидно, был одним из таких учёных. Теперь надо было попытаться определить круг его интересов, чтобы или отбросить версию о причастности компании «Восток» к терактам с использованием «живых мин», или принять её за базовый вариант.

Щербатова на месте не оказалось, посоветоваться было не с кем, и Потапов продолжал заниматься по плану, утверждённому полковником ещё вчера. Михаил тоже не любил циников, кричащих с высоких трибун о «правах человека», о «спасении нации любой ценой» и тут же хладнокровно подмахивающих распоряжения о финансировании «перспективных научных разработок», предполагающих испытание на людях новейших видов оружия.

К вечеру хакер из отдела компьютерных технологий, приятель Потапова Владимир Тушкан по прозвищу Вовчик Тушканчик, взломал секретные файлы Минобороны, и у Михаила появилось досье на доктора физико-математических наук Калашникова Николая Наумовича, отца Дарьи. В частности, в документе была указана его последняя официальная работа, выполненная в тысяча девятьсот девяносто шестом году в Московском энергетическом институте, которая называлась: «Проблемы холодного термоядерного распада». Темы других его работ, выполненных в лабораториях Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в данном документе приведены не были.

– Всё это лажа, – сказал старлей Липягин, которому Потапов сообщил о своих находках. – Я имею в виду сельхозакадемию. Это объект оборонки. И работает господин Калашников именно по нужной нам теме, лепит «живые мины». Выйти бы на него, а? У тебя нет соображений?

Соображения у Потапова были, но делиться он ими со старшим лейтенантом не стал. Для этого надо было рассказывать о дочери Калашникова Дарье, чего душа вовсе не жаждала. Душа жаждала встречи с этой умной и красивой девушкой, каким-то непонятным образом попавшей в зависимость от босса телохранителей папаши, президента частной охранной фирмы «Аргус». Вечером Потапов надеялся услышать её звонок, договориться о встрече и попытаться выяс-

нить, чем занимается её отец на самом деле. На дальнейшее его фантазии не хватало, в благополучное завершение своего «служебного романа» он не верил. Занозой в памяти торчало видение закрывающейся двери лифта, и всё чаще душу тревожило странное ощущение забытой вещи, каким-то образом связанное с Дарьей. Лишь вечером, очистив себя с помощью медитативной техники сам-май от шелухи эмоций и переживаний, Михаил поймал-таки причину срабатывания «ложной памяти», она была проста и незатейлива, как дыра в кармане: Дарья так и не сказала ни слова о причинах конфликта со своими телохранителями в ресторане, хотя Потапов спрашивал её об этом дважды. Вероятно, она не хотела встречаться с боссом «Аргуса» и её пытались уговорить. Так, во всяком случае, представил себе эту картину Потапов, но сама она ничего рассказывать не стала, сделала вид, что не расслышала вопроса.

Телефон зазвонил после девяти часов вечера. В трубке раздался игривый голос Дарьи:

– Привет работникам пера и топора. Шутка. Ты чем занят, Михаил Петрович?

– Ничем, – ответил Потапов честно, с одной стороны – обрадованный звонком, с другой – чувствуя себя виноватым.

– Тогда заходи в гости. Сегодня я одна, предки уехали на дачу.

Михаил хотел было спросить: а как же телохранители, где их босс? – но вовремя прикусил язык.

– Мчусь, говори адрес.

Дарья продиктовала номер квартиры, и Потапов кинулся переодеваться, сдерживая нетерпение, странное волнение и дрожь в коленях. Очень не хотелось ударить лицом в грязь, показать себя наивным пацаном, очень не хотелось ошибиться в своих чувствах, но ещё больше не хотелось играть на чувствах девушки ради получения информации об её отце.

Он надел все белое – брюки, рубашку, туфли, захватил коробку конфет, купленную по случаю ещё вчера (как в воду смотрел, что пригодится), и поспешил к дому номер четырнадцатый, привычно отмечая глазом любое движение вокруг. Нервная система, специально тренированная для специфических нагрузок мастера перехвата, давно научилась прислушиваться к подсказкам подсознания, что не раз спасало жизнь Михаилу в моменты захвата террористов, сработала она и в этот вечер, хотя Потапов не сразу понял, в чём дело, голова была занята предстоящей встречей. Лишь пройдя два десятка шагов, он очнулся.

Старика с собакой, встретившегося у подъезда, он уже видел! И не один раз.

Потапов напряг память, сосредоточился, но смог вспомнить только ночную встречу: этот старик уже выгуливал свою дворнягу – в два часа ночи. Теперь вот сегодня. Но где-то они пересекались с Потаповым ещё раз, Михаил был уверен в этом, хотя и не помнил, где именно.

Ругнувшись в душе, он отложил поиск знакомства на более удобное время, обошёл дом Дарьи, убедился, что никто за ним не следит, и набрал код домофона. Поднялся в лифте на восьмой этаж, где располагалась квартира Калашниковых, унял поднявшееся волнение, чтобы выглядеть уверенным и спокойным, и, уже нажимая кнопку звонка, вспомнил наконец, где он видел старика: в ресторане Маринича! Этот гнусного вида старикан сидел за его столиком в фиолетовом пиджаке, зелёной рубахе с бордовым галстуком (вкус – жуть!) и смотрел на Дарью! А таких случайностей, как известно, не бывает.

Потапов шагнул было назад, но дверь уже открылась, и ему ничего не оставалось делать, как войти. И тотчас же сработала сторожевая система организма, уловившая дуновение опасности.

Дарья в халате стояла в глубине гостиной с закушенной губой и смотрела на гостя исподлобья, с ясно читаемым испугом в глазах. Она не могла открыть дверь сама, это сделал кто-то другой, но отступать было уже поздно, и Михаил метнулся вперёд, перекувыркнулся через голову, оглядываясь в падении и видя две мужских фигуры – за дверью прихожей и за спиной Дарьи, вскочил... и всё поплыло у него перед глазами от страшного и странного, мягкого,

но массивного удара по голове, вернее, по всему телу, удара, нанесённого не столько извне, сколько изнутри. Проваливаясь в беспамятство, Потапов услышал крик девушки:

– Миша, они заставили! Я не хотела! Не бейте его!..

И потерял сознание окончательно.

Туман был густым и белым, как молоко, таким густым и белым, что казалось, его можно пить. Потапов попытался облизнуть губы, не чувствуя их, так ему захотелось пить, хотел позвать кого-нибудь на помощь, чтобы ему принесли стакан молока, но обнаружил, что не в состоянии.

Попробовал пошевелиться – с тем же результатом. Зато стал рассеиваться туман перед глазами, в нём протаял розоватый светящийся овал, приблизился и превратился в размытое человеческое лицо с чёрными глазами, в которых вспыхивали злые огни силы и воли.

– Кто... вы? – вяло спросил Потапов, не слыша своего голоса.

– Гляди-ка, очнулся майор, – донёсся как сквозь вату чей-то тихий голос. – Сильный мужик нам попался, всего три часа и провалялся. Другие на его месте спали бы сутки.

– Укол!

Потапов почувствовал боль где-то в области сердца, и сразу все вокруг переменялось, туман рассеялся, появилась обстановка помещения со стерильно белыми кафельными стенами, белым потолком с системой металлических концентрических кругов и бестеневым светильником. Михаил стал слышать все звуки и голоса, увидел аппаратные стойки, экраны, непонятное оборудование и двух мужчин в халатах у высокого операционного стола, на котором он и лежал, пристёгнутый к столу за руки и ноги специальными манжетами.

Один из мужчин наклонился над ним. Он был смуглолиц, с заметной сединой в чёрных волосах, со слегка раскосыми чёрными глазами и походил на Дарью. Потапов понял, что это и есть отец девушки, засекреченный учёный, работающий на одну из лабораторий стратегической системы специсследований.

– Здравствуйте, Михаил Петрович. Как вы себя чувствуете?

– Добрый день, Николай Наумович, – усмехнулся Потапов онемевшими губами.

Мужчины переглянулись. Более молодой, но выглядевший каким-то рыхлым и болезненным, покачал головой.

– Кажется, он знает больше, чем мы думали, шеф.

– Вам крупно не повезло, Михаил Петрович, – сказал Калашников, – что именно вы занялись расследованием так называемых терактов. К тому же, как оказалось, вы слишком умны и догадливы. Ведь вы уже догадались, что созданием «фотонных» людей занимается моя лаборатория?

– «Восток», – против воли пробормотал Потапов, начиная приводить себя в боевое состояние.

Мужчины снова переглянулись.

– Вот видите, вы становитесь опасным, Михаил Петрович. Дарья вас правильно оценила.

– Она... с вами?

– В каком смысле? Она моя дочь, но, конечно же, к моей работе отношения не имеет. Хотя кое-что знает. К сожалению, в последнее время она совершенно отбилась от рук, не слушается, самовольничает, знакомится с кем попало и так же, как и вы, становится непредсказуемо опасным свидетелем. Мне, очевидно, к глубокому прискорбию, придётся её урезонивать, то есть кодировать.

– Как тех двух несчастных, сыгравших роль «живых мин»?

– Вы были правы, Кирсан Вольфович, – посмотрел на одутловатого коллегу Калашников. – Он значительно опаснее, чем я думал. Начинайте процедуру программирования, к утру он должен быть готов... – короткий смешок, – к акту самопожертвования. – Отец Дарьи повер-

нул голову к Потапову, развёл руками. – Извините, майор, что не могу уделить вам много времени, пора и отдохнуть от трудов праведных. А с вами мы уже больше не увидимся. Утром вы, как и всегда, пойдёте на работу, встретитесь с полковником Щербатовым и пожмёте ему руку. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. На этом расследование, затеянное неугомонным полковником, будет закрыто, а программа испытаний «фотонных» людей завершена.

Калашников наклонил красивую голову, прощаясь, и вышел из помещения, напоминающего хирургический кабинет. Потапов напрягся, пытаясь разорвать манжеты, в глазах поплыли красные круги, но ремни выдержали.

– Не дёргайтесь, майор, – хмыкнул наблюдавший за ним собеседник Калашникова, названный им Кирсаном Вольфовичем. – Эти ремешочки рассчитаны на буйнопомешанных, слона выдержат, а вот вы себе только ручки-ножки повредите. Сейчас я вам сделаю укольчик, и вы поплывёте, поплывёте, лёгкий и радостный, и очнётесь уже дома в постельке. Хлумов!

В помещение вошёл могучий молодой парень в халате с неподвижным сонным лицом.

– Приступим.

Потапов ещё раз попытался освободиться от пут, не смог и понял, что надо начинать внутренний бой, бой с химией и гипнотическим воздействием, с помощью которого его хотели запрограммировать. Закрыв глаза, сосредоточился и, будто ныряя с берега в омут, вошёл в состояние «железной рубашки», которому его научил тренер, мастер цигун.

Укола в плечо он уже не почувствовал.

Часы прозвонили семь утра.

Потапов проснулся, чувствуя себя совершенно разбитым, поплёлся в душ, пытаясь вспомнить что-то важное, случившееся с ним вчерашним вечером. Но не вспомнил, даже простояв несколько минут под ледяными струями. Продолжая размышлять над своей разбитостью и полным отсутствием тонуса, начал бриться и вдруг увидел на левом плече три маленькие красные точки. Болото памяти колыхнулось из-за всплывающего пузыря воспоминания, однако тут же успокоилось. Потапов побрился, прикидывая, где он мог получить точки – явные следы уколов, и вспомнил, что вроде бы проходил в управлении медицинское освидетельствование, где ему заодно сделали какую-то новейшую комплексную прививку. Слегка успокоился, пошёл пить чай, отбиваясь от привязавшейся, как слепень, мысли: надо встретиться с полковником, пожать ему руку... надо встретиться с полковником... надо встретиться...

– Чёрт! – с досадой проговорил он. – Отстань, приставала. Сам знаю, что надо встретиться с Щербатовым... – Он осёкся на полуслове, внезапно осознавая, что такого с ним ещё не было. Подсознание диктовало ему, что надлежит делать!

Потапов встал перед зеркалом, оглядел себя со всех сторон, заметил кроме следов уколов бледно-синеватые перетяжки на запястьях рук и на лодыжках, напрягся, насилуя память, и чуть не потерял сознание от приступа слабости. Память сопротивлялась, она была заблокирована!

– Ах ты, зараза! – вслух выговорил он, сунув голову под кран. – Что это со мной?

Успокоив немного расходившиеся нервы, он достал пузырёк с настойкой эспарцета полевого, известного под названием «одолень-трава», развёл в кипячёной воде столовую ложку и выпил. Подождал, пока прояснится голова, а мышцы наполнятся упругой силой, уселся на диване в позу лотоса и начал настраивать организм для ментального «просеивания». Он не был уверен, что это поможет прояснить ситуацию, но более верного способа снять гипноблокаду не было. Этому его тоже научил тренер, когда Михаил ещё только начинал увлекаться эзотерикой и боевыми искусствами.

Казалось, он стал падать в бездну и растворяться – в воздухе, в стенах комнаты, в зданиях вокруг, в земле и деревьях, в космосе... в глазах потемнело, тело исчезло, все ощущения растаяли... чёрное Ничто обступило его со всех сторон, словно он умер... и длилось это состояние

невероятно долго, целую вечность, хотя время текло не внутри него, а снаружи и мимо, обтекая мыслесферу, не затрагивая ни чувств, ни мыслей... Наконец он достиг дна бездны, усеянного острыми шипами и лезвиями, раскалёнными до багрового свечения, обнаружил светящийся в каменном ложе люк, охраняемый гигантским змеем с огнедышащей пастью, и понял, что ему надо нырнуть в этот люк: там его ждала свобода...

Потапов начал раздуваться, увеличивать свою массу, вырастил огромную мускулистую руку и схватил змея за глотку, а когда тот начал биться, вырваться, свиваться в кольца и пускать пламя, «отделил» от тела-носителя разведаппарат второго «Я» и нырнул в колодец заблокированной памяти, попадая в ясный солнечный день личной свободы.

Он стоял в огромной библиотеке со множеством стеллажей под открытым небом, на которых лежали тысячи светящихся книг, – библиотеке своей памяти и мог беспрепятственно вытащить любую «книгу» и прочитать её от корки до корки. Легко скользя над светящимся полом, Потапов двинулся вдоль «стеллажей» с «книгами», выбрал нужный «том» и раскрыл на первой странице. Через несколько мгновений он вспомнил все...

Подъём из бездны памяти проходил беспокойно, словно он поднимался со дна моря сквозь косяк пираний, норовивших укусить его или уколоть плавником. Самое интересное, что Потапов понимал процесс: организм находился в состоянии ментального озарения и сопротивлялся заложенной в глубинах психики чужой программе, но ему это плохо удавалось. Всё-таки те, кто кодировал Потапова, использовали слишком мощную аппаратуру подавления воли и встроили, помимо целевого приказа, ещё и дополнительные защитные пси-контуры типа программы самоликвидации, срабатывающей при попытке внешнего воздействия на мозг заманированного. Потапова никто не допрашивал, по сути, он «допросил себя сам», но от этого легче не становилось. Программа самоликвидации была на грани срабатывания, и удерживать её было невероятно трудно. Зато теперь Михаил знал всё.

Николай Наумович Калашников действительно работал над созданием «фотонных» объектов, в том числе живых – кошек, собак, людей, птиц, то есть объектов с нестабильной энергетикой, превращавшихся в излучение от малейшего толчка. Таким толчком мог быть и внушённый приказ включить себя «на извержение», что уже продемонстрировали взрывы в ресторане «Терсихора» и у кафе «Тихий омут».

Агропромышленная компания «Восток» действительно представляла собой секретную лабораторию по разработке «фотонных» мин и бомб, где Калашников работал уже четыре года, добившись значительных успехов.

Дарья была не виновата в захвате Потапова секьюрити отца, к тому же сама она тоже была запрограммирована на самоликвидацию, а приказ мог поступить в любой момент. Жить ей осталось, судя по всему, всего несколько дней. Или часов. В зависимости от поведения. Но жить с президентом «Аргуса» она не хотела, как её ни заставляли. В Потапове она увидела крохотную надежду на освобождение от смертельно надоевшей опеки, и в том, что Потаповым заинтересовалась служба безопасности лаборатории, её вины не было.

И наконец Потапов узнал, что стал живой «фотонной» миной и должен уничтожить Щербатова, встретившись с ним в управлении, а заодно и все материалы дела.

Посидев на диване, оглушённый свалившейся на голову бедой, борясь с желанием сунуть в рот ствол пистолета и спустить курок, Потапов потащился на кухню, машинально вскипятил чайник, выпил чашку чая, не ощущая ни вкуса, ни запаха, ни температуры, тщательно вымыл посуду, оделся и принял решение. Время работало против него, в десять часов должна была активизироваться программа «извержения», и до этого момента ему предстояло успеть сделать то, что задумал.

Конечно, за ним следили.

Он вычислил наблюдателей сразу, как только вышел из подъезда походкой занятого своими мыслями человека, направился к машине, стоящей во дворе дома, открыл капот и сделал вид, что занят ремонтом.

Во-первых, на глаза попался старик, по-прежнему делавший вид, что выгуливает собаку. Во-вторых, в серой «девятке» у соседнего подъезда сидели двое крепких ребят и якобы слушали музыку. Потапов закрыл капот и подошёл к ним, вытирая руки тряпкой. Наклонился и, когда водитель опустил боковое стекло, подчиняясь правилам вежливости, с улыбкой воткнул палец ему в сонную артерию. Соседа водителя он успокоил по-другому, ударив его в кадык костяшками пальцев.

Затем Потапов догнал за углом старика-филёра и без жалости вырубил ударом ребра ладони по бугорку на затылке. После этого спокойно поднялся к дому Дарья, вошёл в подъезд и дождался появления охраны Калашникова: двое парней влетели в подъезд, обалдевшие от неожиданного появления «объекта», и налетели на Михаила, действующего жёстко и надёжно, не отвлекаясь на сострадание к бедным «шестёркам».

Дверь в квартиру Калашниковых открыл белобрысый знакомец Потапова, с которым Дарья ссорилась в ресторане. Он успел лишь округлить глаза и открыть рот, чтобы задать вопрос, и отлетел в глубь прихожей от удара в лоб. Второго телохранителя взять на приём не удалось, он выхватил пистолет и готов был открыть стрельбу, поэтому Потапов выстрелил первым.

Дарья спала, судя по тому, что она выскочила в гостиную в одной ночной рубашке от звука выстрела. Больше в квартире никого не оказалось; если Калашников и собирался отдыхать, как он обещал, то не дома. Дарья перевела затуманенный взгляд с телохранителя на Потапова, глаза её расширились, она хотела закричать, и Михаил зажал ей рот рукой.

– Тихо! Это я. Собирайся.

– За-зачем?! К-куда?

– Собирайся, если хочешь мне помочь.

– Что происходит? Почему ты здесь?! Ты же должен...

– Они меня отпустили. Всадили программу и отпустили. Быстрее, у нас мало времени.

Дарья глянула на лицо Потапова и повинновалась, проглотив возражения. Через несколько минут она появилась, одетая в свой белый плащ, взяла сумочку, косясь на не подающих признаков жизни телохранителей, влезла в туфли, и они с Михаилом покинули квартиру, тихо закрыв за собой дверь.

В машине Потапов рассказал Дарье всё, что знал сам, и погнал «Лексус» по Алабяна, через Ленинградское шоссе и улицу Волкова, по Большой Академической по направлению к Тимирязевской сельхозакадемии. Дарья выслушала его признание молча, и, глядя на её застывшее лицо, Потапов пожалел, что втянул её в эту историю. Но отступить не хотелось, времени до «часа ноль» оставалось всё меньше и меньше, а ему ещё надо было пройти на территорию академии, найти лабораторию «Восток» и...

– Ты хочешь... взорвать собой лабораторию?! – подала наконец голос девушка, повернув к нему бледное лицо с привычно прикушенной губой.

– Да, – сказал он почти спокойно, стиснув зубы. – И ты должна мне помочь пройти туда, тебя там знают.

– А если там сейчас... отец?

– Он сказал, что пойдёт отдыхать. Тебе его жаль? А вот он тебя не пожалел, приговорил «к свету», как и меня.

– Я не верю...

Потапов угрюмо усмехнулся.

– Это уже ничего не изменит. Но уж очень ты строптива, как он выразился, да и свидетель опасный.

– А если я откажусь тебе помогать?

– Тогда я справлюсь без тебя.

– Не справишься, тебя не подпустят к лаборатории и на километр. А если мы пройдем туда и заставим Кирсана разрядить тебя?

– Это возможно?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Но я не хочу! – закричала вдруг она, заплакав. – Не хочу, чтобы ты взрывался! Не хочу, чтобы так всё закончилось! Неужели нет другого способа остановить их?

– Не знаю, – помедлив, сказал Потапов. – Я позвонил своему начальнику, если он отважится бросить группу антитеррора на захват лаборатории, то ещё есть возможность что-либо изменить. Если же нет... я должен пройти туда, внутрь, понимаешь?

Зажмурившись, Дарья прижалась к его плечу головой, и Потапов поцеловал её в мокрую от слёз щеку, с тоской подумав, что очень хочется жить. Надежда на то, что он уцелеет, всё же оставалась, но очень и очень слабая, один шанс из миллиона...

Но если он вдруг выживет... Господи, на всё Твоя воля!

Если он выживет, то будет жить и эта девочка, вынужденная страдать за грехи отца. И никогда не будет плакать!

Машина объехала Садовый пруд, свернула на Тимирязевскую улицу, потом на Пасечную и остановилась у ворот, за которыми виднелось трёхэтажное здание агропромышленной компании «Восток». Потапов поцеловал Дарью в губы и вышел из машины...

1999 год

Край света

Цикл «Олег Северцев»

1

В посёлок Уэлькаль, по сути, стойбище морских охотников – эскимосов и чукчей, расположенное на берегу Восточно-Сибирского моря, Храбров завернул не потому, что этого требовал маршрут экспедиции, а по причине более прозаической: кончились запасы соли. Задавшись целью в одиночку обойти всё побережье Северного Ледовитого океана, Дмитрий сильно рисковал, несмотря на то, что за его спиной были десятки других экспедиций по Крайнему Северу России, по островам северных морей и по горным странам. Однако он был не только известным путешественником, учеником знаменитого Виталия Сундакова, а также другом Олега Северцева, тоже путешественником «от бога», но и специалистом по выживанию в экстремальных условиях и никого и ничего не боялся.

Дмитрию Храброву исполнилось тридцать лет. Он был высок, поджар, сухощав, изредка отпускал усы и бородку – особенно во время экспедиций, носил длинные волосы и выглядел скорее монахом-отшельником, чем мастером-экстремалом, способным без воды и пищи пройти десятки километров по пустыне. В двадцать два года он окончил журфак Московского государственного университета, полтора года отработал в одной из подмосковных газет, женился, но потом «заболел» путешествиями, и семейная жизнь закончилась. Жена не захотела ждать мужа, заработок которого не хватало даже на косметику, по месяцу, а то и по два-три и ушла.

Дмитрий переживал потерю долго, он любил Светлану и даже подумывал забросить своё хобби, но учитель и он же инструктор по русскою помог ему развеять тоску, познакомив с археологами, исследовавшими поселения древних гиперборейцев в Сибири. Дмитрий, увлечшись историей их расселения по территории России, три года провёл за Уралом, раскапывал Аркаим, Мангазею и другие поселения русов, потомков гиперборейцев, много тысяч лет назад высадившихся на севере Евразии.

Он и покинув археологов остался исследователем-этнографом, а не просто любителем путешествий, продолжая искать материальные и культурные следы предков там, где в настоящее время редко ступала нога человека.

Дмитрий неплохо знал фольклор народов Крайнего Севера, поэтому, планируя экспедиции, руководствовался не своими желаниями, а легендами и мифами, передающимися из рода в род. Мечта Дмитрия обойти северное побережье России опиралась на не менее сумасшедшую идею найти легендарный Рамль, или Ракремль, – древнюю гиперборейскую крепость, около двадцати тысяч лет назад якобы располагавшуюся где-то на чукотском побережье. Об этом говорили легенды олочей и юкагиров, чукчей и эскимосов. А узнал об этих легендах Дмитрий от своего знакомого, охотно спонсировавшего его экспедиции, который, в свою очередь, был знаком с членами фольклорно-этнографической экспедиции профессора Дёмина, несколько лет исследовавшей Чукотку.

Рамль искали и до Дмитрия, причём по всему побережью Северного Ледовитого океана, от Мурманска до Уэлена, но Храбров почему-то был уверен, что повезёт именно ему.

Высадившись в Уэлене в начале июня, когда в этих местах начиналась весна, Дмитрий за два летних месяца прошёл около восьмисот километров вдоль побережий Чукотского и Восточно-Сибирского морей, но короткое северное лето кончилось, в конце августа температура воздуха упала до минус восьми градусов, начались снегопады, и темпы движения снизились. Однако отказываться от продолжения пути Дмитрий не собирался и упорно двигался

дальше, надеясь к лютым холодам дойти до устья Колымы – в том случае, если не повезёт и он не отыщет следы самого южного⁶ форпоста Гипербореи.

В Уэлькаль Дмитрий попал к обеду.

Солнце висело низко над горизонтом и готовилось спрятаться за гряды дальних холмов, с которых начиналось Чукотское нагорье. Близилась полярная ночь, и дни становились всё короче и темней. Дмитрию это обстоятельство не мешало, а вот стойбище готовилось к длинной зиме и дорожило светлым временем суток, чтобы успеть выйти лишний раз в море и сделать запасы на зиму.

Охотники Уэлькаля смогли возродить забытый национальный промысел – охоту на гренландского кита и прочих морских обитателей – и за смехотворно короткий летний сезон успевали обеспечивать стойбище мясом нерпы, лахтака, белухи, моржа, китовым мясом и жиром и прочими дарами моря. Но Дмитрию, в общем, все эти деликатесы были ни к чему, во время экспедиций он и сам охотился на зверя, лесного и морского, а потому не переживал, что останется без пищи.

Уэлькаль представлял собой полсотни яранг – конусовидных строений из деревянных шестов и оленьих шкур, в искусстве возведения которых чукчам и эскимосам не было равных, и нескольких деревянных домиков более цивилизованного вида, принадлежащих местной администрации, магазину, фельдшерскому пункту, школе и детскому саду. Все они располагались в сотне метров от берега не как попало, а по кругу, точнее – тремя почти точными кругами с общественными строениями в центре. И хотя население стойбища насчитывало всего триста пятьдесят человек, выглядел Уэлькаль не временным лагерем, а чуть ли не городком, выросшим на краю света. Впереди – берег и ледяное море, за спиной – вечно мёрзлая тундра с редкими холмами. Ни дорог, ни тропинок, только будто утюгом выглаженное побережье Восточно-Сибирского моря.

Встречи Уэлькаля с «большой землёй» случались не чаще пяти-шести раз в год, когда сюда прилетали самолёты или заходил корабль с продуктами, топливом для местного «флота» – двух моторных вельботов и карбаса – и кое-какими товарами для магазина. Но гости в посёлок заявлялись чаще, особенно когда кончался охотничий сезон. Тогда в Уэлькаль приезжали на вездеходах посланники губернатора и барыги, которые за бесценнок скупали, а то и на бутылку разведённого китайского спирта выменивали пушнину и драгоценное мясо морских белух.

Обо всем этом Дмитрию поведал Миргачан, местный шаман, ламут или эвен по национальности, который первым встретил путешественника на берегу моря и пригласил в гости. Жил он в просторной яранге, покрытой двумя слоями оленьих шкур. Шкурами его жилище было устлано и внутри, так что представляло собой роскошную мягкую спальню, способную вместить сразу две-три семьи. Однако шаман – ещё не старый человек лет пятидесяти пяти – жил один и жену заводять не собирался. Много лет назад он был охотником, неудачно бросил гарпун в моржа, и тот едва не убил его во время схватки. С тех пор Миргачан хромал, плохо видел правым глазом и сторонился людей. Почему он решил стать шаманом, Миргачан и сам не помнил, но прошёл посвящение и поселился в Уэлькале, где нашёл понимание и покой.

Дмитрий с интересом оглядел внутреннее убранство яранги, потрогал на полочках вырезанные из китового уса и моржовых клыков фигурки зверей, птиц и людей, бросил взгляд на современную печку, работающую на солярке. Да, цивилизация пришла и в этот богом забытый уголок, это подтверждал и стоящий у стенки яранги японский телевизор, и постукивающий невдалеке дизельный электрогенератор.

⁶ Гиперборейская цивилизация располагалась на материке, который занимал бассейн Северного Ледовитого океана, и Крайний Север России для него был югом.

Запахи в жилище шамана, правда, вполне соответствовали традиционному образу жизни – запахи трав, шкур, китового жира и палёной шерсти. Однако приходилось терпеть, чтобы не обидеть хозяина.

Лошадь Дмитрий накормил и оставил рядом с оленями, принадлежащими Миргачану; её он использовал только в качестве вьючного животного, передвигаясь преимущественно пешком. В яранге было тепло, но раздеваться Дмитрий не стал, надеясь лишь на беседу с шаманом, а не на ночлег. Миргачан достал початую бутылку настоящей кристалловской водки, вяленую рыбу и особым образом приготовленное нерпичье мясо. От водки Дмитрий отказался, сославшись на веру, запрещающую ему употреблять алкогольные напитки (что в общем-то соответствовало истине), а рыбу и мясо попробовал.

Миргачан почти свободно владел русским языком и разговорился, обрадованный возможностью пообщаться с человеком с «большой земли». Он рассказал немало любопытных историй, две из которых Дмитрий даже записал на диктофон.

Первая повествовала о встрече охотников с каким-то диковинным «шибко большим» зверем с огромной драконьей головой и длинным костяным гребнем по спине, вторая уходила в дебри времён. Её якобы поведал Миргачану старый шаман, у которого он учился, и говорила она о появлении в стойбищах каких-то странных людей с двумя лицами, ищущих «дыру в светлый мир».

Дмитрий, заинтересованный историей, начал было выпрашивать у хозяина подробности, но в этот момент где-то за стенами яранги зародился неясный шум, раздались далёкие и близкие крики, и в ярангу, откинув полог входа, сунулся худенький мальчишка с испуганными глазами. Он что-то выкрикнул на эскимосском языке, глянул на Дмитрия и шмыгнул вон.

– Что случилось? – спросил Дмитрий.

Миргачан, кряхтя, поднялся:

– Опять барыги свару затеяли, однако. У нас всегда так: стоит только охотникам получку получить – они тут как тут. Спирт продают, водку, а кто отказывается – того бьют.

Дмитрий непонимающе посмотрел на шамана:

– То есть как бьют? Разве они имеют право принуждать человека покупать у них товар?

Миргачан махнул рукой:

– Многие и не хотели бы связываться с ними, да выпить любят. К тому же барыги почти ничего не продают, а меняют.

– Тем более. А власть как на это смотрит?

– Какая у нас власть? – снова махнул рукой шаман. – Палыч, главный в конторе, но он тоже пьёт много, однако, Валентина, она получку выдаёт, да я вот.

– А милиция? Участковый?

– Нету милиции, однако. В Ирпени есть, у нас нету. А барыги все здоровые, их боятся. Посиди пока, я попробую их успокоить.

– Я с вами, – встал Дмитрий.

Они вышли из яранги.

Было светло, белёсое небо казалось покрытым изморозью. Температура в это время года держалась на уровне минус пяти-шести градусов по Цельсию, но сильный ветер заставлял ёжиться и поворачиваться к нему спиной...

По стойбищу бродили стайки детей, мужики в засаленных телогрейках и кирзовых сапогах, старухи и молодые женщины в национальных костюмах, так потрясающе красиво отделанных орнаментом и мехом, что на их фоне поблёкли бы и столичные красавицы в дорогих шубах. По случаю выдачи зарплаты в стойбище начался самый настоящий праздник, никто не работал, а самая большая толпа собралась на центральной площади посёлка, у магазина. Там же стоял вездеход приезжих менял, возле которого толклись охотники, пожелавшие обменять пушнину и мясо на водку, курево и другие «блага цивилизации».

В тот момент, когда Дмитрий и шаман подошли к вездеходу, трое молодцов в чёрных кожаных куртках били какого-то мощнотелого, но безвольного мужчину в старом десантном комбинезоне. Жители Уэлькаля молча наблюдали за избиением. Лишь женщины иногда начинали кричать на молодых людей и умолкали испуганно, когда четвёртый приятель менял, не принимавший участия в расправе, с угрозой оглядывался на кричащих.

Мужчина упал. Парни продолжали сосредоточенно пинать его ногами, норовя попасть по голове.

– Прекратите! – сказал Миргачан, выходя из-за спин соплеменников. – Нехорошо, однако.

– Отойди, хромой, – брезгливо оттолкнул шамана четвёртый парень, в танкистском шлеме. – Мы только поучим этого, чтобы знал, с кем связался.

Миргачан не удержался на ногах, упал, и Дмитрий не выдержал:

– Эй, чемпионы, может, хватит?

Молодцы прервали избиение, оглянулись. Тот, что толкнул шамана, поднял редкие белёсые брови.

– А ты откуда такой выискался, орясина волосатая? Тоже хочешь получить отпущение грехов?

Не говоря ни слова, Дмитрий помог подняться Миргачану, подошёл к мужчине в комбинезоне, скорчившемуся на утоптанном галечнике, протянул ему руку:

– Вставайте, я вам помогу.

На миг показалось, что сквозь чёрные спутанные волосы на затылке незнакомца на Дмитрия глянули удивлённые глаза, но потом это ощущение прошло. Мужчина зашевелился, отнял руки от небритого лица, посмотрел на Дмитрия, прищурясь, молча вцепился в протянутую руку и с трудом встал. Рука у него была горячая и влажная, как у больного гриппом.

Молодцы с вездехода, ошеломлённые вмешательством Дмитрия и его спокойствием, опомнились.

– Ты чо, ох...л?! – выдохнул «танкист» в шлеме. – Ты за кого заступаешься?! Он же ворюга!

– Он человек, – хмуро сказал Дмитрий. – А если что и украл, то давайте разберёмся.

– Да не хрен нам разбираться! Не вмешивайся не в своё дело, а то не ровен час волосы потеряешь!

– Я ими не дорожу. А вам советую: забирайте свой товар и уезжайте отсюда.

Стало совсем тихо. Затем «танкист» изумлённо присвистнул, махнул рукой своим заржавшим приятелям, и те бросились на Дмитрия, поддерживающего под локоть избитого незнакомца. Что произошло в следующее мгновение, не понял никто.

Дмитрий вроде бы и не двинулся с места, и не махал руками, и не прыгал, но все трое нападавших вдруг оказались лежащими на земле лицами в гальку и мёрзлую землю, и драка закончилась, не успев начаться. Дмитрий повернул голову к «танкисту», сузил похолодевшие глаза.

– Уходите отсюда! Моё терпение имеет пределы. Ещё раз приедете в посёлок – разговор будет другим. Же не компран?

– Чо? – вылупил глаза «танкист».

– Не понял, мурло?

«Танкист» облизнул губы, внезапно сунул руку за пазуху и выхватил пистолет. Но воспользоваться им не успел. Дмитрий буквально исчез в том месте, где стоял, оказался вдруг рядом с молодцем в шлеме, вывернул у него пистолет и направил ствол в лоб.

– Понял, спрашиваю?

– По-по-по-нял... – вспотел «танкист».

– Убирайтесь! Живо!

Вдруг распахнулась дверца вездехода, со звоном ударилась о борт, из кабины на землю прыгнул какой-то чумазый подросток в ватнике и джинсах, бросился к Миргачану и Дмитрию с криком:

– Помогите! Я не хочу жить с ними! Они забрали меня насильно!

Подросток вцепился в шамана, залился слезами, и Дмитрий вдруг понял, что это девушка, очень юная, почти девчонка.

– Успокойся, однако, – проговорил Миргачан, погладив волосы девчушки заскорузлой ладонью. – Кто ты и откуда?

– Я из Колабельды, – выговорила она, глотая слёзы. – Меня зовут Инира, они схватили меня и увезли... четвёртый день уже...

Миргачан поймал взгляд Дмитрия, покачал головой:

– Она из посёлка Кола, километров сто отсюда, однако. Инира по-русски – звезда. Родители небось ищут...

– Нет у меня родителей, я у кайат жила, у тётки...

– Сколько же тебе лет?

– Восемнадцать... скоро будет...

Дмитрий перевёл взгляд на «танкиста», и тот отпрянул, поднимая руки, изменился в лице, заскулил:

– Это не я... это Вахида идея, он взял... а я даже не прикасался к ней...

Молодцы с исцарапанными о камни и мёрзлые комья земли лицами начали подавать признаки жизни, озираются, переглядываются. Толпа жителей Уэлькаля вокруг загудела.

– Их убить надо! – выкрикнула какая-то старуха в драной шубе. – Сколько людей они обманули! Мужиков спаивали! А теперь ещё и детей крадут!

Шум усилился.

– Тихо! – рявкнул Миргачан на сородичей, посмотрел на Дмитрия. – Бандиты, однако. Их в милицию бы надо. Да только где она, милиция?

Дмитрий поднял пистолет, посмотрел вверх ствола на побледневшего «танкиста».

– Будь моя воля, я бы их всех утопил! – Он посмотрел на спасённого мужчину с заросшим седой щетиной лицом, перевёл взгляд на девочку по имени Инира. – У вас есть связь с губернским центром?

– Есть, – вышла вперёд женщина средних лет.

– Позвоните, передайте приметы этих... продавцов. Их найдут. А я, когда доберусь до места, продублирую. А теперь пусть убираются!

– Идите, однако, – махнул рукой Миргачан. – Сюда больше не приезжайте.

– Тебя не спросили... – «Танкист» осёкся, глянув на Дмитрия. – Пушку-то отдай, орясина, не твоя она.

Тот подошёл к нему вплотную, сказал раздельно:

– Я человек мирный, но если надо – всех вас в тундре положу! Понял? Лучше убирайтесь из этого края. Вернусь – найду!

Молодцы в куртках попятились к вездеходу, опасливо поглядывая на пистолет в руке Дмитрия, забрались по одному в кабину.

«Танкист» залез последним, приоткрыл дверцу, ощерился:

– Мы тебя сами найдём, паря! Пожалеешь, что встрял не в своё дело!

Вездеход заворчал мотором, крутанулся на месте, распугивая жителей стойбища, брызнул струями гальки и песка из-под гусениц и помчался вдоль берега, огибая посёлок.

Спасённый Дмитрием незнакомец бросил на него косой взгляд и молча, припадая на левую ногу, поплёлся прочь, боком протиснулся сквозь толпу, исчез. Что такое благодарность, он, очевидно, не знал.

Люди начали расходиться, оживлённо обсуждая происшествие. Жёны потащили домой упирившихся мужей, не успевших обменять свои товары на спирт. Дети, с уважением глядя на Дмитрия, загалдели, затем разбежались в разные стороны, продолжая свои игры. На площади перед магазином остались четверо: Храбров, шаман, девочка Инира и женщина, оказавшаяся главным бухгалтером стойбища по имени Валентина.

– Спасибо вам, что вступились, – сказала она виноватым тоном. – Наши мужики трусоваты, да и зависят от барыг, им невыгодно ссориться и заступаться за других. Надолго к нам? Где остановились?

– У меня, – сказал Миргачан.

– Я всего на минутку сюда заскочил, – развёл руками Дмитрий. – За солью да за спичками. Пойду дальше. Позаботьтесь о девчонке. Её бы к тётке вернуть.

– Поживёт пока у меня, а через неделю из центра прилетит вертолёт за рыбой, и мы её отправим домой.

– Не хочу! – выпалила Инира, вырываясь из рук шамана. – Можно я с вами пойду? – Она умоляюще прижала кулачки к груди.

Дмитрий отрицательно качнул головой, поёжился под взглядом огромных, с косым разрезом, карих глаз.

– К сожалению, это невозможно. Поход – не прогулка, а мне не нужны проводники и... – Дмитрий хотел добавить: и лишние рты, но сдержался.

– Пойдём, милая. – Валентина взяла Иниру под руку. – Умоешься, переоденешься, согреешься. Есть хочешь?

Они пошли прочь. Девушка упиралась, оглядывалась, в её глазах стояли слёзы, но Дмитрий покачал головой и отвернулся, понимая, что с такой обузой далеко не уйдёт. Да и ситуация складывалась двусмысленная: здоровый мужик вдруг решил взять в спутницы молодую девчонку...

– Спасибо, гирки⁷, – сказал шаман. – Барыги теперь к нам не приедут, однако. Но будь осторожен, это плохие люди.

Дмитрий кивнул. Он не был уверен, что менялы не вернуться. Они контролировали, наверное, все стойбища побережья и вряд ли согласны были отказаться от части прибыли, которую получали с «торговой точки» в Уэлькале. Законы здесь, на краю земли, не действовали, и рэкетирствующие молодчики устанавливали свои правила.

У яранги шамана стали прощаться.

– Возьми олешка, однако, – предложил Миргачан. – Лошадь твой далеко не уйдёт, замёрзнет, а олешек нет.

– Это было бы неплохо, – с сомнением проговорил Дмитрий, – да ведь мне нечего за оленя дать. Лошадь – неравноценный обмен.

– Бери даром, – великодушно махнул рукой шаман. – Я не обеднею. Если надо, мне охотники любого олешка приведут.

– Ну, тогда, пожалуй, можно.

Дмитрий перегрузил рюкзак с походным имуществом с лошади на красивого оленя, погладил его по шее:

– А он не убежит?

– Смирный, однако, не убежит, – осклабился Миргачан.

– Тогда я двинулся дальше. Спасибо за гостеприимство, за беседу, за оленя. В долгу не останусь. Прощайте.

Шаман мелко-мелко закивал, сунул Дмитрию вырезанную из китового уса тёмную фигурку, напоминающую зверя и человечка одновременно.

⁷ Друг (эскимосск.).

– Это шипкача, добрый дух. Помогать будет, однако, тугныгаков отгонять.

– Кого?

– Тугныгаков, злых духов.

Дмитрий взвесил в руке ставшую тёплой фигурку, положил в карман на груди, поклонился (благодарить за такой подарок не полагалось по местным поверьям) и дёрнул за кожаный пояс, заменявший узду. Олень послушно тронулся с места.

Никто Дмитрия не провожал. Барыги уехали, ажиотаж с обменом и торговлей спал, жители стойбища разошлись по домам. Лишь стайки детей продолжали суетиться то там, то здесь, изредка появляясь у яранги Миргачана.

Дмитрий оглянулся на краю посёлка, но шамана не увидел. «Духовный наставник» стойбища не любил долгих прощаний и скрылся в своём жилище. Зато появился откуда-то тот самый мужчина в камуфляже, которого избивали менялы. Он догнал Дмитрия с непокрытой головой, исподлобья глянул на оленя, на путешественника, на море.

– Я знаю, что ты ищешь. – Голос у незнакомца был тонкий, гортанный, необычный. – Могу показать дорогу.

– Это интересно, – сказал Дмитрий хладнокровно. – Мне казалось, я сам не знаю, куда иду и что ищу.

– Ты ищешь Рамль. Я знаю дорогу.

Дмитрий подобрался, ощупал недоверчивым взглядом тёмное лицо незнакомца, разукрашенное синяками и царапинами, не похожее ни на лицо тунгуса, ни на лицо русского, ни на «лицо кавказской национальности». Снова пришло ощущение, что у мужика не два глаза, а четыре.

– Откуда вам известно... о Рамле?

Губы незнакомца исказила усмешка.

– Это неважно. Ты хочешь найти крепость?

– Хочу, – подумав, ответил Дмитрий.

– Я отведу тебя. Ты помог мне, я помогу тебе. Но идти надо быстро.

– Почему?

– Они могут вернуться.

Дмитрий понял, что речь идёт о барыгах, избивших собеседника.

– За что они вас били?

Та же кривая ухмылка.

– Кто-то украл у них банку кофе, подумали, что это я.

– Понятно. А откуда вам всё-таки известно о Рамле?

– Я тут давно... – Черноволосый здоровяк неопределённо пожал плечами. С виду он был силён как бык, и Дмитрию было непонятно, почему верзила не дал отпора парням с вездехода.

– Почему я должен вам верить?

– Как хочешь. Можешь не верить...

– Как вас звать?

– Эвтанай.

– Далеко нам идти до Рамля, Эвтанай?

Мужчина посмотрел на низкое солнце, бросил взгляд на оленя, на ноги Дмитрия, словно что-то прикидывая.

– Два дня.

– Как же вы дойдёте, если у вас нет ни припасов, ни оружия, ни походного снаряжения? Или болтовня о Рамле только прикрытие? И ночью вы меня ограбите и скроетесь?

– У меня есть оружие. – Эвтанай сунул руку за пазуху и вытянул длинный нож, сверкнувший ярким голубым блеском. – Мне ничего не надо. Я дойду.

– Ладно, присоединяйтесь, – согласился наконец заинтригованный Дмитрий. – Но предупреждаю: замечу что подозрительное – церемониться не буду. Это я с виду только смиренный, но вы видели, как я могу защищаться.

– Мне нет смысла хитрить. До Рамля одному не дойти.

– Почему? Я бы дошёл, если бы знал координаты.

– Рамль защищён... он окружён «кольцом духов»... Нужен такой человек, как ты, чтобы никого и ничего не бояться.

Дмитрий хмыкнул, с сомнением оглядел ничего не выражающее лицо Эвтаны и дёрнул за оленью узду.

– Ну что ж, потопали.

2

Вскоре посёлок охотников скрылся из виду.

За два часа путники отмахали вдоль берега моря около десяти километров, остановились перевести дух, и в это время сзади на серо-белой глади берега появилась точка, превратилась в догоняющего их человека, и человеком этим оказалась Инира, одетая в оленью парку, ичиги и нерпичью шапку, раскрасневшаяся, умытая, причёсанная и невероятно красивая. В руке она держала небольшую меховую сумку.

– Я с вами! – выпалила она, запыхавшись от бега. – Пожалуйста, возьмите меня с собой.

Глаза Эвтаны недобро сверкнули.

– Уходи! – бросил он неприветливо. – Тебе нельзя там, где мужчины. Плохо будет.

Инира умоляюще посмотрела на Дмитрия.

– Я вам не помешаю, я выносливая. Вот, даже еду взяла. – Она приподняла сумку. – Сушёное мясо и хлеб.

Дмитрий улыбнулся:

– Этого не хватит даже на день пути, а до ближайшего стойбища километров триста. Ты не дойдёшь. Возвращайся.

Инира гордо вскинула голову:

– Я в школе бегала быстрее всех! Я дойду! Не захотите меня взять, я пойду за вами сама.

Дмитрий и Эвтана переглянулись. Черноволосый проводник покачал головой:

– Она совсем молодая, глупая, нельзя ей с нами. Совсем нельзя.

– Прогоним – она пойдёт за нами.

– Я отведу её в посёлок и оставлю.

– Не подходи, двулицый! – Инира проворно достала из-под полы парки нож с изогнутым лезвием. – Глаз выколю!

Дмитрий поднял бровь, посмотрел на спутника, ничуть не смутившегося угрозы, на девушку.

– Почему ты назвала его двулицым?

– Я видела его в Колабельды, он ссорился с какими-то парнями, и они называли его двулицым.

– Может быть, двуличным?

– А какая разница? – удивилась Инира.

Дмитрий усмехнулся:

– Действительно, почти никакой. Давай договоримся, путешественница. Мы возьмём тебя с собой только при одном условии: не жаловаться! И слушаться. Иначе лучше отправляйся обратно. Договорились?

– Да-да, – радостно закивала девушка. – Я буду послушная.

– Кстати, нехорошо, что ты убежала от приютивших тебя людей да ещё забрала у них продукты и одежду.

Инира вспыхнула, понурила голову. Потом посмотрела в глаза Дмитрию:

– Я всё верну! И я написала Валентине Семёне записку, чтобы она не беспокоилась.

– Мы теряем время, – угрюмо проговорил Эвтанай. – Я против, чтобы она шла с нами, хлопот не оберёшься.

Дмитрий и сам думал так же, но и прогонять упрямую аборигенку (интересно, кто её родители? По всему видно, кто-то из них был эскимосом, а кто-то русским) не спешил. И смотрела она так жалобно и вместе с тем с таким вызовом, что можно было не сомневаться: она и в самом деле способна сопровождать их в отдалении.

– Присоединяйся, – сказал Дмитрий со вздохом.

Глаза девушки просияли. Она бросилась к нему, но застеснялась, остановилась и, повернувшись к Эвтанаю, показала ему язык.

За два дня они преодолели шестьдесят два километра и приблизились к отрогам Чукотского нагорья, скрывшим за собой низкое солнце. День от ночи теперь можно было отличить только по светящемуся небосводу, да и длилось светлое время суток всего около четырёх часов. Столько же продолжались сумерки, а остальное время занимала ночь.

Чем руководствовался Эвтанай, ведя небольшой отряд зигзагом, никто не знал. Однако на исходе второго дня он свернул на юго-запад, и отряд стал удаляться от ровного берега моря. Начались пологие холмы, гряды, долины, болотистая, ещё не окончательно заледеневшая тундра сменилась каменистыми осыпями и голыми проплешинами с редким кустарником и куртинами трав.

Комары, в летний период настоящее бедствие для животных и человека, с наступлением холодов исчезли, а за ними ушли и птичьи стаи. Лишь изредка встречались полярные совы, гонявшиеся за леммингами и зайцами, малые веретенники, пуночки и белые куропатки, остающиеся на зиму, и Дмитрий изредка охотился, добывая по несколько штук для обеда или ужина.

Олень, подаренный Дмитрию шаманом Уэлькаля, оказался смирным и выносливым животным, успевавшим насытиться лишайником во время стоянок. Люди, естественно, питались разнообразнее, но ненамного: вяленое и сушёное мясо – пеммикан, рыба, которую очень ловко ловил Эвтанай, да мясо куропаток, приготовленное на костре. Хлеб Иниры был съеден давно, поэтому обходились без него. Костры разводили из плавника на берегу и сухих лепёшек лишайника, иногда подбрасывая встречавшиеся на пути ставшие рыхлыми кости животных.

Дмитрий походную жизнь переносил абсолютно спокойно, как и полагается путешественнику с его стажем. Эвтанай также шагал неутомимо и быстро, не обращая внимания на условия сурового края, хотя ел он редко и только рыбу, когда случалось её поймать. Однако и девушка Инира, оказавшаяся наполовину украинкой, наполовину эскимоской, не жаловалась на трудности похода, держалась бодро и жизнерадостно, часто пела заунывные эскимосские песни и не донимала своих спутников расспросами или пустопорожней болтовнёй.

Её ичиги из оленьих шкур, подшитые снизу вторым слоем кожи, к счастью, оказались прочными, и Дмитрию, знавшему, как быстро изнашиваются ботинки в здешних условиях, заботиться о смене обуви не пришлось. Да и температура воздуха пока держалась на отметке минус восьми-десяти градусов, не заставляя путешественников кутаться в меха и закрывать лица шарфом.

Дмитрий не раз потом размышлял о причине, заставившей его взять с собой Иниру, и пришёл к выводу, что он сделал это вопреки желанию Эвтаны, который таинственным образом узнал о цели путешествия Храброва и вёл себя подозрительно. О том, что девушка просто понравилась Дмитрию, он не решился признаться даже себе самому.

На третьи сутки Эвтантай впервые начал проявлять беспокойство. То и дело останавливаясь, он подолгу разглядывал сопки и склоны холмов, всматривался в землю, поглядывал на небо и что-то ворчал под нос. За этот день они прошли всего километров пятнадцать и достигли первых скал и каменистых осыпей края плато, постепенно поднимавшегося в горы. Эвтантай некоторое время изучал местность, сунулся к одной группе скал, к другой и глухо проговорил:

– Меня сбивают... уведят от цели... не могу найти тропинку...

Дмитрий и сам видел, что они кружат на месте, несколько раз меняя направление пути, но считал, что проводник просто вспоминает приметы и ищет кратчайшую дорогу к цели.

– Кто сбивает? – поинтересовался он.

– Духи...

– Чем я могу помочь? Что нужно делать?

– Надо идти прямо... эти скалы – ключ к воротам в долину, где стоит... стояла крепость.

– Прямо – это куда? На юг? На запад? На восток?

Эвтантай посмотрел на тёмное небо, затянутое пеленой облаков, на скалы, ткнул пальцем справа от них:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.